

ПОВОЛЖСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ
ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

¹ 5 (38)

2013

Саратов

Научный журнал

Учредитель

**Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Главный редактор – профессор **Д.Ф. Аяцков**
Зам. главного редактора – профессор **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **Д.В. Акаев**

Редакционный совет:

Д.Ф. Аяцков – председатель (доктор исторических наук, профессор, директор),
Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
В.В. Радаев (губернатор Саратовской области),
Н.И. Меркушкин (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.В. Герасимова, д-р экон. наук; **Э.Г. Липатов**, д-р юрид. наук;
О.А. Лиценбергер, д-р ист. наук; **А.В. Рязанов**, д-р филос. наук;
Ю.И. Тарский, д-р социол. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
Т.И. Черняева, д-р социол. наук; **В.Л. Чепляев**, канд. социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС 77 - 52425 от 28 декабря 2012 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – май 2012 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

© Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2013

¹ 5 (38)
2013

**B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION ACADEMY
FOR CIVIL SERVICE**

Science journal

Founder:

***The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration***

Editor-in-chief: Professor ***D.F. Ayatskov***
Deputy editor-in-chief: Professor ***O.N. Fomin***
Executive secretary: ***D.V. Akaev***

Editorial council:

D.F. Ayatskov – Chairman (Doctor of History, Professor, Director),
L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),
V.V. Radaev (Governor of the Saratov Region),
N.I. Merkulshkin (Governor of the Samara Region),
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.V. Gerasimova, *Doctor of Sciences (Economics)*;
E.G. Lipatov, *Doctor of Sciences (Law)*;
O.A. Litsenberger, *Doctor of Sciences (History)*;
A.V. Ryazanov, *Doctor of Sciences (Philosophy)*;
Yu.I. Tarsky, *Doctor of Sciences (Sociology)*;
O.I. Tsybulevskaya, *Doctor of Sciences (Law)*;
T.I. Chernyaeva, *Doctor of Sciences (Sociology)*;
V.L. Chepliaev, *Candidate of Sciences (Sociology)*

© Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2013

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

O.V. Bakhlova
Political Optimization
Mechanisms of Territorial
Administration of the Russian
Federation

The author presents the political analysis of issues and prospects of Russian territorial administration in terms of the scenario approach. Particular attention is paid to the correlation between factors and mechanisms of the federal and regional levels. Key elements of the active and passive scenarios for the situation development in the studied field are defined.

Key words and word-combinations: optimization, scenario, territorial administration.

С позиций сценарного подхода предлагается политологический анализ проблем и перспектив системы территориального управления России. Особое внимание уделяется корреляции факторов и механизмов федерального и регионального уровня. Определяются основные элементы активного и пассивного сценариев развития ситуации в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова и словосочетания: оптимизация, сценарий, территориальное управление.

УДК 323(470+571):33
ББК 66.3(2Рос)+60.8

О.В. Бахлова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОПТИМИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Сложная форма государственного устройства Российской Федерации и асимметрия ее субъектов при исследовании вариантов оптимизации территориального управления побуждают учитывать тенденции официального курса на совершенствование модели российского федерализма и региональной политики. Его главные цели – обеспечение инновационного развития Федерации и ее составных частей; сбалансированное пространственное развитие путем формирования

* Издание научной статьи осуществлено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках госзадания. Проект 6.3306.2011 «Трансформация статусно-ролевых характеристик национальных образований финно-угорских народов России в процессе модернизации политико-территориальной системы».

новых территориальных центров роста, реализации конкурентного потенциала территорий, снижения территориальной дифференциации, достижения высокого уровня межрегиональной интеграции. В связи с этим осознается необходимость укрепления системы стратегического управления региональным развитием, повышения сбалансированности обязательств региональных и муниципальных властей и их возможностей [1].

Политическое прогнозирование рассматриваемой проблемы на современном этапе тяготеет к использованию сценарного метода как на официальном, так и на экспертном уровне. При этом часто наблюдается противопоставление «инерционного» и «инновационного» сценариев развития страны, в рамках которых соответственно допускается либо частичная, либо системная модернизация. И официальные и альтернативные подходы, построенные на такой дихотомии, демонстрируют акцентированное отношение к проблеме качественного государственного управления.

Стратегический ориентир официального дискурса – построение «эффективного государства» [2]. В пакете инициатив власти по реформированию системы управления соединяются идеи построения четко работающей исполнительной вертикали, пересмотра структуры и функций органов власти, де бюрократизации государственного аппарата. Желаемые результаты реформы определяются выражениями: «государство, адекватное нашему времени и целям, перед которыми стоит наша страна» [3]; «сильная и ответственная власть, основанная на консолидации общества», без которой невозможен прорыв в будущее [4].

«Умная политика», согласно официальной позиции, призвана обеспечивать условия для всестороннего обновления жизни общества, предполагая повышение качества власти, народного представительства, политической системы, внедрение новых стандартов в деятельности органов госуправления [5]. Один из наиболее артикулированных ее механизмов – децентрализация власти, а институтов – открытое правительство – эффективный способ обратной связи, позволяющий оценить действенность государственной политики, принципиально иначе построить работу органов власти, сделать ее современной, опирающейся на инициативу с мест [6].

Экспертные оценки также исходят из необходимости внедрения компетентного управления, обеспечивающего выполнение базовых функций государства и предоставление базовых общественных благ, некоррупцированного, прозрачного, ответственного и поддерживающего обратную связь с обществом. Подвергается критике система управления со смещением ценностей в сторону администрирования, распределением чиновниками ограниченного ресурса, закрытостью и централизацией принятия решений, ведомственным сепаратизмом [7, с. 11–13].

Негативные моменты, присущие управленческой системе Российской Федерации, аккумулируются в концепции «государства-корпорации». Речь идет об отсутствии единой государственной машины; приватизации ее частей корпорациями, когда силовой ресурс является каркасом системы с гипертрофированными вертикалями и недоразвитыми горизонталями; непубличности и непрозрачности; отсутствии действенного разделения властей [8].

Сложившаяся в России ситуация определяется и как «институциональная ловушка» – устойчивое, но неэффективное равновесие с иерархической соподчиненностью субнациональных органов власти и управления. Инерционное развитие событий при сохранении констелляции ключевых акторов означает дальнейшее усугубление проблем принципал-агентских отношений. Альтернативный же вариант допускает попытки правящей группы решить существующие проблемы посредством «жесткой руки», то есть полной или частичной замены ряда существующих институтов сугубо авторитарными механизмами управления при сохранении институционального «ядра» неизменным. Описанные варианты – «идеальные типы», но реальная практика может представлять собой ту или иную их комбинацию или непоследовательное чередование элементов [9].

К основным проблемам в сфере территориального управления относят: несоответствие административных, экономических, этнических и политических границ территорий; отсутствие органов управления средними, промежуточными звеньями территорий (между Федерацией и областью, областью и районом и пр.) и городскими агломерациями; дублирование функций органов системы территориального управления и незначительность полномочий Министерства регионального развития РФ [10].

Прогнозы оптимизации территориального управления главным образом предполагают обращение к благоприятным вариантам развития ситуации в исследуемой плоскости. Однако необходимо также учесть разнообразные риски, вызовы и угрозы, негативные тенденции и их вероятные последствия. Таким образом, прогнозирование в данной сфере целесообразно как на уровне разработки пассивных сценариев, ориентированных на выявление уязвимых элементов системы территориального управления, так и реализации активных сценариев, нацеленных на разработку государственной политики, позволяющей обеспечить и поддерживать устойчивое развитие страны в целом и отдельных регионов. В итоге речь идет об определении параметров и границ поиска эффективных стратегий территориального управления.

Та или иная перспектива увязывается нами с определенными политическими циклами, прежде всего электоральными, поскольку именно они, как показывает практика, содержат в себе наиболее значительный потенциал институциональных и других изменений, обусловленных принятием новых или корректировкой прежних решений.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе наибольшее влияние на состояние и эволюцию территориального управления в политической плоскости оказывают результаты выборов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ 6-го созыва (декабрь 2011 г.) и главы государства (март 2012 г.).

Краткосрочный период можно охарактеризовать как дискуссионно-поисковый, так как возможна коррекция сложившейся в рамках прежнего избирательного цикла системы отношений между ведущими политическими акторами. Одна из главных принципиальных проблем в сфере территориального управления в этих рамках – необходимость гармонизации линии на (ре)централизацию 2000–2008 гг. и идеи децентрализации полномочий Федерации, ставшей популярной в последние годы. Благоприятный вариант предполагает бесконф-

ликтное сосуществование соответствующих политических проектов. Позиции ведущего актора и главного иницилирующего субъекта в системе территориального управления по-прежнему принадлежат федеральному центру, персонифицированному в главе государства благодаря его высокому личному авторитету и накопленному политическому опыту, а также отсутствию альтернативных лидеров федерального и регионального уровня, невозможности консолидации «системной» и «несистемной» оппозиции. Насущная текущая задача для него – это признание органами исполнительной власти принципа субординации в качестве императива взаимодействия. Вопрос о сохранении политического контроля над законодательной властью в текущее время неактуален.

Активный сценарий оптимизации территориального управления в краткосрочной перспективе основан на внедрении модифицированных управленческих механизмов в рамках в целом сложившейся ранее системы.

Во-первых, это конвертация уже выдвинутых предложений по вопросам перераспределения полномочий между Федерацией, субъектами РФ и органами местного самоуправления в соответствующие законопроекты. С политической точки зрения чрезвычайно важно, кто выступит в данном случае иницилирующим субъектом: Президент РФ, подтверждающий свою главенствующую управленческую роль, либо Правительство, что будет свидетельствовать о продолжении «управленческого кондоминиума». В случае закрепления за Правительством РФ права передавать своими постановлениями полномочия на региональный уровень вероятно повышение политического влияния его руководителя. Либо инициатива будет проявлена группой депутатов, что можно будет оценить как стремление руководства акцентировать декларированное намерение усилить роль парламента в системе государственного управления и как доказательство складывания широкой «партии власти» в качестве интегративного управленческого института. Гипотетически этот процесс может происходить в духе «демократии участия», с вовлечением представителей «несистемной» оппозиции, региональных и местных органов, экспертного сообщества.

Во-вторых, это актуализация управленческих проблем на региональном уровне вследствие перехода к выборам губернаторов. И федеральные политические партии, и региональные органы государственной власти должны будут расширять каналы взаимодействия с электоратом, политическим и региональным сообществом в целом. Итогом внедрения нового электорального механизма регионального уровня может быть повышение альтернативности предлагаемых управленческих стратегий и решений и даже статусно-ролевых характеристик регионов, их органов и социально-политических субъектов в системе территориального управления, что может стимулировать умеренную децентрализацию и диверсификацию процесса принятия и реализации управленческих решений с возможной реанимацией региональной политической активности.

В-третьих, это складывание равноправного партнерства Минрегионразвития и Министерства РФ по развитию Дальнего Востока, взаимодействующих с органами территориального управления регионального и местного уровня и территориальными подразделениями федеральных органов. Внедрение неконституционных институтов (госкорпораций по развитию проблемных регионов) в

идеально-оптимистическом варианте предполагает функционирование элементов системы территориального управления на основе принципа субсидиарности, одновременно подготавливая почву для усиления значения более крупных управленческих территориальных единиц (мегарегионов) и их руководителей как управляющих субъектов. Опосредованно это будет способствовать сохранению ведущей роли федерального центра, обеспечивая за ним полноту контрольных и надзорных функций.

Однако в политическом ракурсе практически на всех направлениях оптимизации территориального управления России сохраняются серьезные «уязвимости», риски разнообразного характера, влияющие также на модернизацию территориального устройства Российской Федерации [11, с. 95–96]. Они выступают основой для пассивного сценария развития ситуации и в рассматриваемой сфере и для негативного прогноза. Среди них: приоритетность политической целесообразности в ущерб объективным потребностям и возможностям регионов в случае спешки с принятием законопроектов по децентрализации полномочий Федерации; доминирование партийной составляющей в новом порядке избрания губернаторов; диверсификация управленческих институтов с возможной маргинализацией конституционных механизмов.

Наиболее реализуемой и предпочтительной в краткосрочной перспективе выступает политика «малых шагов», допускающая отдельные коррективы сложившейся системы территориального управления по мере изменения ситуации и интересов ее основных субъектов.

Среднесрочная перспектива укладывается в рамки текущего электорального цикла (2017/18 г.). Главные политические параметры оценки ситуации: степень стабилизации политического режима и политической системы, политической конкуренции; соотношение инклюзивности и сепаратизации «регионов». Данный период можно считать «диагностическим», имея в виду принципиальный выбор формулы, концепции и идеологии, механизмов и технологий политики и стратегии территориального управления в плане ее централизации или децентрализации, этатизации, патернализма либо либерализации и демократизации. В контексте этого выбора одна из важнейших проблем административно-территориального деления России, в свою очередь сопрягающаяся как с решением назревших вопросов об основаниях российского федерализма, асимметрии субъектов РФ, продолжении процесса укрупнения регионов, статуса федеральных округов, так и с глобальной экзистенциальной проблемой – формы территориального устройства. Таким образом, система территориального управления России должна приобрести более четкие структурные характеристики, вытекающие из вновь утверждающейся пространственной конфигурации страны. Однако пределы ее оптимизации будут задаваться во многом политическими конъюнктурными соображениями, поэтому точный «диагноз» вряд ли будет определен и направленность периода приобретет пролонгированный характер, распространяясь на долгосрочную перспективу.

Тем не менее активный сценарий оптимизации территориального управления в среднесрочной перспективе мыслится как реализация федералистской альтернативы. Он базируется на следующих механизмах:

во-первых, на принятии Концепции региональной политики, проект которой был предложен еще в 2008 г., – возможно, в новой редакции, адаптированной к новым условиям, что поспособствует более эффективной организации работы Минрегионразвития и других уполномоченных органов, поставив перед ними конкретные цели и задачи;

во-вторых, на синхронизации решений и действий органов территориального управления путем нормативного урегулирования вопросов определения и разграничения компетенции между ними, что потребует достижения консенсуса ведущих политических акторов федерального и регионального уровня;

в-третьих, на повышении уровня политической конкуренции вследствие дальнейшей либерализации федерального законодательства о партиях, в частности отмены запрета на создание и деятельность региональных партий, что может серьезно усилить альтернативность предлагаемых управленческих идей, решений, стратегий;

в-четвертых, на отказе от прессинга в отношении регионов, их ранжирования по политическим соображениям, на переходе к модели взаимодействия и соучастия в осуществлении территориального управления в плоскости центрально-региональных отношений и на местах;

в-пятых, на устранении дублирования функций органов государственной власти субъектов РФ и территориальных органов исполнительной власти Федерации с упразднением избыточных структур. Цель – эффективное разделение ответственности между федеральным и региональным уровнями управления, его дебиюрократизация, устранение приемов торга и шантажа.

Потенциальные риски на среднесрочную перспективу в самом жестком варианте аккумулируются в негативном прогнозе в рамках пассивного сценария, главным трендом которого является унитаризация. Новая концентрация на «централизованном» подходе и субординационных отношениях создает ситуацию, при которой региональные органы власти не воспринимаются как самостоятельные институты, а низводятся до роли региональных филиалов жестко централизованной государственной власти, выполняющих директивы центра. Даже не предполагается внедрения механизмов широкой партиципации и демократизации системы территориального управления, обозначенных ранее. Абсолютно доминирует принцип управления «сверху вниз».

В смягченном варианте акцентируется внимание на негативных последствиях перехода к новой политике территориального управления. Прежде всего, имеется в виду выход территориальных подразделений федеральных органов из-под контроля центра, а также неспособность регионов и местных сообществ справиться с дополнительным грузом ответственности, возложенным на них в результате децентрализации полномочий. Это может быть обусловлено не только недостатком финансовых и иных возможностей, но и отсутствием необходимого опыта самостоятельного принятия управленческих решений и слабостью институтов гражданского общества.

Необходимо учитывать, что завершение периода, увязываемого со среднесрочной перспективой, приходится на окончание текущего электорального цикла и начало избирательной кампании в контексте следующего, поэтому вряд ли

стоит ожидать радикальных решений от политических акторов, оказывающих наибольшее воздействие на систему территориального управления в России. Многое будет зависеть от расклада политических сил и появления альтернативного политического лидера / актора. Следовательно, в преддверии избирательной борьбы возможны либо консервация ситуации, сложившейся в начале цикла, либо, напротив, выдвижение новых идей или реанимация декларированных ранее, но не реализованных на практике. Более вероятным представляется первый вариант.

Долгосрочная перспектива с политической точки зрения может определяться в границах двух электоральных циклов – до 2024 г. Указанные параметры оценки ситуации сохраняют свое долговременное значение.

Данный период, особенно его вторая половина, приходящаяся на новый электоральный цикл, в оптимистическом варианте корреспондируется с имплементацией декларированных управленческих механизмов и кульминацией ранее обозначившихся тенденций. Таким образом, активный сценарий оптимизации территориального управления в долгосрочной перспективе основан на достижении осязаемых успехов в совершенствовании рассматриваемой системы в рамках федеративного государства в русле политики системной модернизации и инновационного развития. В идеале он предполагает внедрение институтов «электронной демократии» и информационно-коммуникативных технологий управления, призванных обеспечить не только большую доступность государственных / муниципальных услуг, но и прозрачность управленческого процесса на разных уровнях. Необходимое условие реализации активного сценария – завершение формирования гражданского общества, институты которого проявляют значительную активность на всех уровнях системы территориального управления и превращаются в важных партнеров уполномоченных органов. Однако существенно тормозить его будут традиции политического управления и архетипы политической культуры, дисбаланс политической системы и системы центрально-региональных отношений, дифференциация регионов. В целом же риски-детерминанты и тренды пассивного сценария в долгосрочной перспективе совпадают с названными.

Библиографический список

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 12 нояб. 2008 г. № 1662-р. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategic_planning/concept/doc1248450453794.
2. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 25 апр. 2005 г. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type_82634_87049.shtml
3. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 18 апр. 2002 г. URL: <http://2002.kremlin.ru/events/510.html>
4. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 16 мая 2003 г. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml>
5. Послание Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 30 нояб. 2010 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/9637>
6. Послание Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 22 дек. 2011 г. URL: <http://kremlin.ru/news/14088>

7. Россия XXI века: Образ желаемого завтра / Ин-т совр. развития. М., 2010.
8. Петров Н. Государство. М., 2010. URL: <http://russia-2020.org/ru/2010/07/13/russia-2020-state/>
9. Гельман В. Политические институты. URL: <http://russia-2020.org/ru/2010/09/14/political-institutions-2/>
10. Усягин А.В., Шишков М.К. Территориальное управление в России: теория, история, современность, проблемы и перспективы. М., 2009. URL: <http://www.terrus.ru/mono/index.shtml>
11. Курлевский И.В. Модернизация территориального устройства России в официальном дискурсе власти и партийной программатике: дис. ... канд. полит. наук. М., 2013.

A.A. Korobov, S.E. Grishin
Discrete Nature of the Migration
Space as a Risk Factor
of Ethnopolitical System Stability

One of non-trivial scientific approaches to the analysis of the dynamics of ethno-political structure of the society in the intensive growth of foreign ethnic immigration is considered. This approach is based on the identification of the discrete nature of migrants' inhabiting geographical spaces, and modeling the risk situation of imbalance in the regional ethno-political system.

Key words and word-combinations: ethnic migration, diaspora, ethnopolitical system, political risk, migration discrete space.

Рассматривается один из нетривиальных научных подходов к анализу динамики этнополитической структуры общества в условиях интенсивного роста внешней этнической иммиграции. Подход основан на выявлении дискретности географического пространства заселения мигрантов и моделировании ситуации риска дисбаланса в региональной этнополитической системе.

Ключевые слова и словосочетания: этническая миграция, диаспора, этнополитическая система, политический риск, дискретность миграционного пространства.

УДК 323.1
ББК 66.094

А.А. Коробов, С.Е. Гришин

ДИСКРЕТНОСТЬ МИГРАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОР РИСКА УСТОЙЧИВОСТИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Для большинства стран современного мира, многонациональных по своему составу, одним из необходимых условий поступательного политического и социально-экономического развития является устойчивость этнополитической системы. Изменение демографической ситуации, связанное с постепенным сокращением численности представителей одних этносов и быстрым ростом представителей других национальностей, приводит традиционно существующую этнополитическую, этносоциальную систему общества в неравновесное состояние. Если же помимо демографического фактора (или даже вместо него) осуществляется миграционное воздействие на этнополитическую структуру населения, степень риска нарушения устойчивости прежней системы резко возрастает.

А поскольку нарушение этой устойчивости влечет за собой этнополитическую напряженность в обществе, появление очагов межнациональных конфликтов, к данной проблеме приковано повышенное внимание со стороны государства, независимых экспертов, научного сообщества.

Для анализа и прогнозирования конфликтов в полиэтнической среде ученые применяют различные методологические инструментари и научные подходы: метод аналогий, многофакторный анализ, компаративный и ситуационный подходы. Но все эти инструменты используются в рамках «тривиального решения уравнения с одной переменной». На наш взгляд, результаты получаемых исследований часто имеют высокую степень погрешности за счет произвольного моделирования миграции населения как непрерывного процесса с постоянной скоростью протекания, зависящего от трех-четырех ключевых факторов (например, от этноконфессиональной принадлежности мигрантов, от масштаба миграции, от национального характера коренного населения в регионе вселения). Использование такой модели оправдано далеко не всегда. Она эффективна при анализе потока внешней этнической миграции низкой интенсивности и мононациональной структуры принимающей стороны.

В данной ситуации уровень риска нарушения устойчивости этнополитической системы достаточно низкий и легко управляем традиционными социально-политическими средствами. Однако сегодня во всех принимающих мигрантов регионах мира обстановка существенно изменилась: доля пришлого населения достигла критической отметки (и тем самым моноэтническая структура общества трансформировалась в полиэтническую), интенсивность международной миграции населения постоянно возрастает. Следовательно, чтобы просчитать степень риска и вероятность нарушения устойчивости этнополитической системы, требуется иная модель миграционного процесса.

Предлагается новый подход к моделированию миграционного пространства: отойти от непрерывности и линейности протекания миграции и представить миграционное пространство в дискретном виде. Это позволит выявить истинный уровень риска устойчивости этнополитической системы, когда ключевым фактором воздействия на систему становится миграция населения.

Прежде всего следует определить понятие устойчивости этнополитической системы. Этнополитическая система представляет собой совокупность этносов и народностей, проживающих на ограниченной территории, между которыми существуют жесткие вертикальные (иерархические) и горизонтальные связи и отношения политического (социально-политического) характера. В качестве элементов этнополитической системы выступают организованные этнические общности людей, имеющие собственные политические интересы, которые во многом определяются политическим статусом этноса. В зависимости от своего статуса этносы располагаются на разных иерархических уровнях этнополитической системы. Самый высокий статус имеет государствообразующий этнос (нация). Он, как правило, обладает государственной властью и доминирует в политической, экономической, военной,

культурной, конфессиональной и других сферах. Складываются ситуации, когда на отдельной территории компактного проживания нескольких народов один этнос доминирует в политике, другой – в экономике (здесь имеется в виду, что объем материальных благ, приходящийся на каждого представителя этого этноса, значительно превышает аналогичные показатели по другому / другим этносам). В целом же политический статус этноса связан с наличием или отсутствием у него своей государственности и представительства в органах государственной, муниципальной власти. Баланс политических интересов этносов в одной региональной системе означает устойчивость последней; дисбаланс – нарушение равновесия и, соответственно, неустойчивость этнополитической системы.

В качестве наглядного примера баланса политических интересов можно привести Республику Дагестан. До 2005 г. в исполнительной власти Республики доминировали даргинцы, в Законодательном Собрании – аварцы. Оба этих народа являются наиболее многочисленными в Дагестане (20% и 25% соответственно) и обладают самым высоким политическим статусом. Народы с более низким статусом – кумыки, лезгины, лакцы, русские, ногайцы, таты, чеченцы, акинцы, рутульцы и другие строго пропорционально в зависимости от своей численности представлены в органах власти, за счет чего обеспечивается высокая степень устойчивости этнополитической системы. Другой пример – современная Малайзия, где все население по этническому признаку делится на три части: малайцы (коренной этнос), китайцы (иммигрировавшее население из КНР), тамилы (иммигрировавшее население из Индии). Между представителями этих трех народов поделены все сферы государственной и военной службы, политики, экономики. Подобный баланс этнополитических интересов в Малайзии сохраняется (во многом благодаря эффективной деятельности местной власти) на протяжении последних нескольких десятилетий [1, с. 284].

Устойчивость системы – это не статическое состояние. В устойчивом положении этнополитическая система поступательно равномерно развивается с поддержанием равновесия политических интересов входящих в нее этносов. Следовательно, состояние устойчивости, на наш взгляд, следует отождествлять с устойчивым развитием. Согласно общепринятому определению «устойчивость политической системы (а следовательно, и этнополитической как одной из ее подсистем) – это способность системы сохранять свое развитие в заданном направлении (движение по намеченной траектории) и поддерживать намеченный режим функционирования, несмотря на воздействующие на систему возмущения. При этом выделяют три основных вида устойчивости открытой динамической системы (этими признаками обладает и этнополитическая система): равновесие, гомеостазис (неизменность свойств системы под воздействием внешней среды) и стационарный режим (циклическое повторение одной и той же последовательности состояний)» [2, с. 112].

В соответствии с этим положением неустойчивость этнополитической системы заключается в нарушении равновесия между политическим взаимодей-

ствием этносов, в изменении ее структуры под воздействием неполитических систем (например, миграционной, социально-экономической), в прерывании замкнутости цикла ее функционирования. Одной из опаснейших форм неустойчивости развития этнополитической системы выступает ее кризис, непрерывно нарастающий характер которого способен привести данную систему к частичному (реже – к полному) распаду.

В данной ситуации устойчивость (устойчивое развитие) этнополитической системы означает непрерывность и поступательность изменений при выполнении следующих условий: неизменность иерархии системы, прочность горизонтальных связей, постоянство политических статусов этносов, встраивание новых (иммигрировавших) этносов в уже существующую этнополитическую систему без нарушения статусного равновесия. Тогда любое вероятностное событие, приводящее к нарушению указанных условий, может трактоваться как риск устойчивости этнополитической системы. Отметим, что в общем случае «риск как сочетание вероятности и последствий наступления неблагоприятного события представляет собой совокупность трех факторов: наличие неблагоприятного события, вероятность наступления этого неблагоприятного события, наличие последствий от наступления этого неблагоприятного события» [2, с. 113]. В нашем случае неблагоприятным событием выступает любое существенное изменение политического статуса этноса (элемента в этнополитической системе), причем неважно, повысился статус или понизился, так как с любым его изменением связаны изменения потребностей этноса в политической сфере; в качестве же последствия можно считать нарушение равновесия, дисбаланс, неустойчивость этнополитической системы. Вот почему в узком смысле слова можно понимать под риском устойчивости этнополитической системы сочетание вероятности и последствий возникновения существенных противоречий в политических интересах этносов, компактно проживающих на одной территории.

Рассмотрим понятие миграционного пространства. Миграционное пространство относится к научной категории, посредством которой моделируется миграционная ситуация с заранее заданными параметрами на конкретной территории. Миграционное пространство имеет свои географические, временные и структурные границы. В статическом состоянии (при фиксированных внешних и внутренних условиях) эти границы считаются неизменными, однако такое состояние является полной абстракцией. Под влиянием целого ряда факторов границы миграционного пространства непрерывно изменяются, отражая в каждый момент времени баланс между внешним давлением обстоятельств и внутренним состоянием. Миграционное пространство может быть дискретным и непрерывным, сплошным. Первые публикации, обосновывающие дискретность миграционного пространства, появились только в начале 2013 г.: «В пределах территории пространство дискретно» [3, с. 165].

Дискретность миграционного пространства включает в себя дискретность территориальную (географическое распределение расселения мигрантов), дискретность структурную (по вертикали – в статусном плане, по горизонтали – в

сегментарном отношении) и дискретность временную (периодизация интенсивности миграционного потока).

Территориальная и структурная дискретность миграционного пространства обусловливается одной общей группой факторов – землячеством и родственными отношениями, благодаря чему мигранты на новой территории селятся компактно в места проживания представителей их этноса и трудоустраиваются в сферах, где работают их же родственники (как правило, в сферах, дающих высокий доход). В отдельно взятой сельской местности появляются целые поселки, жители которых – иммигранты или потомки иммигрантов; в отдельном городе – целые кварталы (микрорайоны) из мигрантов. Концентрация в одном месте представителей одного этноса позволяет вновь прибывшим продолжать жить в родной культурной среде, поддерживать свои традиции, открыто исповедовать свою религию.

Теоретически компактные поселения создают основательный плацдарм для постепенной адаптации мигрантов к новой социально-экономической, культурной и политической среде и последующей интеграции в принимающее общество. Однако на практике этого не происходит нигде в мире. Внутрипоселковые связи остаются доминирующими в течение всей жизни иммигранта как первого, так и последующего поколений. Это связано во многом со значительными различиями в культуре и религии мигрантов и коренного населения, а отчасти – с психологическим восприятием принимающей стороны как агрессивной среды. Вначале в целях простого физического выживания, позже не желая мириться со своим положением как некоренного народа, организованные этнические общности предпринимают попытки повысить свой социальный, экономический, а затем и политический статус. Для этого они овладевают высокодоходными сферами в экономике, концентрируют в своих руках интенсивно развивающийся бизнес и стремятся представлять в органах местной власти, что и нарушает в конечном счете равновесие прежней этнополитической системы.

Внесем одно уточнение. Когда культурные и религиозные различия иммигрантов и коренного населения не столь различны, образуются «рассеянные поселения», происходит частичная интеграция пришлого населения в новую среду. Здесь нет территориальной и структурной дискретности миграционного пространства, отмечается лишь временная дискретность, свойственная вообще любым миграционным потокам и зависящая от объективных, а часто и от случайных обстоятельств. Графически временная дискретность миграции (периодизация интенсивности миграционного потока) представляется в основном в виде волн различной амплитуды, периода и фазы. Каждый «ребень» волны – это один импульс миграционного потока. Он может быть краткосрочным, среднесрочным или затяжным, но он обязательно заканчивается. На смену ему приходит затишье, а затем – новый импульс.

Такова дискретность миграционного пространства в своих географических, временных и структурных границах. Данная прерывность не дает возможности этнополитической структуре плавно адаптироваться, подстраиваясь под изме-

нения этнополитической ситуации. Устойчивость системы нарушается очень быстро, и часто ситуация доходит – на языке синергетики – до точки бифуркации, за которой следует полная неопределенность. Если риском можно управлять, сводить его к минимуму, страховать, то неопределенность не поддается целенаправленному воздействию – в этом состоит ее главная опасность, угроза. В связи с этим имеет практический смысл жестко регулировать состояние баланса интересов в этнополитической системе, предупреждать переход системы к неравновесному положению.

Необходимо внести одно дополнение. Миграционное пространство может быть непрерывным, но тогда и только тогда, когда наблюдается полная интеграция мигрантов в принимающее их общество – в этом случае сохраняется устойчивость этнополитической системы. На этом основании можно выдвинуть гипотезу: дискретность миграционного пространства есть достаточное (но не необходимое) условие для нарушения устойчивости этнополитической системы. Следовательно, эта дискретность может идентифицироваться как фактор риска устойчивого развития этнополитической системы. Структурная дискретность и временная дискретность миграционного пространства в своей совокупности представляют не что иное, как импульсное воздействие миграционного потока на этнополитическую систему принимающего общества. Импульсное же воздействие всегда на порядок сильнее непрерывного, приводя в самые кратчайшие сроки (иногда мгновенно) к нарушению баланса в этнополитической системе и ее распаду или к необратимой трансформации.

Предлагаемая нами модель дискретности миграционного пространства может применяться не только для анализа современной реальности, но и в целях описания отдельных исторических событий. В частности, она объясняет распад этнополитической системы Древнего Рима нашествием варваров, распад этнополитической системы государства Инков – расселением в Новом Свете испанцев. Дискретность миграционного пространства достаточно хорошо сочетается с концепцией «пяти факторов поражения внешней этнической миграции» [4, с. 105–107]. В соответствии с ней второй и третий фактор прямого воздействия миграции на принимающее население – ассимиляция коренных этносов иммигрантами и насильственное навязывание мигрантами своей религии, культуры, традиции – напрямую зависят от интенсивности и сроков иммиграции. Чем выше импульс (дискретность) этнической миграции, тем сильнее воздействие на этнополитическую структуру общества и выше угроза для принимающего населения со стороны иммиграции.

Таким образом, вопрос о дискретности миграционного пространства как факторе риска устойчивости этнополитической системы предполагает необходимость управления этим риском. Минимизация риска такого рода, на наш взгляд, достигается путем «сглаживания» дискретности миграционного пространства. Любой поток переселенцев включает в себя легальную и нелегальную составляющие. Нелегальная миграция дискретна в силу объективных причин, она не поддается государственному регулированию. Единствен-

ное, что может сделать власть – это всячески препятствовать развитию структурной дискретности миграционного пространства (нелегального вместе с легальным). Зато уровень дискретности легальной миграции регулируем политическими и социально-экономическими средствами сразу во всех трех плоскостях – территориальной, структурной и временной. Вполне реальна частичная интеграция иммигрирующего этноса в принимающее общество, что уже снижает уровень дискретности. Жесткий государственный контроль масштаба, направлений и интенсивности миграционного потока может сгладить и временную и территориальную дискретность. Итак, дискретностью миграционного пространства как фактором риска вполне можно управлять и не допускать наступления состояния неопределенности в развитии этнополитической системы.

Библиографический список

1. *Бондырева С.К.* Миграция (сущность и явление) / С.К. Бондырева, Д.Б. Колесов. М.; Воронеж, 2004.
2. *Коробов А.А., Овчинников С.А.* Информационно-политические риски и устойчивость политической системы в условиях демократического транзита // Информационная безопасность регионов. 2012. № 1 (10). С. 110–115.
3. *Гришин С.Е.* Вернакулярные районы как новый региональный фактор риска // Традиции и новации времени: Актуальные проблемы современного общества. Саратов, 2013. Вып. 22. С. 162–167.
4. *Коробов А.А.* Миграционный фактор напряженности этнополитических отношений в Российской Федерации: дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2008.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

L.B. Kristalinskiy
Russian Boundary Space: Modern Peculiarities and Dynamics of Its Ethnical Changes

The national features of border regions and their interrelation with state security of Russia are considered. The ethnosocial structure of the boundary space is specified. Border subjects are classified by the basis of a ratio of number of ethnoses occupying them.

Key words and word-combinations: boundary space, state security, polyethnicity, ethnopolitical factor.

Рассматриваются национальные особенности приграничных регионов и их взаимосвязь с государственной безопасностью России. Уточняется этносоциальная структура пограничного пространства. Приграничные субъекты классифицируются по основанию соотношения численности населяющих их этносов.

Ключевые слова и словосочетания: пограничное пространство, государственная безопасность, полиэтничность, этнополитический фактор.

УДК 39
ББК 63.5

Л.Б. Кристалинский

ПОГРАНИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА

Российская Федерация, соседствуя с восемнадцатью странами, обладает самыми протяженными в мире границами. Соответственно площадь пограничного пространства страны также беспрецедентна. Отличается своеобразием и ее национальный состав. По данным переписи населения 2010 г., в стране проживают представители 193 национальностей¹ [1]. Приграничные регионы не менее полиэтничны, что влияет на специфику обеспечения в них государственной безопасности.

Постсоветское время показало, что в наибольшей степени угрозы конституционному

¹ Здесь и далее приведены расчеты автора по результатам переписей населения СССР (1970, 1979, 1989 г.), России (2002, 2010 г.).

строю (сепаратизм, присвоение властных полномочий, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, национальной и религиозной розни и др.) проявляются не просто в периферийных районах страны, а в ее приграничных субъектах, сформированных по национальному принципу [2]. Следовательно, факторы, влияющие на реализацию интересов государственной безопасности внутри страны и в ее приграничье, обладают различными количественными и качественными параметрами. Данный тезис, актуализируя необходимость исследования приграничных субъектов Федерации в этническом аспекте, побуждает рассматривать государственную безопасность через призму национального состава и динамики его изменения в приграничье.

Следует отметить, что полиэтничность российских приграничных территорий всегда усложняла решение вопросов, связанных с реализацией в них интересов государственной безопасности. Даже в знаменитой «Русской правде» декабрист П.И. Пестель, констатируя, что «от хороших границ много зависит Безопасность Государства», отмечал трудности их определения, так как Россия содержит «в своем составе много различных племен» [3].

Данное обстоятельство по-прежнему актуально для российского пограничного пространства. Нередко именно его этническая специфика доминирует в необходимости определения императивов обеспечения государственной безопасности. Например, исследователь В.В. Савельев считает, что «...этнический фактор является не только одним из важных, а поистине ключевым во внутренней безопасности Российской Федерации» [4, с. 95]. По нашему мнению, данное суждение применимо и в отношении государственной безопасности.

Этнические отличия проявляются во всех сферах жизнедеятельности социума приграничных субъектов Федерации. Политическая практика показывает: чем более этносоциальная специфика региона отлична от преобладающей в стране, тем специфичнее и практика формирования и реализации этнополитических интересов. В свою очередь, должен быть и более тщательным их учет в обеспечении государственной безопасности [5].

В связи с этим представляется, что следует учитывать не просто факт полиэтничности определенной территории, а соотношение числа представителей этносов в различных регионах. Характер влияния этнического фактора предположительно взаимосвязан не только со статическими показателями (число тех или иных этносов в субъекте, их соотношение, прирост или снижение численности и др.), но и с их динамикой, то есть изменениями указанных, а также других параметров с течением времени.

Произведя расчет состава этнических групп в субъектах Федерации в процентах от общего состава населения, автор пришел к выводу, что приграничные территории существенно отличаются по национальному составу от внутренних регионов страны. Результаты переписи населения России 2010 г. фиксируют эти существенные отличия:

– в целом по России русские составляют 77,7% от всей численности населения страны; в пограничном пространстве данный показатель равен 69,5%;

– в среднем по всем приграничным административно-территориальным образованиям, созданным по национальному принципу, доля русского населения еще ниже – 39,2%; во внутренних же субъектах такого рода – 52,6%;

– количество русских, проживающих в приграничных краях и областях (85,8%), почти равно доле русского населения во внутренних субъектах подобного типа (87,9%); следовательно, по национальному составу эти приграничные субъекты почти эквивалентны внутренним территориям страны;

– по федеральным округам доля русского населения в приграничных регионах ниже средней по пограничному пространству (69,5%) только в двух из восьми: незначительно в Сибирском федеральном округе (67,6%) и в большей степени в Северо-Кавказском федеральном округе, где русских в приграничных субъектах 13,5% от общего состава населения.

Доля русского населения в качестве критерия избрана не случайно. Изученные исторический опыт и современная политическая практика обеспечения государственной безопасности России, а также многолетние наблюдения автора в различных северокавказских субъектах не позволяют усомниться в экспертном мнении, утверждающем, что «Россия, как и большинство крупных исторических наций, имеет выраженное этнокультурное ядро, и соответственно присутствие / положение русских в том или ином регионе Российской Федерации стратегически равнозначно присутствию российской государственности» [6]. К тому же в соответствии со Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. «системообразующим ядром» Российского государства «исторически выступает русский народ» [7].

На основании итогов переписи населения 2010 г. можно осуществить этносоциальную классификацию приграничных регионов. Выделяются следующие группы: 1) моноэтнические русские приграничные регионы (преимущественно соответствующие среднему соотношению этносов по стране в целом); 2) мультиэтнические русские приграничные регионы (с заметно преобладающим русским населением); 3) полиэтнические приграничные регионы (с заметно преобладающим нерусским населением); 4) мультиэтнические нерусские приграничные регионы (с доминирующим количеством представителей титульных этносов); 5) моноэтнические нерусские приграничные регионы (с преобладанием моноэтнического нерусского населения).

Для указанных групп классификации приграничных регионов отмечаются общие тенденции изменения их этнического состава, что подтверждается анализом их динамических показателей.

Для моноэтнических русских приграничных регионов характерны колебания численности русского населения с преимущественно незначительным снижением его доли в национальной структуре субъектов. В среднем с 1970 г. количество русских снизилось в таких регионах на 2–6%. В постсоветское время данный процесс ускорился, что иллюстрирует, например, динамика изменения численности этнического состава приграничных субъектов Центрального федерального округа Российской Федерации.

Обратная динамика крайне редка. Примерами являются Оренбургская область и Республика Карелия, где доля русского населения выросла на с 1970 г. на 2,9% и 10,9% соответственно, при этом активизация отмеченных процессов также отмечалось в постсоветский период.

Мультиэтничные русские регионы демонстрируют большой разброс показателей и направления изменений этнического соотношения групп населения; динамика также более заметна (табл. 1).

Таблица 1

**Изменения численности русского населения
в мультиэтничных русских приграничных регионах, %**

Год переписи	Область (республика, автономный округ)					
	Астраханская	Бурятия	Алтай	Чукотский	Ямало-Ненецкий	Ненецкий
1970	75,5	73,5	65,6	69,7	46,9	64,5
1979	74,8	72	63,2	68,9	59	65,8
1989	72,0	69,9	65,6	65	59,8	65,8
2002	69,7	67,8	57,4	51,9	58,8	62,4
2010	61,2	64,9	55,7	49,6	59,7	63,3

Полиэтничные приграничные регионы отличаются выраженной динамикой уменьшения доли русского населения в национальной структуре субъектов, активизировавшейся в постсоветские годы. Так, в Республике Саха (Якутия) с 1970 г. русских стало на 10,4% меньше. За этот же период в Республике Калмыкия и Карачаево-Черкесской Республике русское население снизилось в среднем на треть. Подобная тенденция изменения национального состава резко прогрессировала после распада СССР.

Аналогичная динамика соотношения представителей различных этносов ярко выражена в мультиэтничных нерусских регионах, где доля русских снизилась гораздо существеннее. Более чем в полтора раза снизилось количество русских в Республиках Кабардино-Балкария и Северная Осетия – Алания и в четыре раза – в Республике Дагестан. В постсоветские годы данная тенденция проявляла себя особенно очевидно.

Кардинальные изменения в соотношении численности представителей русской этнической группы и соответствующего республикам титульного этноса произошли за последние десятилетия в приграничных регионах, которые в настоящее время обоснованно можно именовать моноэтничными нерусскими регионами. Доля русских в таких субъектах снизилась в разы в Республике Тыва и в десятки раз – в Чеченской Республике и Республике Ингушетия. В постсоветский период процесс дерусификации населения указанных приграничных субъектов приобрел «обвальное» характер» (табл. 2).

Следует уточнить, что в советских переписях населения 1970, 1979, 1989 гг. учитывались показатели в целом по Чечено-Ингушской АССР. При этом расчеты по данным переписей населения СССР 1970 и 1979 гг. можно рассматри-

вать лишь как сравнение с постсоветским периодом для выявления общих тенденций с учетом того, что значительная часть рассматриваемых ныне приграничных регионов в советское время приграничными не были. На изменения этносоциального состава их населения не влияли многие факторы, актуализировавшиеся после распада Советского Союза.

Таблица 2

**Изменения численности русского населения
в моноэтнических нерусских приграничных регионах, %**

Год переписи	Республика		
	Чеченская	Ингушетия	Тыва
1970		34,5	38,3
1979		29,1	36,2
1989		23,1	32,0
2002	3,7	1,2	20,1
2010	1,9	0,8	16,1

Расчеты по данным переписи населения СССР 1989 г., по нашему мнению, можно использовать в качестве начальных значений для сравнения с данными последующих переписей населения России. Указанные начальные значения получены накануне распада державы, что позволяет допускать небольшую разницу этносоциального состава субъектов, ставшими в 1991 г. приграничными. Но во время проведения последней советской переписи населения многие характерные для постсоветского периода этнополитические процессы по (тогда еще) административным границам РСФСР уже существовали: создавались общественные и политические организации по этническому принципу, зарождался этносепазм, активизировались национальные элиты, политеизировались религиозные отношения и т.д.

Таким образом, практически во всех группах приграничных регионов отмечается тенденция сокращения русского населения, что в перспективе уменьшит число субъектов с его доминированием. Данные тенденции способны оказывать достаточно заметное влияние на возможность реализации интересов государственной безопасности России в пограничном пространстве.

Как отметил известный российский ученый С.П. Капица, «последствия подвижности и смена этносов могут стать источником возрастающего социального напряжения, порождая комплекс проблем, требующих отдельного рассмотрения» [8]. С нашей точки зрения, сегодня актуальны исследования, учет и прогнозирование последствий представленных этносоциальных тенденций.

Резюмируя, можно сделать следующие выводы. Во-первых, пограничное пространство по этническому составу значительно отличается от внутренних регионов России, что, как показывает новейшая история, влияет на обеспечение государственной безопасности в приграничье. Во-вторых, будучи в целом полиэтничным, пограничное пространство России имеет значительные сектора с моноэтническим

населением (как с доминированием русского населения, так и с доминированием населения иной этнической принадлежности). В-третьих, приграничные субъекты целесообразнее дифференцировать по соотношению численности представленных в них этнических групп, а не по степени многонациональности (в России все административно-территориальные образования многонациональны). В-четвертых, сходные соотношения численности этносов в приграничных субъектах, а также тенденции изменения их национального состава позволяют классифицировать приграничные регионы, взяв за основание степень неравномерности распределения в них граждан по национальному признаку. В-пятых, с учетом определенных групп классификации приграничные регионы обладают этнической спецификой формирования и протекания политических процессов, способных влиять на интересы государственной безопасности. В-шестых, выявление существенных этнополитических отличий приграничных субъектов по группам классификации позволит определить общие для них методы противодействия посягательствам на конституционный строй, оптимизировать усилия и повысить эффективность сил и средств, затрачиваемых на реализацию интересов государственной безопасности.

Библиографический список

1. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php; http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php; http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php; http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_14_25.htm; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html
2. Кристалинский Л.Б. Государственная безопасность России в пограничном пространстве // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 4. С. 132–146.
3. Пестель П.И. Русская правда. URL: http://vivovoco.rsl.ru/VV/LAW/VV_PES_W.HTM
4. Савельев В.В. Этнический фактор национальной безопасности России // Внутренняя безопасность России в XXI веке: мат-лы науч.-практ. конф., М., 2001.
5. Кристалинский Л.Б. Этнополитические факторы и их учет в обеспечении пограничной безопасности Российской Федерации в Северо-Кавказском регионе: дис. ... канд. полит. наук. М., 2004.
6. Карта этнорелигиозных угроз: Северный Кавказ и Поволжье: докл. Ин-та нац. стратегии / под ред. М.В. Ремизова // НГ-Политика. 2013. 4 июня; URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2013-06-04/15_map5.html
7. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521>
8. Капица С.П. Очерк теории роста человечества: демографическая революция и информационное общество. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/kapitsa555.htm004>

**I.O. Parubchak
The Ideological Socialization:
the Role in Social Processes
of the State**

The phenomenon of socialization as a vital to a society and an individual process of transmission and assimilation of social experience is studied. The significance of ideological doctrine for the formulation and representation of social development lines, as well as general principles of politics are analyzed.

Key words and word-combinations: the state, ideological socialization, management.

Изучен феномен социализации как жизненно необходимый для общества и индивидуума процесс передачи и усвоения социального опыта. Анализируется значение идеологической доктрины для формулирования и представления направлений развития общества, а также общих принципов политики.

Ключевые слова и словосочетания: государство, идеологическая социализация, управление.

УДК 1:316
ББК 60.028

И.О. Парубчак

**ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
СОЦИАЛИЗАЦИЯ:
РОЛЬ В СОЦИАЛЬНЫХ
ПРОЦЕССАХ ГОСУДАРСТВА**

Идеология объясняет и оправдывает общественные реалии через соотнесение их с ценностями высшего порядка, придавая смысл трансформациям, происходящим в обществе. Идеологические ценности организуют и направляют деятельность людей в политической, духовной, государственной и иных сферах общества, обеспечивают целостность социосферы в целом. Таким образом, идеологическая структура является определяющей силой развития и функционирования всех систем социосферы. Идеология выступает важным фактором легитимации государственной власти, обосновывая ее право на управление обществом и создавая основу для проведения определенной политики.

Социализация как процесс становления социальной сущности человека является проблемным полем исследований вот уже на протяжении более ста лет. Все теории социализации в конечном счете различаются между собой способом разрешения вопроса о взаимосвязи индивидуального и общественного в становлении человеческой личности. С помощью социализации общество вводит биологические инстинкты человека в определенные рамки, осуществляет контроль над индивидами, обеспечивает за счет поддержания однородности общества социальную стабильность [1, с. 87]. Социальный порядок может быть обеспечен согласованием ценностной системы общества с интериоризированной ценностной структурой индивидов, его составляющих.

Стабильное функционирование идеосферы общества, наличие устойчивой ценностной системы как основы социальных взаимодействий, существование некоего консолидирующего и мобилизующего «общественного идеала» – все эти условия необходимы для поддержания стабильности социальных систем. Основным механизмом, позволяющим поддерживать стабильное функционирование социальной системы в целом, выступает идеологическая социализация как процесс усвоения индивидом идеологических норм и ценностей, наиболее фундаментальных экономических, социально-политических, правовых, культурных, духовных, экологических и иных ориентиров и смыслообразующих установок, составляющих ценностно-нормативное ядро идеологической системы [2, с. 112].

Интерес к проблемам, связанным с сущностным содержанием понятия «идеология», определением функций и места идеологии в общественной жизни не угасает в научной мысли вот уже на протяжении двух столетий. В гуманитарных науках сложились различные подходы к интерпретации данного понятия: от понимания идеологии как иллюзорного, ложного, искаженного сознания до рассмотрения ее в качестве необходимой социальной подсистемы, выполняющей функции интеграции и поддержания стабильности, определенной нормативно-ценностной матрицы, определяющей течение разнообразных общественных процессов [3, с. 227]. Общим для современных исследований идеологии является признание того факта, что дать универсальное определение этому феномену не представляется возможным – понятие идеологии охватывает многообразный комплекс явлений, имеющих социальную природу.

Главная функция идеологии – обеспечить единство и порядок в выполнении социальных ролей, а следовательно, и воспроизводство производственных отношений, поэтому идеология – необходимый элемент любого общества. В центре внимания исследователей находятся как содержательные, так и функциональные аспекты идеологии. Идеология в качестве логически сформированной системы символов выполняет важную функцию связи познавательного и оценочного восприятия социальных условий с программами коллективного действия по укреплению, изменению и трансформации общества. Задачей науки является формулирование и реализация в обществе научно обоснованной ценностной системы, ориентирующей общество на действие, обеспечивающей общественный прогресс [4, с. 56].

Идеологию не следует рассматривать с позиций ее истинности или ложности. Она необходима вследствие выполняемых ею социальных функций, среди которых интеграция общества в единое целое, обеспечение процессов управления обществом, формулирование целей общественного развития, легитимация государственной власти и многие другие. Наука советского периода рассматривала идеологию как системообразующий элемент социальной организации общества. Исследования в данной области велись в русле социологического подхода, когда идеология анализировалась с позиций интересов социальных классов и их отражения в ней. На базе социологического исследования идеология рассматривается как целостная система производства, распределения и потребления духовных продуктов, осуществляющаяся посредством социальных институтов и выражающая интересы определенной социальной группы общества,

включающая в себя аппарат идеологического воздействия как инструмент реализации идей и ценностей. Формирование новой идеологии означало бы прямое покушение на такие фундаментальные принципы демократии, как свободомыслие, толерантность, идейно-политический плюрализм [5, с. 87]. Трансформация идеологической системы общества влечет за собой изменение всех остальных общественных подсистем, определяя прогрессивное или регрессивное развитие экономических, политических и государственных отношений.

Основой существования любого общества является система фундаментальных социокультурных ценностей. Социализация – это тот процесс, который приводит к гармонии ценностных систем индивидов, правил их взаимоотношений и ценностной системы общества; методологически важным представляется понимание социализации через процесс интерпретации. Существует дуальность социализационных процессов: с одной стороны, индивид усваивает социальный опыт, с другой – активно воспроизводит социальные отношения уже на новом уровне в процессе своей деятельности, активного включения в социальную среду. Социализация позволяет человеку, во-первых, стать личностью, во-вторых – встроиться в социум [6].

Динамизм современного общества, его информационный характер, множественность и во многом несогласованность действий институтов социализации приводят к тому, что от личности сегодня требуется большая степень автономии от каждого из этих социализирующих институтов. Социализация служит одним из важнейших факторов нормального функционирования общества, обеспечения и стабилизации социального порядка, необходимой преемственности общественного развития. Будучи многогранным процессом, социализация может быть классифицирована по различным основаниям. Общества различаются механизмами регуляции социальной жизни, закрепляя те или ценности; общество формирует определенную стратегию своего развития на основе приоритетных социальных ориентиров. Общество с помощью системы правовых и моральных норм предписывает своим членам определенные модели поведения в самых различных ситуациях. Общество формирует систему социального контроля над выполнением социальных норм [7]. Ценностно-нормативный механизм регуляции социальной жизни является отражением характера взаимоотношений общества и индивида, государства и общества.

Если понимать идеологию как ценностно-нормативную подсистему общества, своеобразное мировоззрение социума, идейную основу всех существующих общественных отношений в сфере экономики, культуры, политики, то очевидно, что идеологические ценности не относятся только лишь к сфере политики. Наиболее фундаментальные представления о должном экономическом строе, отношении к формам собственности, способам распределения материальных благ, характеру и степени государственного вмешательства в экономику называются экономико-идеологическими ценностями. Идеология является механизмом рационализации на макросоциальном уровне, способом рационализации, оправдания иррациональных импульсов; это некая оправдательная теория, не относящаяся к научной картине мира и субъективно интерпретирующая окружающую действительность [8, с. 82]. Она выполняет важную обще-

ственную функцию: убеждает, воздействует на умы и заставляет действовать. Для поддержания социального порядка необходимо ставить фантастические цели и стремиться к фантастическим идеалам; иначе говоря, следует опираться на какие-либо идеологии и при этом смириться с возможными препятствиями к достижению намеченной цели, объективно существующими в реальности.

Идеология, с одной стороны, «иллюзорна», а с другой стороны, выполняет ряд социально значимых функций – идентификации, легитимации, программирования и ориентирования субъектов внутри общества. Изменения идеологического компонента влекут за собой трансформацию и всех остальных социальных подсистем – экономики, политики. Идеологиями являются лишь такие системы ценностей, которые, выступая в качестве политического мировоззрения, имеющего силу веры, обладают особенно большим ориентационным потенциалом и потому способны обуздывать связанные с кризисом процессы социальной аномии [9, с. 65]. Они отличаются от других духовных феноменов ясностью выражения своих положений, доступностью народным массам, относительно высокой сплоченностью вокруг одной или нескольких фундаментальных ценностей.

Большую ценность представляет идеология государственных аппаратов, так как в ней подчеркивается роль государства в артикуляции идеологии как необходимого элемента любой общественной формации. Воспроизводство общественных отношений не может быть обеспечено лишь репрессивными государственными аппаратами, призванными осуществлять прямое насилие. Ни один класс не сможет удержать свое господствующее положение, если не осуществляет гегемонию в идеологических государственных аппаратах, так как именно они обеспечивают воспроизводство отношений эксплуатации, обеспечивая индивидов теми формами субъективности, которые соответствуют их положению в системе производственных отношений [10, с. 132]. При этом осуществляется это воздействие незаметно, скрываясь за очевидными вещами таким образом, что человек как бы действует сам по себе, по своей воле, подчиняясь свободному выбору, даже не замечая власти идеологии, институционализированной в идеологических аппаратах государства.

Идеология концентрируется на макроуровне социальных процессов, ставя своей целью регулирование жизнедеятельности социума в исторической перспективе. Она выполняет объективно крайне важную для социума функцию высшей легитимации представлений о мире и месте человека в нем, определенного общественного устройства, социальных отношений, типов поведения и образа жизни и тем самым выступает как волевой импульс, обеспечивающий долговременную организацию всей общественной жизни, как источник социальной мотивации для человека, групп, социальных институтов, общества в целом. Идеология всегда в той или иной мере включает в себя как субъективно-ценностные факторы, так и элементы иррациональные и элементы объективно-истинного отражения мира, правдоподобного и нередко научного толкования социальных процессов [11]. Среди множества подходов в определении сущности идеологии, ее места в социальных системах, роли в социальных процессах наиболее плодотворными будут институциональные матрицы, в которых идеология определяется как общественная подсистема, представляющая собой сово-

купность доминирующих идей, проявляющихся во всех сферах социального функционирования, и выполняющая функции интеграции, поддержания ценностно-нормативного образца, социализации, легитимации общественных отношений.

Понимая идеологию идеологии как общественную подсистему, помимо трактовки ее как совокупности ценностей, идей, поведенческих норм, формируемой посредством деятельности различных социальных институтов и определяющей функционирование и развитие социума в целом, можно объяснить ее сущность с еще одной точки зрения. В широком смысле идеология представляет собой сложную систему идеологического производства, включающую систему идей, идеологический механизм – совокупность людей, организаций, учреждений, предприятий, используемых ими средств, связанных с разработкой, распространением идеологического продукта, идеологические отношения, складывающиеся в процессе взаимодействия между субъектами и объектами идеологических отношений [12]. В данной интерпретации идеология является основой структуры общества, ее ценностно-нормативным каркасом.

Идеологически социализированный человек, обладающий комплексом непротиворечивых экономических, политических, правовых и иных убеждений, вполне может быть политически не социализированным, так как критерием успешной политической социализированности выступает политическая активность личности. Идеологическая социализация используется как часть процесса политической социализации в контексте усвоения индивидом идеологических ценностей в сфере политики [13]. Она понимается в качестве процесса приобщения индивида к идеологической культуре, его становления как участника идеологических отношений, идеологических процессов; это прежде всего усвоение, восприятие личностью относительно устойчивой артикулированной совокупности целей, идеалов, ценностей, интересов общества, государства, современной цивилизации, традиций и образа жизни, культуры своего народа с уважением права других людей на восприятие и следование другим традициям, культурам и идеологиям, другому образу жизни.

Категория «идеологическая социализация», понимаемая как двусторонний, взаимообусловленный процесс взаимодействия индивида с идеосферой общества, в результате которого происходит, с одной стороны, усвоение идеологических норм и ценностей, то есть наиболее фундаментальных экономических, социально-политических, правовых, культурных, духовных, экологических и иных ориентиров и смыслообразующих установок, составляющих ценностно-нормативное ядро идеологической системы, а с другой стороны, формирование индивидом собственной системы ценностей, обладает большим эвристическим потенциалом в рамках анализа становления гражданственности человека [14]. Идеологическая социализация выступает, таким образом, как масштабный макроуровневый социальный процесс, как часть идеологического процесса, рассматриваемого в качестве генезиса и эволюции идеологической системы общества.

Процесс идеологической социализации достаточно сложен, а его результат, определяемый комплексом факторов – субъективными установками личности, соотношением влияния институционализированных и стихийных механизмов социализации – не очевиден. Идеологическая социализация не ограничена

какими-либо временными рамками – она длится всю жизнь человека и включает в себя целенаправленное идеологическое воздействие общества на личность со стороны институтов, в той или иной мере осуществляющих идеологическую функцию, всю совокупность стихийных воздействий со стороны социальной среды, также влияющих на становление личности, и ее собственную активность [15, с. 39]. Идеологическая социализация может осуществляться лишь на базе уже усвоенных личностью общих фундаментальных ценностей, наиболее базовых понятий в политической и правовой сферах жизни.

Основным институтом идеологической социализации является государство, и это утверждение справедливо как для государств с авторитарными режимами правления, так и для современных демократий – разница лишь в способах поддержания стабильности идеосферы. Так, в государствах идеократических государственная власть обладает монопольной привилегией на определение и внедрение идеологических ценностей. В демократических режимах государство выполняет функции аккумуляции идеологических ценностей, наиболее востребованных в обществе, выработанных самим социумом, всей совокупностью институтов гражданского общества, а также функцию трансляции этих ценностей и закрепления их в общественном сознании с целью поддержания целостности социума, интеграции разнообразных социальных групп и общностей, составляющих его, установления общенационального консенсуса по вопросам направлений дальнейшего развития государства и общества [16, с. 48]. Последняя функция и есть собственно идеолого-социализаторская функция государства, реализуемая им через механизмы государственной политики, систему воспитания и образования.

Особенно актуальна эта функция государства в эпоху общественных кризисов, когда необходимо обеспечить консолидацию общества, мобилизовать его внутренний потенциал. Государство в силу своей общественной природы представляет интересы всех социальных групп. Формулируемая им идеология часто служит в большей степени правящим элитам, но полностью абстрагироваться от потребностей и интересов граждан государство не может, так как в этом случае становятся неизбежными общественная напряженность и социальные катаклизмы. Вот почему следствием полного ухода государства из сферы идеологического регулирования и идеологической мотивации политической деятельности стало замещение его иными субъектами, идеологемами и ценностные доминанты которых уже не выражают интересы всех социальных групп и общества в целом. В качестве нормативных и общесоциетальных начинают выступать ценности, объективно служащие интересам достаточно узких элитарных групп населения, пытающихся, тем не менее, представить их общезначимыми. Осознаваемая или ощущаемая гражданами страны подмена социетально значимых ценностей узкогрупповыми ведет к еще большей степени отчуждения индивида от социума и государства, усилению атомизации общества [17, с. 38]. Следовательно, отказ государства от идеологической деятельности приводит к центроостремительным процессам в обществе, олигархизации государственной власти, конфронтации различных социальных групп и соответствующих им ценностных систем.

Идеологическая доктрина может представлять собой единый программный документ, но чаще всего, особенно в современных развитых демократических странах, ее постулаты явно или неявно, но присутствуют в различных норма-

тивных актах государства, законах, обращениях президента к парламенту, а также в таких программных документах, как доктрины национальной безопасности, внешней политики государства, социального строительства. Идеологическая доктрина является столь же неотъемлемым признаком любого государства, как и государственный суверенитет, территория, правовая система. Их непрочность способна привести к кризисным явлениям, вплоть до распада данного государства. Ослабление эффективности государственного управления, органов государственной власти по всей вертикали, достигшее критического уровня, безусловно опасно для государства, но в той же степени, как и ослабление его идеологических основ и поддержки их общественным мнением [18]. Следствием этого является недостаточность развития национальной или государственной самоидентификации, утрата субъективной значимости государства для его граждан. Исчезает ощущение личностного характера связей между государством и индивидом, что не может не сказаться на прочности государства.

Идеологическая доктрина, заключая в себе общие принципы политики государства, стратегию его развития, формирует представление о направленности развития общества и государства, конкретный образ будущего страны, как ближайшего, так и отдаленного, выступая, таким образом, движущей силой общественного развития, инструментом интеграции и мобилизации общества.

Государственная идеологическая доктрина выступает одним из способов обеспечения легальности власти. Поддерживаемая обществом идеология укрепляет легитимацию власти и, соответственно, повышает эффективность общественных и государственных преобразований. Так, малоэффективные попытки реформирования и модернизации страны во многом объясняются отсутствием в действиях государственной власти внятно выраженных идеологических ориентиров, стратегий и перспектив дальнейшего развития, а также снижением легитимности власти, утратой ее социальной значимости для граждан. Идеологическая доктрина необходима не только государству, но и его гражданам. Она формирует определенную систему общественного мировоззрения, дает понимание ориентиров, целей, идеалов развития общества, определяет место отдельного индивида в системе общественных отношений. Ее отсутствие ведет к утрате координат, позволяющих человеку ориентироваться в обществе, «обесмысливанию» социальной реальности.

Библиографический список

1. *Бабенко А.Н.* Правовая социализация как процесс освоения правовых ценностей // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Право. 2008. Вып. 2 (102). С. 4–11.
2. *Гирц К.* Идеология как культурная система // Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М., 2004.
3. *Головин Н.А.* Политическая социализация: теоретико-методологические основы исследования: дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 2004.
4. *Кузнецов В.Н.* Идеология: социологический аспект: учебник. М., 2005.
5. *Хабермас Ю.* Наука и техника как «идеология» / пер. с нем. М.Л. Хорькова. М., 2007.
6. *Сейранян Ф.Г.* Государственно-патриотическая идеология как основа консолидации общества и укрепления государства // Основы государства и права. 2003. № 1. С. 86–92.
7. *Королев А.С.* «Национальная идея» как инструмент электорального воздействия: управляемая демократия в поисках идеологической опоры // Режим Путина: идеи и практика. М., 2005. С. 79–93.

8. *Кравченко С.А.* Социология: парадигмы через призму социологического воображения: учебник для вузов. М., 2004.
9. *Седова Н.Н.* Морально-нравственные ориентации и социальная активность // Социологические исследования. 2004. № 8.
10. *Литягин Е.В.* Идеология как необходимый фактор жизни современного общества: дис. ... канд. филос. наук. Горно-Алтайск, 2004.
11. *Рубчевский К.В.* Социализация личности: интериоризация и социальная адаптация // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 9–14.
12. *Поликанова Е.П.* Социализация как фактор формирования личности // Философские опыты / Социум: методология познания и социальная практика. М., 2003. Вып. 3. С. 71–90.
13. *Попов М.Ю.* Социализация личности в условиях деидеологизации: в поиске идеологии консолидации // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 6. С. 65.
14. *Степаненко В.* Социальный капитал в социологической перспективе: теоретико-методологические аспекты исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 1. С. 23.
15. *Громык В.Г.* «Идеология» и «идеологи» как предмет научного анализа / Рос. акад. наук, Институт соц.-полит. исслед. М., 2004.
16. *Соколов А.В., Щербакова И.О.* Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества // Социологические исследования. 2003. № 1.
17. *Еришов Ю.Г., Краснова Е.А.* Национальная идея и государственная идеология (проблемы взаимосвязи) // Социум и власть. 2004. № 2.
18. *Лукьянова Е.Г.* Социальный капитал и его роль в построении гражданского общества в России // Государство и право. 2006. № 3. С. 86–89.

**A.A. Gotsalyuk
The Scientific Tradition
and Innovation:
the Nature of the Relationship**

The relationship of the scientific tradition and innovation, which largely determinate the status of the latest theoretical achievements in any field of knowledge is considered. Development factors of scientific knowledge are analyzed.

Key words and word-combinations: culture, tradition, science, innovation, neotraditionalism.

Рассматривается взаимосвязь научных традиций и инновации, в значительной степени детерминирующей статус современных теоретических достижений в любой сфере знания. Анализируются факторы развития научного знания.

Ключевые слова и словосочетания: культура, традиция, наука, инновация, неотрадиционализм.

УДК 330
ББК 65.011

А.А. Гоцалюк

**НАУЧНЫЕ ТРАДИЦИИ
И ИННОВАЦИИ:
ПРИРОДА ВЗАИМОСВЯЗИ**

Историческое существование любой традиции состоит из стремления сохранить себя в неизменном виде и инновации как совокупности центробежных сил и факторов, всего того, что стремится размыть, расшатать традицию, превратить ее в нечто иное. Пока обе эти силы находятся в равновесии, традиционная культура существует, развивается, живет. Резкое преобладание одной из них сразу же приведет к более или менее

заметному упадку традиционной культуры. Она или окостеневаает под влиянием скрупулезного, но, как правило, чисто внешнего соблюдения застывших норм, или разрушается в результате безудержного «новаторства», направленного на разрыв с любыми традиционными запретами и в итоге на разрушение данной традиции.

По мнению физика В. Гейзенберга, современные «проблемы, методы и научные понятия частично вытекают из лона научной традиции, сопровождающей и направляющей науку ее многовековой историей» [1, с. 45]. Указанный период отмечен своим влиянием и на развитие интеллектуальной парадигмы постиндустриального общества и особенно постнеклассической научной традиции, где понятие инновационности стало ключевым. Новация – явление прежде всего индивидуального порядка и поэтому воспринимается как произведение гения, провидца, однако ее социальная основа заключается в коллективном восприятии, целостном мировоззрении социальной идеологии и упорного труда десятков поколений в рамках определенной традиции [2].

Проблема взаимосвязи традиции и инновации часто рассматривается в сочетании с проблематикой социальных изменений. Концептуальные основы исследования инновационных процессов, например, в социологии заложены Г. Тардом. Инновации Г. Тард трактует как способ разрешения противоречий и воспроизведения равновесия, стремление к которому является главным стимулом социального прогресса [3].

Целостность научного понимания традиции играет кардинально важную роль в теоретическом решении проблем методологии научного знания в контексте исторического реконструирования понятия традиции в науке. Благодаря этому осуществляется весомый вклад в сферу исследований, касающихся кумулятивного характера традиции, ее несоизмеримости с зависимостью от взаимодействия внешних и внутренних элементов. Оппонируя своим противоположным концепциям в плане развития рационального мышления и навыков научной рефлексии, традиционалистские школы свидетельствуют о попытках сохранить признанные достижения, уверенность в истинности представленных наукой теоретических положений, не всегда признавая инновации.

С учетом проблематики, характерной для феноменологического подхода, социальное конструирование реальности объясняется выработкой целостной системы подходов intersubjectного взаимодействия к социальному освоению окружающей среды и личности в ней. Традиция требует обновления, если ее осмысление рассмотрение приводит к выявлению определенных противоречий в том, как найти путь ее согласования с потребностями отдельных лиц или социальных групп, имеющих внешнее происхождение в данном обществе. Для крупных социально-национальных образований характерно заимствование внешних схем интерпретации (этнического, культурного, социального, гендерного порядка). При привлечении других схематических подходов возникает вопрос, способны ли локальные традиции объяснить и использовать некоторые новые информационные поступления.

В такой ситуации становится неактуальной проблематика, связанная с поиском источников инновационных предложений, ведь индивидуальная обуслов-

ленность инновационного явления свидетельствует о поиске и нахождении индивидом его собственного опыта в системе ценностных ориентаций и знаний, предлагаемых обществом. Аксиологически происходит определенный сдвиг ситуационного порядка, меняется ориентация инновационного предложения, позволяющая интерпретировать его как лишний в данной социальной среде объект познания, который еще не проявил себя объективно необходимым и прогрессивным с исторической точки зрения.

Известны случаи, когда история интерпретируется как непрерывный процесс самовоспроизводства социума, его воспроизведение, преобразование реальности на ирреальность и наоборот. Осуществляемые в форме традиций и соответственно исследуемые социальные явления рассматриваются как направленные на обеспечение жизнедеятельности социальной структуры, выполнение сверхзадачи ее самовоспроизводства в масштабе времени и пространства. Поэтому, определяя традицию как средство передачи полного содержания социального бытия, ее реально трактовать и как вариативную совокупность, комплекс традиций. Новационная обусловленность каждого конкретного уникального предложения по совершенствованию социального механизма, таким образом, обеспечивает и систематичность собственно процесса обновления.

Потенциальная способность к созданию инноваций заложена в самой традиции, при этом создание новаций считается лишь следствием применения традиции или результатом ее функции в социуме. То, что изменения детерминируются как явления нормального социального порядка, исключает любые основания говорить в целом о традиции или о других закономерных особенностях научного познания как о безусловно необходимом для обеспечения достаточной повторяемости явлений.

Развитие научного знания обусловлено экстерналистскими и интерналистскими факторами. Основным экстерналистским механизмом являются внешние условия появления и развития науки: социальные, экономические, политические и т.п. Интерналистским фактором выступает внутренне природный аспект научной традиции, обусловленный логикой решения ее проблем, отношениями традиции и инновации. Гармоничное функционирование этих факторов способствует нормальному развитию всех сфер жизнедеятельности общества и ощущению социального комфорта каждым отдельным человеком.

Известная научная работа Т. Куна «Структура научных революций» (1962) определила данную проблематику как требующую особого внимания со стороны философов науки [4]. Прежде всего эта работа примечательна своим историческим подходом к научно-методологической деятельности. Именно такой подход к исследованию роли традиций в научном наследии позволил автору выстроить исторически сориентированное концептуальное видение развития науки и научного знания. История науки, по его концепции, проходит этап «нормальной науки» и этап «научных революций». Этапу «нормальной науки» присуща парадигма исследовательских поисков в пределах произведенных научных традиций, когда стремления ориентированы не столько на новые теоретические формулировки и открытия, сколько на организационную деятельность в надлежащем обустройстве уже приобретенного теоретического и практичес-

кого научного опыта. Второй этап, этап «научных революций», характеризуется изменением научной парадигмы, которая может игнорировать или даже презирать научную традицию. Названные этапы воспроизводят историческую динамику в развитии общества и объясняют особенности его развития через спиральное воспроизведение традиций и появление новаций, то есть когда традиция со временем возвращается, но уже другой, измененной новацией.

Мощность традиции содержится в постоянном воспроизведении одних и тех же действий при различных обстоятельствах. Эта бесконечная повторяемость обеспечивает постоянство традиции и прочность ее научной базы. Повторяющееся действие может вызвать появление нового с последующим улучшением действительности, поскольку в традиционной деятельности человека всегда присутствует новация, скрытая движущая сила культурного прогресса человечества. Этот весьма важный для прогрессивного развития культуры фактор может ограничиваться индивидуальным, личным опытом человека или заимствованным в другой.

Важной функцией традиции является сохранение и передача коллективного опыта. В таком случае она по своей сути является консервативной и требует соблюдения обязательных норм и правил, закрепленных человеческим опытом общественной деятельности.

Данный контекст показывает, что традиция может быть фактором торможения прогрессивного развития общества. Но, рассматривая традицию как селективный механизм новаций, можно утверждать: если при сравнении с традицией новация окажется более подходящей новым условиям развития общества, то прошлая традиция отвергается и принимается новация, впоследствии закрепленная новой традиционной практикой. В этом процессе заключена такая важная черта традиции, как динамичность в смене форм и содержания. Традиция выступает предварительной новацией, последнюю же всегда следует рассматривать как потенциальную традицию, поскольку развитие общества происходит через взаимодействие подражания традиционному опыту и приобщения к новым традициям.

В результате каждая традиция проходит четыре этапа в своем развитии. Первый этап связан с процессом возникновения определенной новации, когда члены общества осознают потребность в функционировании последней. Этап адаптации характеризуется сосуществованием этой новации с тем видом общественной деятельности, благодаря которой возникла эта новация. На этапе стабилизации указанная новация или становится новой традицией, или отвергается. На третьем этапе происходит отмирание или отрицание этой традиции обществом, и, как следствие, возникает новация, которая впоследствии повторяет весь исторический цикл своего рождения и отмирания. Такой круговорот развития взаимоотношений традиции и новации обуславливает развитие культурной истории, а человек, таким образом, своей деятельностью создает определенный культурно-исторический опыт, в рамках которого всегда возникает новация.

Итак, любой модернизационный процесс детерминируется взаимодействием традиций и новаций как в науке, так и в культуре, от качества которой зависит успешное или неуспешное функционирование модернизационных но-

ваций, ведь традиция является гарантом структурной стабильности любого культурного образования и его творческих достижений. Новация же дает обществу возможность адаптироваться к новым условиям окружающей среды, к дальнейшему ее обновлению и развитию.

Современные процессы модернизации общества трансформируют черты традиционной культуры, изменяя баланс отношений традиции и новации в культуре. Модернизационные процессы в обществе способствовали распространению новаций в экономической, социальной, культурной и научной сферах его деятельности. Следует учесть, что обновление указанных сфер в развитии модернизационных преобразований не является просто процессом вытеснения прошлых традиций современными новациями. Как известно, модернизация предполагает насильственный слом уже устоявшегося социокультурного комплекса с четко выстроенной структурой, каждое звено которой имеет функциональное назначение и ценностно-смысловую культурную нагрузку. Даже незначительные изменения в установившемся развитии традиции, которые сразу же отражаются в ее глубинной структуре, воспринимаются враждебно, вызывая раздражение и протест против нарушений.

Деятельность человека в современном обществе обозначена активной инновационностью в различных его сферах: хозяйственной, политической, экономической, духовной и других. Эта отличительная черта культуры XXI в. требует создания эффективных механизмов успешного социокультурного регулирования этими инновационными изменениями, которые в дальнейшем должны быть основой радикального решения проблем жизнедеятельности общества. Важным механизмом такого регулирования должно стать применение в модернизационных процессах инновации.

Во время своеобразного перелома предыдущей системы парадигматических констант, по замечанию Ю. Лотмана, определенные культурные стереотипы, изъяты недавно из семиотического пространства, трансформировавшись, снова «врываюся» в культуру [5, с. 178]. Сам момент скачкообразного социокультурного перелома способен стимулировать регенерацию вполне архаических культурных моделей и уровней сознания [6, с. 638]. Смена культурных систем в условиях социальных катаклизмов сопровождается стремительным повышением семиотичности общественного поведения не только путем внедрения новых его форм, но и усиления знаковости символичности относительно старых форм [6, с. 485–486]. В результате этого процесса укрепляется явление неотрадиционализма – модернизированной идеологии цивилизованных обществ, связанной с размыванием культурной идентичности и направленной на абсолютизацию традиции и ее тотального использования. В связи с этим следует сослаться на П. Сорокина, называвшего первичную идентичность первичными посылками культуры, определяющими не только ее «душу, тело и и социокультурную физиономику», но и все ее дальнейшее развитие как интегрированной целостности [7, с. 44].

Как составляющая духовной жизни общества инновационность, системно эволюционируя, запускает механизм трансформации, следствием которого становится формирование предпосылок социокультурных преобразований. Будучи

сущностной потребностью человеческого существа, инновационный фактор мотивирует общество к поиску первопричин явлений и процессов. Благодаря этому общественный организм становится способным к объективному усвоению элементов новизны, помогает проследить историческую взаимосвязь между способностью к адаптации и путями решения проблем, стоящих перед человеческим сообществом. К основным предпосылкам усвоения предлагаемых инноваций относится усложнение потребностей общества, что заставляет обращаться к новым и эффективным средствам решения определенных потребностей, которые к тому же постоянно меняются. «Первоначальной функцией воспитания, – отмечает немецкий исследователь А. Тремль, – является передача новым людям старого знания для того, чтобы те смогли также состариться. Это не исключает креативности и инноваций, однако в значительной степени релятивизирует их значение, поскольку в сравнении с традицией инновация имеет ограниченное значение» [8, с. 76].

В последние годы распространение научных институтов способствовало развитию новой отрасли знаний – инноватики, предметом научного исследования которой является теория и практика инновационной человеческой деятельности. Источник инноваций ученые видят в общественных потребностях, которые выступают реагентами в поисках новых феноменов, предметов, вещей. Разработка новых принципов и норм в социокультурной сфере стимулирует наличие нерешенных в ней социальных и политических проблем.

Итак, в современном научном знании наблюдается активный процесс синтеза традиций и новаций как слияние элементов различных этнических и национальных культур, как результат мировых культурных контактов и взаимодействия культур. В разработке новых научных концепций прослеживается связь понятия инновационности с понятием «традиция», которые в значительной степени детерминируют статус современных теоретических достижений в любой сфере общественного производства. Традиция обеспечивает непрерывность и внутреннюю устойчивость человеческого общества и его аккумулированный опыт научных знаний.

Библиографический список

1. *Гейзенберг В.* Физика и философия: часть и целое. М., 1990.
2. *Супрун А.Г.* Взаємозв'язок традицій та інновацій в контексті сучасної науки. URL: http://www.nbu.gov.ua/Portal/natural/VKhNU/Tk/2010_894/9.html
3. *Тард Г.* Социальные законы: Личное творчество среди законов природы и общества / пер. с франц. под ред. и с предисл. Л.Е. Оболенского. 2-е изд. СПб., 1900.
4. *Кун Т.* Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. М., 1975.
5. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992.
6. *Лотман Ю.М.* Технический прогресс как культурологическая проблема // Лотман Ю.М. Семносфера. СПб., 2000. С. 622–638.
7. *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.
8. *Treml A.* Das Alte und das Neue. Erziehung zur Kreativitaet aus evolutionstheoretischer Sicht // Das Alte und das Neue in evolutionstheoretischer Sicht. Muenster: Lit Verlag, 2004. S. 67–78.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

I.R. Yagudin
**The Institution of Citizenship
in Conditions of the Modern
World Trends**

The manifestations of citizenship in conditions of globalization processes associated with democratization, migration, and integration are analyzed. The synthesis of the legal and political interpretation of citizenship in social and philosophical view of the phenomenon is made.

Key words and word-combinations: globalization processes, integration, global citizenship.

Анализируется проявление гражданства в условиях глобализационных процессов, связанных с демократизацией, миграцией и интеграцией. Осуществляется синтез юридической и политической интерпретации гражданства с социально-философским взглядом на данный феномен.

Ключевые слова и словосочетания: глобализационные процессы, интеграция, мировое гражданство.

УДК 341.1/.8
ББК 67.91

И.Р. Ягудин

ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

На разных этапах культурно-исторического развития понятие «гражданство» приобретало различные смысловые оттенки в зависимости от уровня самосознания людей и степени осознания ими собственных прав и обязанностей по отношению к обществу или государству.

Логика научного исследования предполагает вслед за анализом теоретического аспекта проблемы гражданства (изложением существующих методологических и концептуальных подходов к гражданству) обращение к изучению современных вариантов реализации данного феномена, поскольку в процессе взаимодействия государства и гражданина возникает множество проблем, присущих любому организованному сообществу. Однако отсутствие четко выраженных стандартов в изучении данного вопроса приводит к коллизиям, «коллапсу общественного мышления», в итоге напрашивается поиск единого свода трактовок термина «гражданство» и его проявлений в общественной жизни.

В качестве практического института гражданство необходимо рассматривать как по-

нятие, выражающее механизмы его приобретения, не ограничиваясь только изучением прав и функций гражданина, отличающего его от негражданина. В связи с этим в качестве основной задачи целесообразно определить выявление сущностных трансформаций феномена гражданства, утверждающегося в современных условиях глобализации мирового сообщества с одновременным процессом обособления и спецификации различных цивилизаций.

Институт гражданства раскрывается сквозь призму специфики социального статуса членов общества. Он выступает, с одной стороны, как механизм социальной адаптации и уравнивания в правах, а с другой – как способ повышения социального неравенства в обществе, разделения социума на привилегированных и непривилегированных, что проявляется, в частности, в наделении статусом «почетное гражданство».

Если во многих традиционных взглядах на гражданство последнее рассматривалось как механизм защиты граждан государством, гарантирующий получение от него определенных услуг, таких, как защита и поддержание порядка, то в концепциях второй половины XX в. гражданство стало пониматься как институт, осуществляющий защиту граждан от произвола и чрезмерной опеки государства.

Можно выделить следующие аспекты современного понимания и проявления гражданства: гражданство с внешней, функциональной точки зрения и гражданство с точки зрения принадлежности. Первый аспект предполагает, что гражданином является член общества, обладающий определенным набором прав, свобод и обязанностей, и прежде всего – правом прямым или косвенным образом влиять на политику в государстве. Второй аспект отражает определение того, кто именно может наделяться подобными (в первую очередь политическими) правами.

Нынешние условия диктуют расширение понятия гражданина, выводимое из аспекта понимания гражданства с точки зрения принадлежности. Классическое европейское определение гражданина, которое берет свое начало еще в античности, не удовлетворяет современным реалиям. По Аристотелю, «на практике гражданином считается тот, у кого родители – и отец и мать – граждане, а не кто-нибудь один из них. Другие идут еще дальше в этом отношении и требуют, например, чтобы предки гражданина во втором, третьем и даже более отдаленном колене были также гражданами» [1, с. 447]. Данное понимание сущности гражданина не учитывает большую часть населения практически любого современного государства, так как в связи с глобальными миграционными процессами все меньше и меньше семей остаются в одной и той же стране несколько поколений подряд. При подобной трактовке гражданскими правами могла бы обладать сравнительно небольшая часть населения, особенно в западноевропейских странах, и, таким образом, гражданство необходимо было бы понимать в большей степени в негативном смысле, как разъединяющий принцип общества.

С позиции принадлежности проблема допуска к гражданству решается двумя основными способами: гражданский статус присваивается по праву рождения (традиционный способ) и с помощью натурализации (модифицированный способ). В современных условиях глобализирующегося социума весьма актуальной становится именно натурализация, так как она учитывает многочисленные процессы интеграции, миграции, повышенной социальной мобильности и изменения суверенных субъектов международного взаимодействия.

В настоящее время в большинстве развитых стран взят курс на развитие демократических основ общества, так как считается, что в идеале именно демократическая форма правления способствует наиболее полной самореализации и самоактуализации личности, наиболее эффективному осуществлению гражданских или общечеловеческих прав и свобод как основных принципов гражданства.

По сути, если внимательно рассмотреть сущность бытия демократии, то можно увидеть, что в ней сосуществуют два противоположных на первый взгляд аспекта: направленность на удовлетворение частных интересов и прав граждан (частное право) и, одновременно, упор на решение общих интересов, совместное принятие решений (общественное, коллективистское право).

В странах с монархической или тоталитарной политической системой общее право доминирует над персонифицированным правом как воля одного человека над всеми остальными (отсюда институт подданства) и, по сути, перестает быть общим, становясь единоличным. При демократии же подобное диалектическое единство двух противоположных начал объясняется тем, что в определенный момент развития социума защита и реализация частных прав граждан с необходимостью предполагает их самоограничение. Действительно, известное выражение «моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого» означает, что изначально любая свобода и удовлетворение личных интересов каждого из членов социума предполагает уже какие-то ограничения. Решая какие-либо важные вопросы всем «демосом», люди частично руководствуются своими частными интересами и одновременно поступаются частью из них во имя всеобщего блага и опять же ради самих себя. Получается, что даже развитое коллективистское право в демократии представляет собой совокупность всех индивидуальных, частных волей и направлено на защиту и реализацию интересов, прав и свобод каждого члена социума. Так они реализуют себя как граждане – представители определенного общества, выполняя свои гражданские обязанности и отстаивая свои права и свободы, подтверждая тем самым свой социальный статус.

Таким образом, подлинная реализация принципов гражданства возможна лишь в рамках демократического устройства общества, для которого характерно диалектическое единство общего и частного права, причем данное единство осуществляется с приоритетом в пользу индивидуальных прав, а общественное право представляет собой совокупность частных волей граждан. Реализация частных прав уже предполагает их самоограничение.

Укрепление основ правового государства предполагает утверждение института активного гражданства, в рамках которого осуществляется формирование активной гражданской позиции, а также социального гражданства, гарантирующего гражданам соблюдение их социальных и культурных прав.

Глобализационные процессы, связанные с демократизацией, технизацией, информатизацией, гласностью, а также миграцией, интеграцией, транснационализацией, и многие другие диктуют целый набор как отрицательных, так и положительных характеристик гражданства [2]. Современные технологии и способы коммуникации повышают возможности граждан осуществлять свои права, свободы и обязанности, дают невиданную ранее свободу выбора; у человека также появляется возможность восстановления в правах с помощью международных организаций, остро реагирующих на ситуации, в которых нарушаются права человека.

С другой стороны, те же перечисленные процессы способствуют увеличению и усложнению способов государственного вмешательства и контроля над частной жизнью. Повышаются способы манипуляции граждан государством. Об этом пишут многие исследователи, в частности Ф. Уэбстер: «Современные электронные технологии позволяют наблюдать за людьми так, что они об этом даже не догадываются» [3, с. 304]. В целом можно сформулировать следующую тенденцию. В первой половине XX в. институт гражданства воплощал идею защиты граждан государством от дезорганизующих элементов действительности, от опасности или последствий революции и военных столкновений. По сути, гражданство стало приобретать социальное содержание, выражающее юридически оформленное право граждан на получение различных услуг от государства, в том числе в сфере защиты. Ближе к последней трети XX в. центральной проблемой, решаемой в рамках института гражданства, постепенно стал вопрос о возможностях защиты граждан от чрезмерной опеки власти и вмешательства в частную жизнь.

Можно констатировать, что в настоящее время государство в целом даже расширило свое влияние, а степень его вмешательства в частную жизнь граждан только увеличивается, например, под предлогом предотвращения таких «общих угроз», как терроризм, мировая война, защита демократии и другие. При этом повышается роль гражданского общества с его неполитическими сферами взаимодействия, способного воздействовать на государство и приводить к законодательному оформлению, институционализации утвердившихся в социуме потребностей, идей и ценностей.

Вследствие мобильности и миграционных процессов увеличивается разобщенность индивидов, утрата многими людьми культурных корней и способов гражданской самоидентификации. Для решения подобных проблем требуется более тщательный пересмотр всех нормативных актов, предусматривающих механизм утраты и приобретения статуса гражданства, являющегося гарантом социальной защищенности и общественного признания личности. Кроме того, необходима дальнейшая разработка механизмов защиты граждан от произвола государства, в том числе в рамках международных ресурсов, а также с помощью формирования развитого гражданского общества, то есть при развитой системе неполитических форм взаимодействия граждан.

Настороженное отношение к «чужим» и их отграничение от «своих», в том числе на законодательном уровне, характерно для любой современной страны независимо от формы правления и государственного устройства. Очевидно, что это помогает поддерживать порядок и стабильность существования в обществе, защищает социальную систему как целое от «случайных» элементов. Но более необходимо и актуально такое отношение именно в демократических странах [4], так как если в монархическом государстве даже его члены-подданные не влияют существенно на политику власти, а не только «пришлое население», то при демократии все, кто имеют статус гражданства, так или иначе участвуют в делах управления страной. Следовательно, чтобы стать полноправным гражданином, в демократическом государстве необходимо выполнить целый ряд обязательных требований, призванных исключить «случайных» людей. Таким способом институт гражданства, всегда предполагающий определенное, специфическое членство, создает «вынужденное неравенство» членов сообщества, направ-

ленное на сохранение культурных традиций, социокодов, моральных норм и ценностных ориентиров, без которых цивилизация не имеет специфики и внутреннего духовного ядра.

Фактическая реализация идеи гражданства как участия и соучастия требует не только юридического и политического уравнивания в правах, но и социального, путем наделения граждан социальными правами, то есть предоставления того, что Т.Х. Маршалл называет «социальным гражданством» [5]. Это означает, что необходимо создать условия достойного существования, которые могут сформировать материальную базу для осуществления гражданских прав, в том числе права на участие в управлении. Обеспечение подобного достойного существования возможно при наделении граждан и реализации таких социальных и культурных прав, как право на здравоохранение, образование, личную неприкосновенность, свободу совести, а также право на честь и достоинство личности. Последнее является не только весьма важным психологическим феноменом, связанным с внутренней уверенностью в себе и осознанием личностью собственной социальной значимости, но и существенным внешним фактором, связанным с общественным признанием ценности личности.

Однако, несмотря на кризис национальных государств-наций как самостоятельных суверенных единиц и акторов международного сотрудничества, сегодня по-прежнему остается актуальной версия гражданства государства-нации. Весьма существенным представляется и процесс следования национально замкнутых обществ по направлению к образованию сообщества, состоящего из нескольких этнорегиональных обществ, что приводит к появлению таких систем, как Европейское Сообщество, и, в свою очередь, к новой «общеевропейской» [6, с. 21] версии гражданства.

В целом одна из основных тенденций современной реализации феномена гражданства, с одной стороны, связана с кризисом идеи государства-нации и национальной версии гражданства, а с другой – свидетельствует о распространении и своеобразном возрождении концепции гражданства времен античности, воплощенной в понятии «гражданин мира». Данная тенденция связана с целым комплексом феноменов глобального уровня, таких, как возможность почти мгновенного освещения любого события по всему миру, появление и развитие жанра репортажа, способствующего получению оперативной информации с места событий, распространение документальных фильмов и передач, популярность самых различных видов туризма, широкомасштабная деятельность международных организаций: «Репортеры без границ», «Врачи без границ», «Учеба без границ», «Международный комитет Красного Креста», «Детский фонд ООН» (ЮНИСЕФ) и многих других. Подобные феномены свидетельствуют о том, что, по выражению Ф. Уэбстера, «сейчас в мире возникла определенная чувствительность к нарушению прав человека в любой точке земного шара, хотя этому утверждению пока трудно придать точный смысл» [7, с. 101].

В итоге наблюдаются определенные предпосылки к формированию так называемого «глобального» гражданства [8], прообразом которого является античная космополитическая версия, однако многие обратные факторы свидетельствуют о том, что человечество не стремится однозначно к тотальной унификации всех сфер жизнедеятельности, что уничтожило бы индивидуальность. Концепцией граждан-

ства, позволяющей соблюсти тонкую грань между обобщением и спецификацией, может послужить цивилизационная версия гражданства, которая учитывает необходимость сохранения за человеком социокультурных характеристик и определенного равноправия независимо от его местонахождения и может стать основанием для наделения личности определенных политических гражданских прав.

При данном подходе осуществляется попытка синтеза юридической и политической интерпретации гражданства с социально-философским взглядом на данный феномен, придающим концепции гражданства необходимую целостность, завершенность и всесторонность изучения. Новая концепция гражданства предполагает такие черты гражданского общества, отличающего его от, например, глобального общества или политического общества в рамках государства-нации, как активность, способность к принятию решений, осознанность и обоснованность действий, частноправность, неполитическая направленность, свобода выбора, индивидуализированность, наличие института частной собственности [9]. Кроме того, в структуре подобного общества особое место занимают массовые добровольные общественные объединения, союзы граждан, организованные без какого-либо участия властных государственных органов и при наличии самодеятельности и самоуправления, формирующие необходимые навыки межличностного общения, социально-политической активности и индивидуальные черты характера.

Немаловажное значение приобретают также частные благотворительные фонды и различные способы социальной адаптации определенных категорий социума, таких, как матери-одиночки, инвалиды, пенсионеры, расовые и иные меньшинства, мигранты. Важным механизмом, регулирующим жизнь граждан, является общественный договор; большую роль играют способы социальной коммуникации и средства массовой информации, свободные от государственной цензуры, формирующие и одновременно являющиеся показателем общественного мнения и прямым или косвенным образом влияющие на принятие важных для страны решений.

Подобное понимание идеи гражданства как политического и социального института содействует достижению оптимального сочетания идей демократического развития, рыночной экономики, жизнеспособного государственного института и частных свободных сфер взаимодействия граждан, что, в свою очередь в конечном счете способствует улучшению качества жизни каждой отдельно взятой личности.

Гражданство является фундаментальной характеристикой современного социума. В условиях глобализации, понимаемой как общемировой процесс унификации и интеграции всех сфер общественной жизни, с одновременными процессами обособления и фрагментации, концепция гражданства призвана поддерживать социальный порядок и содействовать достижению гражданского согласия, необходимого для стабильного существования любого жизнеспособного социума.

В современных условиях гражданство есть институт государственного права и одновременно объект международного сотрудничества. Более того вследствие размывания границ суверенности новым субъектом глобального взаимодействия становится сетевое государство, которое, по-видимому, будет способствовать изменениям всех существующих политических и социальных институтов, в том числе института гражданства.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Политика // Соч.: в 4 т. М., 1983. Т. 4.
2. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Д. Хелд [и др.]; пер. с англ. В.В. Сапова [и др.]. М., 2004.
3. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М., 2004.
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
5. *Маршалл Т.Х.* Гражданство и социальный класс // Избранные очерки по социологии / под ред. Л. Гирко. М., 2006.
6. *Nauta L.* Changing conceptions of citizenship // Praxis intern. Oxford, 1992. Vol. 12, № 1. P. 20–34.
7. *Полухин О.* Идея, опыт и идеал гражданственности: философский проект. М., 2003.
8. *Mische A.* Projecting Democracy: The Formation of Citizenship Across Youth Networks in Brazil // Citizenship, Identity an Social History. Cambridge, 1996. P. 32–34.
9. *Капустин Б.Г.* Гражданство и гражданское общество. М., 2011.

А.М. Klyuchnikov
Problems of Application of Labor
Legislation with the Passage
of the Law Enforcement Service
in the Bodies of Drug Control

The peculiarities of legal regulation of issues of service in the drug control bodies are studied. The Regulation of law enforcement service in the bodies for control over narcotic drugs and psychotropic substances trafficking in parts of consistency with the Labor Code of the Russian Federation is analyzed.

Key words and word-combinations: law-enforcement service, bodies of control over narcotic means and psychotropic substances trafficking, the state service.

Исследуются особенности правового регулирования вопросов прохождения службы в органах наркоконтроля. Анализируется Положение о правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ в части согласованности с Трудовым кодексом РФ.

Ключевые слова и словосочетания: правоохранительная служба, органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, государственная служба.

УДК 349.2:351.74
ББК 67.405.1+67.401.13

А.М. Ключников

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ
ТРУДОВОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ПРИ ПРОХОЖДЕНИИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ
НАРКОКОНТРОЛЯ**

Правовые основы прохождения правоохранительной службы в органах наркоконтроля установлены в п. 2 Положения о правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ [1]. Согласно данному пункту, прохождение службы в органах наркоконтроля осуществляется в соответствии с Конституцией РФ; федеральными законами; Положением о правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и иными нормативными

правовыми актами Российской Федерации, регламентирующими порядок ее прохождения.

Важное значение в правовом регулировании государственной правоохранительной службы в органах наркоконтроля приобретает вопрос о возможности применения к отношениям, возникающим в связи с прохождением службы сотрудниками наркоконтроля, трудового законодательства.

В ст. 11 ТК РФ определяются пределы действия трудового законодательства на различные категории работников и, в частности, указывается, что оно не распространяется на военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы и распространяется на государственных гражданских служащих и муниципальных служащих с особенностями, предусмотренными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ о государственной гражданской службе и муниципальной службе. Единственными «забытыми» здесь оказались правоохранительные служащие, о распространении на которых трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, Трудовой кодекс умалчивает.

Для некоторых видов правоохранительной службы такой пробел не составляет особой проблемы, так как он восполняется в самих актах, регулирующих прохождение данных видов службы. Например, в ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] определяется: «В случаях, не урегулированных нормативными правовыми актами Российской Федерации, указанными в части 1 настоящей статьи, к правоотношениям, связанным со службой в органах внутренних дел, применяются нормы трудового законодательства» [2]. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [3] прямо не закрепляет, что на прокурорских работников распространяется трудовое законодательство, однако в соответствии с ч. 3 ст. 40.1 этого Закона «лица принимаются на службу в органы и учреждения прокуратуры на условиях трудового договора, заключаемого на неопределенный срок или на срок не более пяти лет». Представляется, что факт заключения с прокурорскими работниками трудовых договоров однозначно свидетельствует, что положения ТК РФ и иных актов, содержащих нормы трудового права, к ним должны применяться.

С правоохранительной службой в органах наркоконтроля ситуация иная. Сотрудники органов наркоконтроля осуществляют свою профессиональную деятельность на основе не трудовых договоров, а контрактов, причем, как отмечает С.Е. Чаннов, правовая природа такого контракта в законодательстве не раскрывается, не ясно, является ли он разновидностью трудового договора либо служебного контракта либо отличается и от того, и от другого [4, с. 16].

В упоминавшемся уже п. 2 Положения о правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ указывается, что прохождение службы в органах наркоконтроля осуществляется в том числе в соответствии с федеральными законами, к которым,

как известно, относится и Трудовой кодекс РФ. Однако, в данном пункте речь идет о федеральных законах, регламентирующих порядок прохождения государственной правоохранительной службы, то есть имеющих специальный предмет правового регулирования. Представляется, что из буквального прочтения п. 2 Положения о правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ следует сделать вывод, что этим пунктом ограничивается сфера правового регулирования государственной правоохранительной службы в органах наркоконтроля только Конституцией РФ, а также специально принятыми нормативными актами.

Некоторые пункты Положения о правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ все же упоминают о возможности применения норм трудового законодательства. Так, в п. 7 Положения установлено, что трудовые отношения работников органов наркоконтроля регулируются законодательством Российской Федерации о труде. Однако в данном пункте речь идет не о сотрудниках и даже не о гражданских служащих наркоконтроля, а о лицах, замещающих должности, учрежденные в целях технического обеспечения деятельности органов наркоконтроля. Такие лица являются обычными работниками, и вполне естественно, что их деятельность регулируется только трудовым законодательством.

В некоторых случаях Положение о правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ допускает, однако, возможность применения норм ТК РФ и иных актов, содержащих нормы трудового права, именно к сотрудникам органов наркоконтроля. Например, в п. 30 Положения устанавливается, что при неудовлетворительном результате испытания стажер органов наркоконтроля увольняется в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о труде. В соответствии с п. 100 общая продолжительность еженедельного служебного времени сотрудников не должна превышать нормальную продолжительность еженедельного рабочего времени, установленную Трудовым кодексом РФ.

Таким образом, во всяком случае в ситуациях, прямо предусмотренных Положением о правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, применение трудового законодательства к правоохранительным служащим органов наркоконтроля не только допустимо, но и обязательно. Однако как быть, если какой-то вопрос регулирования служебной деятельности сотрудников наркоконтроля Положением не прописан, но и отсылка к трудовому законодательству отсутствует? Можно ли в таком случае применять к служебным правоотношениям в органах наркоконтроля норм трудового законодательства в случае пробелов по аналогии?

Ситуаций таких может быть достаточно много. Для примера: сотрудник органов наркоконтроля своими неосторожными действиями причинил ущерб

государственному органу (сломал компьютер). В отношении обычных работников в таком случае встает вопрос о возмещении указанного ущерба, что осуществляется путем привлечения их к материальной ответственности. Однако Положение о правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ никак не регулирует вопросы материальной ответственности сотрудников органов наркоконтроля; более того, даже сам термин «материальная ответственность» в тексте Положения ни разу не упоминается. Возникает вопрос: может ли сотрудник органов наркоконтроля быть привлечен к материальной ответственности на основании норм ТК РФ?

По вопросу о принципиальной возможности применения трудового законодательства к правоохранительным служащим в отечественной правовой науке высказывались разные мнения. Так, еще в 1987 г. Ю.Г. Полонов отмечал, что отраслевая природа отношения по участию в общественном труде сотрудников органов внутренних дел ни в действующем законодательстве, ни в теории права четкого определения не имеет [5, с. 32]. Такая ситуация наблюдается и сейчас. Например, известный специалист в области трудового права О.В. Смирнов считает, что «служба в Вооруженных Силах, в органах внутренних дел, пограничных войсках, контрразведке и внешней разведке к предмету трудового права не относится, а составляет предмет административного права. Служба в указанных органах выходит за рамки трудовых отношений и обычной работы. Она связана с выполнением оборонной функции государства» [6, с. 9]. Напротив, А.В. Афанасьев полагает, что «регулирование служебно-трудовых отношений с участием сотрудников органов внутренних дел, представляющих по всем признакам отношения наемного труда, носит комплексный характер и осуществляется нормами как административного законодательства о службе в органах внутренних дел и государственной службе, так и трудового законодательства, что позволяет относить эти отношения к сфере субсидиарного действия трудового права» [7, с. 10].

Такую же позицию поддерживает и С.Е. Чаннов. По его мнению, «в отличие от военнослужащих, служащие правоохранительных органов не исключены ст. 11 ТК РФ из перечня субъектов, на которых распространяется действие Трудового кодекса, поэтому, по-видимому, при обнаружении пробелов в законодательстве о правоохранительной службе вполне допустимо использовать по аналогии нормы трудового законодательства» [4, с. 18].

Данная позиция представляется абсолютно верной. Нельзя не отметить, что ее обычно занимают и судебные органы. Так, применительно к службе в органах наркоконтроля Судебная коллегия по гражданским делам Пермского краевого суда в своем кассационном определении от 2 декабря 2010 г. № 33-10617 указала следующее: «Законы и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права, распространяются на лиц, указанных в ст. 11 ТК РФ, в том числе и на сотрудников, проходивших службу в органах наркоконтроля, в части, не урегулированной специальными нормативными актами». Аналогично Свердловский районный суд г. Перми в решении от 9 февраля 2011 г.

№ 2-682/2011 записал: законы и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права, распространяются на лиц, указанных в упомянутой статье Трудового кодекса, том числе сотрудников, проходящих службу в органах наркоконтроля, в части, не урегулированной специальными нормативными правовыми актами.

Нормы трудового законодательства неоднократно применялись в отношении сотрудников наркоконтроля и другими судебными органами (например: постановление Президиума Верховного Суда Республики Дагестан от 17 февраля 2010 г. №2-1421/11; решение Басманного районного суда г. Москвы от 29 марта 2011 г. № 2-496/11; решение Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 6 апреля 2011 г.; решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 22 марта 2011 г. и др.).

Таким образом, по нашему мнению, положения ТК РФ и иных актов, содержащих нормы трудового права, должны применяться к служебным отношениям, возникающим в процессе прохождения государственной правоохранительной службы в органах наркоконтроля, в части, не урегулированной специальными нормативными актами по аналогии.

В то же время, как представляется, ситуация, когда данный вопрос не решен прямо в действующем законодательстве, является недопустимой и способна вызывать проблемы в правоприменительной практике. В связи с этим данный вопрос должен найти в нем однозначное решение.

Образцом может стать законодательство о государственной гражданской службе, в котором четко указано, что трудовое законодательство применяется к соответствующим служебным правоотношениям субсидиарно (дополнительно). Технически это сделано в ст. 73 Федерального закона «О государственной гражданской службе» следующим образом: федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ, содержащие нормы трудового права, применяются к отношениям, связанным с гражданской службой, в части, не урегулированной настоящим Федеральным законом. Аналогичная по сути норма должна быть, с нашей точки зрения, закреплена и в Положении о правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ вплоть до принятия специального федерального закона о правоохранительной службе.

Данный вопрос был в принципе решен и в проекте Федерального закона от 21 октября 2004 г. «О правоохранительной службе Российской Федерации». В соответствии с ч. 3 ст. 3 проекта «в случаях, не урегулированных Федеральным законом “О системе государственной службы Российской Федерации”, настоящим Федеральным законом, а также принятыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, правоохранительных органов, в которых предусмотрена правоохранительная служба, к отношениям на правоохранительной службе применяются нормы законодательства Российской Федерации о государственной гражданской службе. При отсутствии в законодательстве о государственной гражданской службе таких норм, приме-

нимых к отношениям на правоохранительной службе, применяются нормы трудового законодательства».

На наш взгляд, эта позиция должна быть четко закреплена в Положении о правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ вплоть до принятия специального федерального закона о правоохранительной службе.

Библиографический список

1. О правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ: Указ Президента РФ от 5 июня 2003 г. № 613 (в ред. от 7 июня 2013 г.) // СЗ РФ. 2003. № 23. Ст. 2197.
2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.
3. О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 21 нояб. 2011 г.) (с изм. и доп. от 8 фев. 2012 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
4. Чаннов С.Е. Применение трудового законодательства к регулированию труда правоохранительных служащих // Право и политика. 2010. № 1.
5. Полонов Ю.Г. Правовое регулирование некоторых форм общественного труда в СССР // Советское государство и право. 1987. № 1.
6. Трудовое право: учебник / под ред. О.В. Смирнова. М., 2001.
7. Афанасьев А.В. Правовое регулирование служебно-трудовых отношений с участием сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

S.S. Ivanov

**The Policy of Christian Socialism
in the Context of Civil Society
Development**

The problem of civil society development is analyzed from the position of the Christian-socialist doctrine. Issues of interaction between an individual, the state, and society in the system of social partnership are considered.

Key words and word-combinations: civil society, Christian socialism, humanistic values, social partnership.

Анализируется проблема развития гражданского общества с позиции христианско-социалистического учения. Рассматриваются вопросы взаимодействия личности, государства и общества в системе социального партнерства.

Ключевые слова и словосочетания: гражданское общество, христианский социализм, гуманистические ценности, социальное партнерство.

УДК 1:316

ББК 60.027

С.С. Иванов

ПОЛИТИКА ХРИСТИАНСКОГО СОЦИАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Современная Россия, отказавшись от идеологии атеистического коммунизма в процессе демократического транзита, тем не менее нуждается в созидательной общенациональной идее. Ее социально-гуманистический смысл должен, по убеждению сторонников этического государства, состоять в соединении материальных ориентиров с духовно-нравственными основами, способствующими полному развитию личности и гармонизации общественных отношений. Разумеется, необходимо не возвращение «добровольно-принудительной» официальной идеологии, а постепенное и последовательное возвращение нравственных основ и правовых институтов гражданского общества, способных обеспечить последовательное и устойчивое развитие страны в процессе социально-экономической и политической модернизации.

В отличие от западных стран, где капитализм претерпел определенную социализацию, в Российской Федерации в результате форси-

рованного перехода к рынку капиталистические отношения приняли компрадорскую ориентацию, связанную прежде всего с удовлетворением экономических интересов иностранных государств. Естественно, это ослабляет Россию на мировой арене как опасного и нежелательного конкурента. Номенклатурно-олигархический характер экономических отношений, отсутствие общенациональной идеологии в стране привели к нарастанию множества социальных патологий. Падение нравственности, вызванное моральной дезориентацией населения, сказалось во всех сферах социально-экономической и общественно-политической жизни страны. Распространение в обществе противоправного поведения определенных групп населения в форме алкоголизма, наркомании, экстремизма, преступности, насилия, коррупции дополняется потерей рядовыми гражданами интереса к политической жизни общества и государства в целом, скепсисом в отношении государственной власти и неверием в ее преобразовательные действия.

Социально-экономическое состояние российской действительности свидетельствует не о построении цивилизованных рыночных отношений, свойственных постиндустриальному обществу, а об углублении кризисных явлений. По статистическим данным, Российская Федерация занимает 57-е место в мире по уровню жизни; 97-е – по доходам населения; 101-е – по степени эффективности правительства [1]. Нынешний политико-экономический кризис во многом обусловлен разрушением духовного пространства России, потерей нравственных ориентиров в обществе. Эффективность осуществляемой в стране социально-экономической и политической модернизации во многом зависит от идеологической атмосферы в обществе, убежденности граждан в правильности избранного государственного курса, приверженности духовным и национальным традициям и ценностям. На наш взгляд, один из наиболее плодотворных путей достижения гармоничных социально-экономических и политических отношений, нацеленных на развитие гражданского общества, формируется в процессе выстраивания «обратной связи» между личностью, обществом и государством. Именно такое взаимное доверие народа и власти представлялось важнейшим принципом общественного устройства в теории христианского социализма, представители которого, в частности Н.А. Бердяев, рассматривали гражданское общество как инструмент этического контроля над органами власти и управления. Бердяев выступал сторонником демократического варианта этической корпоративной государственности, способствующей развитию конкретных отраслей национальной экономики, в которой политический парламент будет заменен профессиональным, построенным по корпоративному, или производственному, принципу [2, с. 573].

Научное исследование проблем гражданского общества насчитывает более двух тысячелетий. Античные философы представляли гражданскую общину (полис, или город-государство) как правильную и справедливую политическую организацию общества, где государственные решения принимаются свободными гражданами на основе демократических принципов естественного права [3]. В периоды Реформации и Просвещения в странах Западной Европы предпринимались попытки обновления общественных отношений с учетом антич-

ного политико-правового опыта, что привело к появлению институтов гражданского общества, обусловленных реалиями буржуазно-либерального конституционализма (разделение властей, принятие конституции как общественного договора, дополнение естественного права позитивным и т.п.). В XIX в. понятие гражданского общества трактуется позитивистами и марксистами как продукт социального воспитания и совокупность экономических, производственных отношений, соответствующих производительным силам и образующих базис государства.

В России проблемы гражданского общества активно поднимаются в течение всего XIX в. писателями, философами, публицистами, общественными и государственными деятелями. Особого внимания заслуживает концепция органического общества в ее интерпретации христианскими социалистами во второй половине XIX – начале XX в., представляющая собой не что иное, как учение об эффективном взаимодействии и сотрудничестве граждан и государства, личности и общества, трудящихся и работодателей, народа и церкви. При этом в соответствии с теорией христианского социализма, в которой правомерность социалистической программы обосновывалась ссылками на положения христианского вероучения и основные ценности христианской культуры при условии подчинения социализма христианству [4, с. 3], преобразование общественного строя планировалось осуществлять прежде всего с ориентацией на нравственные основания в процессе сотрудничества всех социальных слоев населения. Вследствие этого программные особенности теории русского христианского социализма как комплексного религиозно-общественного учения, охватывающие все направления развития общества, в качестве важнейшей составляющей включают нравственный элемент.

По мнению В.С. Соловьева, одного из главных теоретиков русского христианского социализма, ставившего «оправдание добра» во главу социальной этики, духовный исторический процесс, означающий освоение человеческой мыслью христианского мировоззрения, и материальный исторический процесс являются единым целым в Богочеловеческом историческом процессе [5, с. 398–400]. Это развитие представляет собой движение, в ходе которого осуществляется постепенное взаимодействие Бога, человека, общества и природы в направлении достижения христианского общественного идеала, трансцендентного по отношению к «миру сему». В реальном течении истории он не лишен драматизма и противоречий, но его духовная сущность – постепенное одухотворение человека, человечества и природы – остается неизменной, а целью становится духовное возрождение и творческое преображение России и мира в целом. Русский мыслитель представляет Богочеловечество как высшую форму христианской общности, своего рода идеальное гражданское общество, сходное органическому, в котором формируется христианская политика и в соответствии с ней – социальное понимание прав и обязанностей человека по отношению к обществу. При таком народоустройстве интересы личности и социума приходят во взаимное соответствие, гармонизируются, что является отражением взаимодействия духовного и материального начал, составляющих основу проблемы смысла жизни и истории.

Н.А. Бердяев в качестве основных элементов органического общества рассматривал персонализм и соборность. Он утверждал, что неповторимость, уникальность, свобода и достоинство человека не должны попираяться коллективистскими тенденциями и тоталитарными диктатурами; личность может развиваться только на основе принципа соборности – равноправного взаимодействия с другими членами общества, что соответствует и современному пониманию гражданского общества. Антигуманный опыт русской революции, связанный с насилием над достоинством человека, приводит мыслителя к выводу: «Отождествление общества и государства порождает тиранию, ведет к безграничной власти общественного коллектива над личностью человеческой, к отрицанию всех неотъемлемых и священных прав человека. . .» [6]. Следовательно, контроль со стороны гражданского общества над деятельностью властных структур является необходимым условием построения этического, то есть нравственного, государства.

С.Н. Булгаков в продолжение исследования программных теоретических положений христианского социализма попытался перенести их на социальную практику в проекте Союза христианской политики, где были намечены конкретные задачи по преобразованию социального строя, в котором повышение общественного благосостояния напрямую связывалось с деятельностью в сфере религиозно-нравственного воспитания масс и христианской политикой, направленной на построение социального государства [7]. Однако впоследствии русский мыслитель отказался от пути однозначного совмещения религиозных и политических задач, считая, что не должно ставить знак равенства между церковной и светской сферами общественной жизни, необходимо избегать крайностей как ее клерикализации, так и дехристианизации: «Христианству... есть полное основание принимать его (социализм. – С.И.) в качестве благодетельной социальной реформы, направленной к борьбе с общественным злом, насколько эти меры не сопровождаются грубым насилием и сообразны со здравым смыслом. Но христианство совершенно отвергает все самообольщение социализма, ослепленного своими чаяниями» [8, с. 229–230].

Именно таким путем пошли западноевропейские страны, в реформистской политике послевоенного времени которых социально-гуманистические принципы христианского социализма были выдвинуты на первый план, что позволило в короткие сроки повысить народное благосостояние, сформировать «средний класс», осуществить системную организацию социальной помощи. Применение политических технологий, построенных на взаимном сотрудничестве субъектов общественных отношений, позволило сформировать социальную рыночную экономику как эффективную основу гражданского общества. При этом использовались следующие социально-экономические концепции:

ордолиберализм – создание конкурентного порядка социальной рыночной экономики;

государственный дирижизм – публично-правовое регулирование и индикативное, то есть рекомендательное, планирование;

субсидиарность – рациональное разграничение компетенций в федеративном государстве;

демократия участия – производственное самоуправление трудящихся.

Проведение в социально-экономическую жизнь всех этих политических технологий способствует активизации субъектов гражданского общества, приобретающих ответственность за результаты развития национальной экономики, которые выражаются в уровне жизни граждан, степени их политического участия, благоприятном психологическом климате в обществе, удовлетворенности населения качеством политического и государственного управления, степенью его нравственной организации в целом.

В первой половине XX в. христианский социализм, выйдя за рамки социально-политической теории, постепенно перерос в общественное движение, в котором теоретические положения, основанные на христианских ценностях, получили практическую реализацию в ходе формирования социального государства во многих странах Западной Европы, где гражданское общество активно участвует в решении вопросов политического, экономического, социального и культурного порядка.

На Западе теоретические изыскания христианских социалистов, хотя и велись выдающимися учеными, не достигли столь высокого теоретического уровня, как в России. Однако парадокс заключается в том, что именно в европейских странах опыт христианского социализма, реализованный на практике, привел к существенным успехам в экономической и социальной жизни. Ко второй половине XX столетия произошли очевидные позитивные изменения во Франции, Германии, Италии, Испании, где христианская политика, ориентированная на нравственность, способствовала социальным преобразованиям, получившим название «экономического чуда». В политической трансформации европейских обществ особая роль принадлежала государственным руководителям – представителям христианско-социалистических партий, ориентированных на соединение материальных и духовно-нравственных принципов в процессе формирования социальной рыночной экономики на условиях партнерских отношений между властью, бизнесом и трудящимися с целью построения социального государства. Основным политическим результатом социальной политики христианского социализма в Европе явилось утверждение среднего класса, обеспечивающего политическую и экономическую стабилизацию.

Франция и Германия стали странами, где теория христианского социализма наиболее результативно воплотилась в политической практике социального реформизма. Практика христианского социализма здесь достаточно плодотворно реализовалась в деятельности политических партий и общественных движений, профсоюзных объединений. Участвуя в системе политического представительства органов парламентской демократии, партиям христианско-социалистической и христианско-демократической ориентации удалось оказать реальное воздействие на общество в плане интеграции политики и морали, а также формирования и становления гражданского общества.

Ведущей христианско-социалистической политической партией в послевоенный период во Франции явилось Народно-республиканское движение (Mouvement republicain populaire – MRP) – католическая партия, образованная в ноябре 1944 г. из христианско-социалистических групп деятелями правого крыла движения Сопротивления. В обстановке послевоенного подъема де-

мократических сил MRP объединилось с коммунистами и социалистами в стремлении осуществить справедливые социальные реформы на основе активного развития институтов гражданского общества. Вплоть до роспуска в 1967 г. эта партия являлась важным звеном политико-институциональной системы IV и V Республик. Ее уход с политической арены был обусловлен изменой лидеров политическим интересам народных масс, переходом их в лагерь крупной буржуазии [9].

В Германии под руководством общественно-политического блока ХДС / ХСС, и сегодня придерживающегося программных принципов христианского социализма, спроецированных на конкретные исторические реалии, удалось вывести на новый уровень общественные отношения, в которых главное место отводится институтам гражданского общества. Первоначальная приверженность антибуржуазным принципам нового экономического строя на основе ценностей христианской культуры, заявленная в Аленской программе ХДС (1948 г.), сменилась впоследствии более консервативной ориентацией. Тем не менее благодаря основным началам социального рыночного хозяйства, воплощенного в жизнь лидерами ХДС К. Аденауэром и Л. Эрхардом, ФРГ вернулась к политике христианского социализма и в настоящее время под руководством федерального канцлера А. Меркель – лидера ХДС – выступила в политической коалиции с Социал-демократической партией Германии. Это означает закрепление достигнутого социально-экономического успеха и сохранение высокого международно-правового статуса страны в Европейском Союзе.

Идеология и политика ХСС, наиболее видным лидером которого в XX в. был Ф.И. Штраус, связана с консервативным вариантом теории христианского социализма, творчески примененной в региональной системе политических ценностей. На практике это вылилось в политику поддержки гражданского общества и на федеральном, и на земельном уровне. Так, Христианско-социальный союз Баварии, в блоке с Христианско-демократическим союзом Германии в Бундестаге образуя единую фракцию, в организационном отношении сохраняет полную самостоятельность и стремится вывести Баварию на высокий социально-экономический уровень, при этом делается установка на достаточно высокую степень участия институтов гражданского общества в политическом процессе. Благодаря политической стратегии ХСС Баварии регион сохранил национально-традиционную специфику в ходе общегерманской и общеевропейской социально-экономической и политико-правовой модернизации и на этой основе успешно развивает собственный социокультурный потенциал.

Итальянская народная партия, сохранившая свою популярность и авторитет среди населения на протяжении многих десятилетий, со времени своего образования в 1919 г. осталась верной первоначальному стратегическому курсу: проведение социальных реформ с целью повышения благосостояния граждан страны; приверженность христианским ценностям, способствующим духовно-нравственному развитию общества; формирование политических технологий, объединяющих всех субъектов гражданского общества на началах социального партнерства [10].

Политический опыт испанских партий, организаций и групп, придерживавшихся программы христианского социализма, оказался наиболее плодотвор-

ным, когда был ориентирован на обновление национальных традиций с установкой на принципы католического модернизма и сотрудничество всех конструктивных сил гражданского общества. В послевоенный период в ходе демократических реформ, осуществлявшихся по инициативе как правящего класса, так и широких слоев трудящихся, было достигнуто взаимопонимание между всеми субъектами общественных отношений. Координационный центр христианской демократии Испанского государства, Демохристианская федерация, Союз демократического центра и другие политические партии и движения, включавшие принципы христианского социализма в свою программу, способствовали преобразованию общественных отношений на либеральных, демохристианских и социал-демократических началах.

Таким образом, мировой опыт становления и развития гражданского общества связан со стремлением практического воплощения в жизнь фундаментальных гуманистических ценностей на основе новых взаимоотношений личности и общества. С целью обеспечения прав и свобод человека и гражданина в контексте формирования и развития гражданского общества сегодня целесообразно внедрять в государственную политику целый ряд лично ориентированных программных положений, включающих возрождение и сохранение основных ценностей христианской культуры; стремление к наиболее возможной в данных исторических условиях гармонии между личностью и обществом на основе организации социального партнерства и сближения социальных статусов граждан через повышение личного и общественного благосостояния; утверждение демократии участия в социально-экономических отношениях; формирование системы справедливого социального обеспечения.

Все эти важнейшие задачи осуществимы лишь в процессе нравственной организации общественной жизни, способствующей созданию условий для личного роста и творческого развития каждого человека, что обеспечивает повышение этического уровня общества в целом. Именно поэтому весьма актуальным остается развитие политической культуры всех социальных субъектов, а также выработка национальной идеологии как основы формирования демократии участия. Гражданское общество нельзя насадить извне, его можно лишь взрастить на основе внутреннего духовного, политического и социально-экономического роста, а это, в свою очередь, требует и сохранения национальных традиций, и внедрения новых политических технологий, способствующих достижению согласия и плодотворного сотрудничества между всеми общественными субъектами.

Библиографический список

1. Население России: статистика, факты, комментарии, прогнозы. URL: http://rf-agency.ru/asn/reiting_ru
2. Бердяев Н.А. Новое средневековье // Бердяев Н.А. Смысл творчества. Харьков; М., 2002.
3. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book6221/142192/>
4. Иванов С.С. Христианский социализм как политический феномен: опыт России и Европы. Саратов, 2009.

5. Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 1996.
6. Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_duorr_02.htm
7. Булгаков С.Н. Неотложная задача: О Союзе христианской политики // Христианский социализм (С.Н. Булгаков). Новосибирск, 1991.
8. Булгаков С.Н. Христианство и социализм // Христианский социализм (С.Н. Булгаков). Новосибирск, 1991.
9. Шмелев Д.В. Народно-республиканское движение (МРП) в политической жизни Франции (1944–1967): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012.
10. Итальянская народная партия. URL: http://mirslouvrei.com/content_bes/ital-janskaja-narodnaja-partija-24488.html

N.B. Zazaeva

**The Role of Mass Media
in the Formation of Interethnic
Tolerance in Modern Russia**

On the basis of the results of the local and regional mass media content analysis and the focus group the degree of youth interethnic tolerance in the Saratov Region is investigated. The communicative potential of mass media and the mechanism of its use in the formation of interethnic tolerance in modern Russia are studied.

Key words and word-combinations: interethnic tolerance, mass media functions, languages of cross-cultural perception.

На основе результатов контент-анализа местных и региональных СМИ и фокус-группы исследуется степень межэтнической толерантности молодежи Саратовской области. Изучается коммуникативный потенциал СМИ и механизм его использования в формировании межэтнической толерантности в современной России.

Ключевые слова и словосочетания: межэтническая толерантность, функции СМИ, языки межкультурного восприятия.

УДК 323.11(470+571):002

ББК 66.3(0)5(2Рос)+76

Н.Б. Зазаева

**РОЛЬ СМИ
В ФОРМИРОВАНИИ
МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ
ТОЛЕРАНТНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

В современном глобализирующемся мире межэтническая толерантность из теоретического концепта превращается в категорию практического опыта, благодаря которой становятся возможны плодотворные контакты между людьми. На первый план выступает коммуникативная интерпретация понятия толерантности. В связи с этим необходимо отметить как смысл этого понятия, так и основные его характеристики.

Толерантность рассматривается как единая ценностная установка всего общества, по поводу которой сформировано общественное согласие. Это элемент культуры общества, воплощающийся в поведении ее отдельных индивидов, воспринимающих другого как ценность и с этих гуманистических позиций готовых к межкультурным контактам. Несмот-

ря на целенаправленную работу по конструированию и формированию межэтнической толерантности в российском обществе, ведущуюся с 1998 г., единой позиции по данному вопросу до сих пор не сформировано.

Толерантность проявляет себя в разных видах коммуникаций – от межличностных до массовых. Самым широким из означенных видов являются массовые коммуникации. Они определяют контекст, направленность восприятия информации, межкультурные коды и, таким образом, влияют не только на общественное мнение, но и на представления отдельного индивида в области межэтнических взаимодействий. Не случайно в 2000-х годах, когда государство впервые провозгласило формирование толерантных установок в российском обществе одним из главных приоритетов его поступательного устойчивого развития [1], в обществе развернулась дискуссия о роли СМИ в этих процессах. Исследования показали, что СМИ, освещая темы межэтнических проблем и взаимодействий, как правило, акцентируют внимание на негативных событиях в этой сфере. Л.М. Дробижева, анализируя региональную прессу Татарстана (издания «Восточный экспресс» и «Татарстан яшьлере» 2003 г.), выделила следующие основные темы освещения в СМИ межэтнических взаимодействий: преступления, совершаемые мигрантами; межэтнические конфликты, трактуемые как проявление культурных различий; наконец, социальные угрозы (от безработицы до ухудшения эпидемической обстановки), связанные с притоком мигрантов [2, с. 204].

Л.М. Дробижева также показала многообразие дискурсов, применяемых при изложении негативного контента (от «дискурса социальной конкурентности» до «дискурса вражды»), и соответственно сделала вывод о негативной роли СМИ в представлении «этнических» ситуаций. Переход к позитивному освещению межэтнических взаимодействий исследователь увидела в профессиональной ответственности как всего журналистского сообщества, так и каждого журналиста в отдельности: «Мы надеемся сориентировать всех, кто имеет отношение к формированию культуры межэтнической толерантности и ее реализации, на необходимость понять ее значимость... в поддержании межэтнического согласия, на необходимость раскрывать причины, к сожалению, появляющихся провокаций интолерантности» [2, с. 208].

В этом контексте о роли СМИ в формировании толерантных межэтнических установок в обществе рассуждает И.Н. Блохин. «Толерантность, – пишет автор, – проявляется, когда журналисты обращаются к освещению проблем социального взаимодействия и выступают в качестве агентов групп общественных интересов. Поэтому один из возможных подходов к определению «толерантности» состоит в рассмотрении в качестве ее критериев норм журналистской деятельности. К таким нормам относятся: достоверность рассматриваемых фактов... рассмотрение фактов и анализ событий в контексте конкретной общественно-политической, социальной, морально-психологической обстановки... преодоление селективности в выборе фактов и событий из всей их совокупности» [3, с. 121].

Экспертное сообщество едино во мнении, что качество освещения этнических вопросов является критерием уровня профессионализма как любого СМИ, так и отдельного журналиста. «В журналистской среде формируется понима-

ние толерантности как идеологической культурно-мировоззренческой открытости и состояния равноправного этнокультурного (и даже цивилизационного) диалога» [3, с. 123]. По сути речь идет об обращении научного экспертного сообщества к авторитету общественной нравственности. Манипулирование по этой тематике с помощью приемов, разоблаченных еще Т. Ван Дейком, должно рассматриваться общественным мнением как политическая ангажированность и дешевый популизм, а толерантные межэтнические установки как критерий качества, авторитетности и свободы того или иного СМИ.

Сегодня провести экспертизу СМИ не трудно. Показатели очевидны: темы этнических взаимодействий в повестке дня; тип или типы дискурсов, используемых в публикациях; определенное направление восприятия межэтнических различий, наличествующее в тексте.

Тематическое содержание повестки дня при исследовании влияния СМИ на общественное мнение имеет первостепенное значение. Еще исследования К. Левина показали, что в первую очередь тематика формируется под воздействием объективных факторов, главным из которых являются предпочтения целевой аудитории, актуальность данной информации для нее. Интересных и актуальных событий на уровне страны, да и региона, отдельной местности происходит достаточно много, но лишь некоторые из них попадают в зону внимания СМИ.

У. Бек, размышляя на эту тему, пришел к выводу, что в современном глобализирующемся мире темы выбираются случайно, исходя из опыта описания повседневности. События как случаи из жизни настолько быстро сменяют друг друга, что ни сознание отдельного индивида, ни тем более массовое сознание не способны уловить или построить какие-либо логические взаимосвязи: «Утренние газеты я читаю как новости из лаборатории мирового общества риска... Я тоже всем этим поглощен и переполнен, я уже не способен систематически заниматься событиями... Максимально возможное – выбрать один пункт и систематически его отслеживать... Поэтому как следствие возникает новая пассивность, равнодушие, потому что все эти события и всю информацию невозможно обработать» [4]. При этом ученый утверждает, что все более ускоряющаяся динамика повседневности на страницах СМИ – это не манипулятивный прием, а отражение объективных процессов, происходящих в современном мире.

Сила влияния СМИ на массовую аудиторию не в специальном тщательном подборе тем и событий, а в их унифицирующей интерпретации. У. Бек замечает: «Средства массовой информации передают не только сведения, но и важность события, которое вдруг попадает почти в каждую гостиную в мире» [4]. В качестве примера он приводит интересные размышления Джона Дьюи о формировании информационных предпочтений массовой аудитории через новостную повестку дня: «Прагматик Джон Дьюи... когда-то задался вопросом, как это возможно, что люди интересуются темами, которые шире общего этнического, национального и классового контекста. Он пришел к выводу, что все зависит от того, влияют ли как-то эти вопросы на повседневную жизнь людей и ранят ли они каким-то образом культурную нервную систему людей. Если – да, тогда люди пробуждаются от своей пассивности, начинают сопереживать, ин-

тересоваться вещами, которые в остальном лежат далеко за линией их горизонта» [4]. Следовательно, наибольший интерес и влияние будут оказывать темы, сообщающие о ситуациях, в которых получатель информации может идентифицировать себя как действующее лицо, и соответствующие в своем описании его субъективной модели таких ситуаций. Самое главное, что СМИ способны формировать толерантные установки, погружая темы межэтнических взаимодействий в глобальный контекст, и для этого нет необходимости в специальном подборе тем и сюжетов, достаточно правдиво и оперативно отражать реалии современного мира. Изложенную позицию характеризует позитивный подход к роли СМИ в формировании толерантных установок общества. При этом такая роль СМИ связывается исследователями с их информационной функцией – снабжением общества новостной информацией.

В новостной повестке дня возможны и манипуляции. Они прежде всего связаны с интерпретацией события, содержащейся внутри любой новости. Т.А. Ван Дейк выделил преимущественно одну тему, создающую негативное направление восприятия межэтнического взаимодействия, – это тема преступления, нарушения общественного порядка со стороны представителя какого-либо этноса или, по выражению автора, «этнических меньшинств» [5, с. 156]. Он утверждал, что сам подбор таких фактов для описания этнических меньшинств в СМИ является приемом манипуляции общественным сознанием.

Позитивное освещение межэтнических взаимодействий предполагает совершенно иные сюжеты и их интерпретацию. Имеются в виду сюжеты об обычаях и традициях иной культуры, об опыте позитивного межкультурного взаимодействия и сотрудничества, наконец, осуждение нарушения прав человека в отношении представителя того или иного этноса. Социально ответственная позиция СМИ заключается в отказе от трансляции информации о социальных процессах через призму этнических категорий, то есть через намеренное преувеличение этничности.

К сожалению, позиция российских СМИ строится на противоположных основах. Свидетельством этому служат выводы Л.М. Дробижевой об основных темах и контекстах описания этносоциальных процессов в российских СМИ: «Тематизация этничности в контексте миграции происходит главным образом в противопоставлении «мы» – «они», «мы – хозяева, местные» – «они – пришлые, приезжие». Часто подчеркивается правовой статус мигрантов, уточняется, что они, «нелегальные мигранты», в зависимости от жанра газеты высказывания по этому поводу могут быть либо более жесткими, либо более мягкими, но суть сохраняется – миграция рассматривается как социальная проблема для всего местного населения» [2, с. 205–206].

Итак, темы как основные сюжеты рассказов об этничности невозможно отделить от контекста, интерпретации, задающей направление восприятия данной информации. Это связано с типами дискурсов, используемых СМИ. Языки межкультурного восприятия, используемые сегодня СМИ для описания «этнических» ситуаций, можно расположить на линейной шкале, представляющей собой два крайних полюса: толерантность – интолерантность (нетерпимость). На позитивном полюсе располагается «язык согласия», на негативном – «язык вражды».

Исследования последних лет показывают, что в российском обществе не только не возросла степень межэтнической толерантности, но, напротив, уменьшилась. Об этом свидетельствуют и результаты контент-анализа региональных и местных СМИ, проведенного по внутреннему гранту Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (Саратов) на тему: «Коммуникационные механизмы формирования и развития межкультурной толерантности в контексте миграционных процессов евразийского пространства в 2012–2013 гг.».

Анализ публикаций на новостном Интернет-портале «Мой Саратов» в период сентября 2012 г. по март 2013 г. показал, что 52,6% публикаций отражают такой тип восприятия межкультурных различий, как защита собственного культурного превосходства. Рассуждения на тему миграции главным образом связаны со стремлением минимизации социальных последствий и угроз через культурную ассимиляцию. Образ мигранта предстает как «образ чужого».

Особенно активно на страницах местных СМИ обсуждается тема нелегальной миграции, ей посвящено 32% всех публикаций. При трансляции типа восприятия Другого как чужого, от которого исходит угроза социальному устройству общества и его культурным устоям, используется «дискурс социальной конкуренции». Он характеризуется следующими высказываниями: «Дело в том, что население нового Дергачевского района легко можно увеличить за счет мигрантов» [6, с. 3]. Наконец, «дискурс социальной конкуренции», отражающий настороженное отношение к Другому, может переходить в «язык вражды»: «Если не поменять отношение власти к обществу, то скоро Саратов превратится в город мигрантов и маргиналов» [7, с. 2].

В то же время используется описание конкретных «этнических» ситуаций в рамках восприятия межкультурных различий по принципу «минимизации различий». Они составляют около 21% всей совокупности публикаций на новостном Интернет-портале «Мой Саратов». В этом контексте основной темой публикаций становится учет прав мигрантов как добропорядочных граждан и создание необходимых условий для их адаптации на территории Саратовской области.

При трансляции более толерантного отношения используется «дискурс поллиткорректности», или «дискурс различий». При таком отражении этнической тематики появляется нейтральный эмоциональный фон, претендующий на объективное описание сложившейся ситуации, то есть информирование общественности о фактах в этой сфере. «С июня 2010 г. в министерство УФМС на согласование поступило около 3 тыс. анкет. С учетом членов семьи – 5 тыс. человек. Лидерами среди стран выезда соотечественников являются Казахстан (46%) и Узбекистан (24%)» [8].

В целом по результатам контент-анализа региональной «Саратовской областной газеты», местных изданий «Газета недели в Саратове», «Богатей» и новостного Интернет-портала «Мой Саратов» за 2012–2013 гг. наиболее распространенным являлся «дискурс социальной конкуренции» – в среднем по всем изданиям 56%. Достаточно часто на страницах региональных и местных СМИ стал использоваться «язык поллиткорректности», около 21% его применяют, публикуя данные миграционной службы и других ведомств, занимающихся

миграционной политикой. Правда, в интервью и высказываниях уполномоченных лиц он очень быстро переходит в «дискурс социальной конкуренции». В СМИ при освещении этнических вопросов практически отсутствует «язык согласия». Только в «Газете недели в Саратове» встретилось 2% публикаций, где присутствовали позитивные оценки и транслировались адаптивно-интеграционные установки по отношению к мигрантам. Это означает, что на шкале «толерантность – интолерантность», установки, транслируемые СМИ массовой аудитории, сдвинуты в сторону интолерантного отношения.

Результаты контент-анализа соответствуют результатам фокус-группы, проведенной 15 мая 2013 г. со студентами Поволжского института управления им. П.А. Столыпина, по измерению степени межэтнической толерантности молодежи и определению роли СМИ в ее формировании в поликультурном регионе. Доминирующим типом восприятия межкультурных различий у информантов оказался тип «защита собственного культурного превосходства». Через всю фокус-группу красной нитью проходили высказывания, смысл которых сводился к суждению: «В России русские должны иметь статус и преимущества как титульная нация».

Наиболее частые высказывания:

В России как в любом многонациональном государстве должна быть титульная нация, иначе миграция просто задавит местное население.

Русские вообще находятся в каком-то угнетенном состоянии.

Мы никогда не будем жить достойно, пока будут мигранты, согласные жить и работать в нечеловеческих условиях!

Мигранты размывают нашу культуру, ведь они берегут свою культуру, а мы – нет.

Приезжие, по словам информантов, являются культурно чуждыми и потому представляют угрозу социальному порядку.

Но когда речь зашла о том, что СМИ транслируют обществу ту же точку зрения, которой придерживаются большинство участников дискуссии, это вызвало негативную оценку деятельности масс-медиа:

Журналисты забывают, что надо не только гнаться за «жареными» фактами в этнической тематике, но и рассказывать о традициях и обычаях других народов.

В СМИ необходимо говорить о положительных моментах в культуре другого народа.

СМИ зачастую манипулируют общественным мнением, выбирая негативные события.

Определенный тип восприятия межэтнических различий приводит и к готовности избирательных контактов с представителями других культур. Это взаимодействия, возникающие под давлением обстоятельств, то есть в деловой или профессиональной сфере, а также межэтнические контакты в повседневной жизни на базе общности каких-либо неформальных, досуговых интересов.

Итак, на основе проведенной фокус-группы выявлена низкая степень межэтнической толерантности у студенческой молодежи Саратовской области. Анализ высказываний показал, что при восприятии культурных различий преобладает

такой этноцентричный тип восприятия, как «защита собственного культурного превосходства». По мнению большинства участников фокус-группы, приток мигрантов или представителей иного этноса в свой регион является угрозой не только социальному порядку, но и культурным устоям местного сообщества. По отношению к представителям иных этносов, демонстрирующих другое поведение, доминируют чувства раздражения и неприятия. Среди стратегий культурного взаимодействия явное предпочтение отдается ассимиляции: подчеркивается, что приезжие должны перенимать традиции и обычаи местного населения. Данный вывод делается несмотря на собственный опыт проживания в полиэтничной среде, учебный опыт: все студенты, участвующие в фокус-группе успешно освоили курсы по теории коммуникации и по межкультурной коммуникации.

На наш взгляд, объяснение этому феномену лежит в плоскости взаимосвязи и взаимовлияния межличностных и массовых коммуникаций. Существует колоссальный разрыв между должным и реально существующим порядком вещей в рамках освещения темы межэтнических взаимодействий. Именно поэтому «дискурс согласия» крайне редко встречается в информационном пространстве, воспринимается массовой аудиторией как фальшивый, политически ангажированный и, как следствие, используется только официальными лицами в качестве призывов и лозунгов.

Глубинными причинами интолерантных установок в российском обществе являются прежде всего социально-экономические условия. Следовательно, формирование толерантных установок должно начинаться с поиска основ преобразования социальной жизни вместе и сообща, диалога и сотрудничества всех социальных групп для консолидации общества при решении социально значимых проблем. К сожалению, в российских СМИ преобладает ориентация на проблемность и критический подход к действительности, и он был бы оправдан, если бы не ограничивался так называемой разгромной критикой, фиксирующей социальные недостатки, но не предлагающей варианты выхода из сложившейся ситуации. Ведь конструктивная критика обязательно должна содержать предложения по исправлению, изменению того, что вскрыто и доказано как нарушение порядка вещей. Наконец, интолерантные установки могут быть преодолены только тогда, когда в обществе утвердятся подлинно антропологические ценности, то есть любой человек независимо от его этнической принадлежности и других различий будет рассматриваться как наиважнейший ресурс для развития общества. В утверждении этих ценностных установок в общественном сознании ведущую роль могут сыграть профессиональные и научные сообщества в содружестве со СМИ.

Библиографический список

1. О Федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы): постановление Правительства РФ от 25 авг. 2001 г. № 629. URL: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/jm-akty/q3b.htm>
2. Социология межэтнической толерантности // под ред. Л.М. Дробижевой. М., 2003.
3. Блохин И.Н. Толерантность как принцип журналистской деятельности. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-175659.html>

4. Вторая часть интервью с У. Беком о глобальных рисках и о том, как не сойти с ума, читая утренние новости. URL: <http://fundmarket.ua/digest/diagnoz-sovryemyennogo-obshyestva-kosmopolitizm-ravnodushiye-i-postoyannyye-pyeryemyeny-20110604170>

5. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

6. Копищева О. Перекроить пространство и простор (3-я серия) // Газета недели в Саратове. 2012. 25 дек.

7. Акимов М. Весь креатив власти – распил бюджета // Газета недели в Саратове. 2012. 18 сент.

8. Право на достойный труд // Саратовская областная газета. 2013. 19 февр.

N.B. Zazaeva

**The Role of Mass Media
in the Formation of Interethnic
Tolerance in Modern Russia**

On the basis of the results of the local and regional mass media content analysis and the focus group the degree of youth interethnic tolerance in the Saratov Region is investigated. The communicative potential of mass media and the mechanism of its use in the formation of interethnic tolerance in modern Russia are studied.

Key words and word-combinations: interethnic tolerance, mass media functions, languages of cross-cultural perception.

На основе результатов контент-анализа местных и региональных СМИ и фокус-группы исследуется степень межэтнической толерантности молодежи Саратовской области. Изучается коммуникативный потенциал СМИ и механизм его использования в формировании межэтнической толерантности в современной России.

Ключевые слова и словосочетания: межэтническая толерантность, функции СМИ, языки межкультурного восприятия.

УДК 314.15:070:004

ББК 60.74+76.0

П.М. Федоров

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ИНТЕРНЕТ-СМИ
В ФОРМИРОВАНИИ
УСТАНОВОК АУДИТОРИИ
ПО ОТНОШЕНИЮ
К МИГРАНТАМ***

В Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года отмечается, что с учетом тенденции естественной убыли российского населения и опережающих темпов сокращения трудоспособного населения, переселение мигрантов на постоянное местожительство в Российскую Федерацию становится одним из источников увеличения численности населения страны в целом и ее регионов, а привлечение

* Статья подготовлена в рамках внутреннего гранта Поволжского института управления им. П.А.Столыпина – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» по теме «Коммуникационные механизмы формирования и развития межкультурной толерантности в контексте миграционных процессов евразийского пространства». Руководитель – доктор философских наук, доцент Н.Б. Зазаева.

иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями экономики страны является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития. При этом реализация данных направлений миграционной политики обусловлена эффективной адаптацией и интеграцией мигрантов в принимающее общество. Вот почему большое теоретическое и практическое значение приобретает проблема анализа факторов, формирующих интеграционный потенциал современно-го российского общества, в частности его социокультурный аспект – доминирующие в общественном сознании установки в отношении мигрантов и их толерантность.

В целях изучения направленности, интенсивности и форм воздействия региональных Интернет-СМИ на общественное мнение по вопросам миграции проведен контент-анализ региональных новостных Интернет-сайтов по категории «мигрант». За основу взята методика контент-анализа СМИ, разработанная Институтом социологии РАН [1] и дополненная блоком переменных, характеризующих различные параметры комментариев к анализируемым сообщениям на Интернет-сайте, количество посещений сайта (если ведется учет), фиксирующих источник высказываний, мнений, упоминаемых в сообщении.

Проанализировано 1421 информационное сообщение, содержащее слова, относящиеся к категории «мигрант», на 106 региональных информационных Интернет-сайтах 20 регионов Российской Федерации за период с 1 мая 2012 по 1 мая 2013 г. Показатель межкодирующей надежности для номинальных категорий R Холсти (рассчитанный для двух независимых кодировщиков сообщений Интернет-сайтов Саратовской области) равен 0,8.

Необходимость модификации методики обусловлена особенностью объекта исследования, то есть интерактивностью (вовлеченность пользователей в процесс создания контента и интерпретации медиаконтента) и гипертекстуальностью (построение текста на основе цитирования, ссылок на иные тексты и мультимедиа-ресурсы). При этом вовлеченность пользователей в процесс интерпретации медиаконтента, комментарии и обсуждения сообщений выступают своеобразным индикатором интереса аудитории к сообщению. Таким образом, интерактивный характер анализируемых информационных ресурсов дает исследователю уникальную возможность оценки эффективности информационного воздействия сообщения.

В большинстве анализируемых сообщений (81%) категория «мигрант» отражена лексически (категория подразумевается содержательно в 19% сообщений). Чаще всего (74%) данная категория выступает на первый план темы материала.

Взаимное распределение анализируемых сообщений по двум переменным – «наличие и характер комментариев» и «вид присутствия категории в тексте» – свидетельствует о значимом влиянии категории «мигрант» на активность восприятия сообщения Интернет-аудиторией.

Непосредственно негативная информация, связанная с категорией «мигрант», присутствует в 36,6% анализируемых сообщений, непосредственно положительная информация содержится только в 12,7% сообщений. Такое соот-

ношение позитивной и негативной информации в сообщениях в целом отражает социальные установки населения в отношении мигрантов. Так, по данным общероссийского опроса фонда «Общественное мнение», негативные установки касательно потенциальных соседей-мигрантов из стран Средней Азии продемонстрировали в своих ответах 56% опрошенных [2].

Таким образом, региональные новостные Интернет-сайты, ориентируя реальную информационную политику на запросы аудитории, тем самым вольно или невольно способствуют закреплению негативных установок и стереотипов по отношению к мигрантам.

Необходимо отметить, что наличие как негативной, так и позитивной информации по категории «мигрант» значимо (обратно пропорционально) коррелирует с наличием размещаемых комментариев, что объясняется повышенным интересом аудитории к самой теме мигрантов (табл. 1). При этом позитивная информация о мигрантах в сообщении статистически значимо не влияет на наличие критических замечаний. Активный интерес аудитории в большей степени вызывают сообщения, не содержащие очевидной негативной или позитивной подачи информации.

Таблица 1

Взаимозависимость информации и комментариев

		3.5. Наличие и характер комментариев		
		Поддерживающие, %	Критические, %	Нейтральные, в том числе иронические, %
2.6. Наличие непосредственно негативной информации по категории "мигрант"	ДА	4	17	10
	НЕТ	11	23	19
	В среднем	8	21	16
	Pearson Chi-Square	20,078	6,133	18,259
	Asymp. Sig. (2-sided)	0,000	0,013	0,000
		Поддерживающие, %		Нейтральные, в том числе иронические, %
v2.7. Наличие непосредственно положительной информации по категории "мигрант"	ДА	3		11
	НЕТ	9		17
	В среднем	9		17
	Pearson Chi-Square	7,434		4,382
	Asymp. Sig. (2-sided)	0,006		0,036

Сопоставление средних значений переменной «v3.6. Количество посещений страницы, если ведется учет» в зависимости от изменения значения переменной «v2.7. Наличие непосредственно положительной информации по категории «мигрант»» при помощи теста Стьюдента для сравнения двух независимых выборок свидетельствует о значимом влиянии наличия непосредственно

положительной информации по категории «мигрант» на количество посещений сайта. Следовательно, наличие непосредственно положительной информации по категории «мигрант» статистически связано с ростом числа посещений страницы сайта, на которой размещено сообщение.

Доля сообщений, содержащих негативную информацию по категории «мигрант» на новостных Интернет-сайтах различных регионов, не одинакова. Определенный интерес представляет сравнение выявленных контент-анализом тенденций с результатами социологических опросов по выявлению отношения к мигрантам. Так, данные общероссийского опроса ФОМ (октябрь 2011 г.) свидетельствуют о том, что россияне наиболее терпимо настроены в отношении мигрантов с Украины и Молдовы, в меньшей степени рады работникам из Средней Азии и негативно относятся к выходцам с Кавказа. При этом установки к мигрантам дифференцированы по регионам.

Так, для регионов Центрального и Северо-Западного федеральных округов характерен максимальный уровень негативных установок в отношении мигрантов из Средней Азии; для регионов Южного и Северо-Кавказского (Ставропольский край) федеральных округов – минимальный уровень негативных установок (и максимум безразличия) касательно мигрантов из Средней Азии. Регионы Приволжского и Уральского федеральных округов демонстрируют средние значения позитивных и негативных установок, а в регионах Сибирского и Дальневосточного федеральных округов максимально высок уровень положительных установок в отношении мигрантов с Украины и из Средней Азии.

По данным проведенного контент-анализа, доля сообщений, содержащих негативную информацию по категории «мигрант» на новостных Интернет-сайтах регионов Приволжского федерального округа (так же, как и установки в отношении мигрантов, по данным опроса ФОМ), занимает промежуточное значение, не отличаясь значимо от среднего значения по всей совокупности анализируемых данных. В самом же Приволжском федеральном округе наибольшая доля сообщений с негативной информацией по категории «мигрант» содержится на новостных Интернет-сайтах Оренбургской и Самарской областей (для сравнения: по данным опроса ФОМ, у респондентов в этих регионах – максимальный по Приволжскому федеральному округу уровень негативных установок по отношению к мигрантам). Таким образом, сравнение выявленных контент-анализом тенденций распределения негативной информации по категории «мигрант» в региональном измерении с данными социологических опросов на тему отношения к мигрантам свидетельствует, что регионы Приволжского федерального округа занимают медианное значение по стране как по уровню распространения негативных социальных установок в отношении мигрантов, так и по уровню негативной насыщенности информационного поля в этой сфере. При этом Саратовская область значимо не выделяется среди других регионов по указанным параметрам, что делает ее уникальной «полевой лабораторией» для исследования социальных аспектов миграционных процессов.

Таким образом, сравнение уровня распространенности негативных социальных установок в отношении мигрантов и уровня негативной насыщенности

информационного поля в этой сфере в целом свидетельствует о достоверности проведенного анализа. Причины отклонения выявленной в результате контент-анализа тенденции от данных социологических опросов по Северо-Западному федеральному округу требуют дополнительного изучения. Среди наиболее вероятных причин следует назвать несовершенство методик измерения социальных установок, динамику установок, особенности редакционной информационной политики региональных Интернет-СМИ в освещении вопросов миграции.

Динамика социальных установок в отношении мигрантов из Средней Азии (по данным опроса ФОМ 2011 г.) не коррелирует с числом прибывших в регион из стран СНГ или коэффициентом миграционного прироста (по данным Росстата), что косвенно подтверждает тезис: возникновение негативных социальных установок в отношении мигрантов не всегда имеет причиной реальные экономические или социальные противоречия с членами этой группы. В связи с этим механизм формирования негативных социальных установок в большей степени определяется восприятием «угрозы» со стороны мигрантов, формируемой уровнем знаний о членах другой группы, групповой идентичностью и соотношением статусов групп, восприятием групповых различий в нормах, ценностях, верованиях, стандартах поведения. При этом роль региональных Интернет-СМИ в формировании негативных социальных установок в отношении мигрантов определяется их способностью воздействовать на восприятие аудиторией «угрозы» со стороны мигрантов.

В анализируемых сообщениях, содержащих негативную информацию по категории «мигрант», данная информация представлена в виде конкретных фактов в 87% случаев, в виде общих оценочных заявлений – в 42% случаев. При этом в сообщениях, содержащих положительную информацию по категории «мигрант», данная информация представлена в виде конкретных фактов в 43% случаев и в таком же объеме – в виде общих оценочных заявлений. Таким образом, негативная информация о мигрантах оказывается более четко выраженной и аргументированной. В связи с этим следует отметить статистическую зависимость между информацией, содержащей конкретные факты, и активностью пользователей, что выражается как в количестве посещений сайта, так и в числе размещенных комментариев к сообщению.

Сравнение при помощи теста Стьюдента средних значений переменных «Количество посещений страницы, если ведется учет», «Количество комментариев, если формат сайта позволяет размещать комментарий» в зависимости от изменения значения переменной «Негативная информация по категории “мигрант” представлена в виде конкретных фактов» свидетельствует о значимом влиянии представленности негативной информации конкретными фактами на количество посещений сайта и число комментариев. Пользователи более охотно посещают страницы и комментируют сообщения, на которых негативная информация не содержит конкретных фактов.

Для позитивной информации не установлено статистически значимого влияния информации, представленной в виде конкретных фактов, на количество посещений сайта и число комментариев, но обнаружена взаимозависимость положительной информации, состоящей из общих оценочных заявлений, и

числа размещенных комментариев, при том что для негативной информации такой зависимости нет. Пользователи более охотно комментируют сообщения, в которых положительная информация не представлена общими оценочными заявлениями.

Среди аргументов, предлагаемых в качестве обоснования достоверности информации, в анализируемых сообщениях преобладают свидетельства лиц, вовлеченных в той или иной степени в ситуацию, комментарии экспертов, информация от официальных лиц и источников (с указанием последних), то есть мнения и свидетельства, а не документы и данные. При этом структура типов аргументации аналогична для сообщений с негативной и положительной информацией о мигрантах (табл. 2). Полученные результаты в определенной степени подтверждают тезис о формировании неаналитического типа подачи серьезной информации, активном воздействии СМИ на эмоциональный аспект восприятия сообщений, являющихся следствием коммерциализации процесса массовой коммуникации.

Таблица 2

Взаимосвязь структуры типов аргументации с информацией

Степень обоснованности информации о «мигрантах», т.е. что именно предлагается в качестве основания достоверности этой информации:	Негативная информация, %	Положительная информация, %
– свидетельства лиц, вовлеченных в той или иной степени в ситуацию	30	29
– комментарии экспертов	28	28
– количественные данные с указанием на источник	18	19
– количественные данные без указания на источник	9	22
– документы	5	8
– информация от официальных лиц и источников (с указанием последних)	39	38
– слухи	3	3

Среди содержащихся в анализируемых сообщениях образов мигранта, то есть интегральных характеристик мигранта, представленных с помощью семантических средств, наибольшую долю занимают «образ работника» (46%) и «образ чужого» (25,1%); упоминаются также «образ добропорядочного мигранта» (14,1%), «образ преступника» (12,9%), «образ жертвы» (7,3%), «образ врага» (9,3%). Среди других образов, не занимающих значительной доли в общей картине, стоит отметить образы «главы семейства», «гостя», «учащегося», «больного».

Необходимо отметить, что вопросы конструирования российскими СМИ образа мигранта привлекают внимание отечественных исследователей, при этом объектом изучения выступают печатные СМИ [3] и недостаточно изученным остается информационное поле региональных Интернет-сайтов.

В рамках регионального измерения конструируемых образов и выявления их структуры проведен кластерный анализ с целью выделения в массиве исследуемых Интернет-сообщений однородных групп по двум параметрам – используемому образу мигранта и конкретному региону. В качестве оптимального

числа кластеров принята цифра 3. Взаимное распределение исследуемых сообщений в зависимости от образа мигранта и номера кластера позволяет сделать вывод: в структуре образов мигрантов, используемых в анализируемых Интернет-сообщениях, выделяются три группы: «образ чужого», «образ ближнего», «образ врага» (табл. 3).

Таблица 3

Структура образов мигрантов

		2.7.6. Образы мигрантов				
		добропорядочного мигранта, %	работника, %	жертвы, %	чужого, %	врага, %
Cluster	1	3,5%	13,0	8,7	91,6	0
Number of Case	2	96,0	85,2	85,5	0,0	0
	3	0,5	1,8	5,8	8,4	100
Pearson Chi-Square		85,403	179,911	16,847	1297,767	1421,000
Asymp. Sig. (2-sided)		0,000	0,000	0,000	0,000	0,000

Используя выделенные в результате кластерного анализа однородные группы сообщений по образу мигранта и региону, можно сгруппировать регионы по принадлежности к кластерам. В табл. 4 выделены значения, превышающие средние более чем на пять процентных пунктов.

Таблица 4

Регионы по принадлежности к кластерам

Область, край	Кластер		
	Образ чужого, %	Образ ближнего, %	Образ врага, %
Владимирская область	23,1	69,2	7,7
Волгоградская область	9,1	90,9	
Воронежская область	4,7	92,9	2,4
Иркутская область	63,3	31,6	5,1
Кемеровская область		93,3	6,7
Краснодарский край	20,0	50,0	30,0
Красноярский край	46,6	44,8	8,6
Ленинградская область и г. Санкт-Петербург	25,2	64,5	10,3
Липецкая область	6,5	84,4	9,1
Москва и Московская область	28,9	61,7	9,4
<i>Нижегородская область</i>	29,4	58,8	11,8
Новосибирская область	24,5	70,2	5,3
<i>Оренбургская область</i>	17,1	69,7	13,2
<i>Республика Башкортостан</i>	18,5	66,7	14,8
<i>Самарская область</i>	26,7	53,3	20,0

Область, край	Кластер		
	Образ чужого, %	Образ ближнего, %	Образ врага, %
<i>Саратовская область</i>	16,7	73,1	10,2
Свердловская область	33,3	50,0	16,7
Ставропольский край	3,3	96,7	
Хабаровский край	33,8	45,9	20,3
Челябинская область	9,6	87,7	2,7
Среднее значение	23,0	67,7	9,3
Pearson Chi-Square	233,4		
Df	40		
Asymp. Sig. (2-sided)	0,000		

Полученный результат подтверждает положение о том, что регионы Приволжского федерального округа занимают среднее значение по стране как по уровню распространения негативных социальных установок в отношении мигрантов, так и по уровню негативной насыщенности информационного поля в этой сфере и Саратовская область не выделяется среди других регионов по указанным параметрам.

Среди профессиональных журналистских методов воздействия на аудиторию проведенным контент-анализом в 5% сообщений отмечено создание автором языковыми средствами особого эмоционального настроения читателя, причем использование подобных методов чаще связано с сообщениями, содержащими негативную информацию о мигрантах.

Особенность новостных Интернет-сайтов, в отличие от традиционных печатных СМИ, заключается в расширенных возможностях использования аудиовизуальных средств воздействия на аудиторию (видео, фото, рисунки): подобные средства отмечены в 70,6% анализируемых сообщений. При этом изобразительные средства чаще связаны с отсутствием в сообщении негативной информации о мигрантах.

Гипертекстуальность информационных сообщений на анализируемых Интернет-сайтах, выражающаяся в построении текста на основе цитирования, ссылок на иные тексты и мультимедиа-ресурсы, актуализирует как объект исследования структуру источников, на которые ссылается анализируемое сообщение. По результатам проведенного контент-анализа установлено, что в сообщениях наибольшая доля ссылок приходится на мнения и суждения представителей региональной власти (26,8%), журналистов (22,1%) и экспертов (19,7%). Представители указанных групп в контексте информационного воздействия на формирование установок аудитории по отношению к категории «мигрант» приобретают определенную символическую власть. Характеризуя форму реализации подобной власти, необходимо учесть установленные ранее зависимости.

Во-первых, информация от официальных лиц и источников, выступающая в качестве обоснования негативной информации о мигрантах, состоит в обрат-

ной зависимости с наличием поддерживающих и нейтральных (в том числе иронических) комментариев. Следовательно, содержащиеся в сообщении ссылки на мнения и суждения представителей региональной власти снижают один из показателей активного интереса аудитории к сообщению.

Во-вторых, на Интернет-сайтах чаще публикуются сообщения, целиком или в значительной степени посвященные вопросам миграции, то есть тема мигрантов вызывает больший интерес аудитории в сравнении с другими смежными темами, в контексте которых употребляется лексическая категория «мигрант».

Таким образом, символическое влияние представителей региональной власти на общественное мнение проявляется в установлении пунктов повестки дня, то есть в информировании аудитории не столько о позитивном или негативном значении события, сколько о наличии самого события и, соответственно, степени его актуальности и значимости. В связи с этим тема миграции, получая широкое освещение в СМИ, оказывается для аудитории более знакомой и, следовательно, воспринимается как более значимая.

Проведенный анализ раскрывает механизм воздействия региональных Интернет-СМИ на формирование социальных установок аудитории в отношении мигрантов. Используя информационные инструменты воздействия на общественное мнение, региональные Интернет-СМИ формируют у аудитории представление об угрозах, лексически обозначаемых категорией «мигрант», о группе, обозначаемой категорией «мигрант», о собственной социальной группе и об эффективности государственного управления миграционными процессами.

Сконструированные таким образом представления (в том числе информацией региональных Интернет-сайтов) воздействуют на восприятие аудиторией интегральной угрозы (или ее отсутствия) со стороны мигрантов, что, в свою очередь, формирует негативные социальные установки в отношении мигрантов. Кроме того, сообщения на региональных информационных Интернет-сайтах, содержащие апеллирование к сложившимся негативным установкам и стереотипам, тем самым способствуют их актуализации и закреплению.

Библиографический список

1. Семёнова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / ред. В.А. Мансурова. М., 2010.
2. Фонд «Общественное мнение»: Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам. URL: <http://fom.ru/Mir/10442>
3. Сараева О.В. Конструирование образа миграции российскими СМИ // Вестник. экономики, права и социологии. 2011. № 2.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

A.O. Titova
**Assessment of the Existing
Programs of Healthcare
Modernization in Russia**

The content of the programs to modernize health care and the techniques of their efficiency assessment is studied. The techniques of target programs efficiency assessment are considered and ways to improve the existing techniques are proposed.

Key words and word-combinations: healthcare, modernization programs, assessment.

Исследуется содержание программ модернизации здравоохранения и методик оценки их эффективности. Рассматриваются методики оценки эффективности целевых программ и предлагаются варианты их совершенствования.

Ключевые слова и словосочетания: здравоохранение, программы модернизации, оценка.

УДК 351
ББК 67.401.12

A.O. Titova

ОЦЕНКА ДЕЙСТВУЮЩИХ ПРОГРАММ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ

В период реформирования системы здравоохранения, возникли проблемы, обусловили необходимость принятия неотложных мер по совершенствованию одной из важнейших отраслей социальной сферы. В связи с этим главной целью государственной политики в области здравоохранения является обеспечение гарантированной, доступной и качественной медицинской помощи всем слоям населения. В перспективе решение задачи предоставления качественной медицинской помощи населению на всей территории Российской Федерации будет осуществляться по двум направлениям: первое ответственно за реализацию обязательств государства по оказанию бесплатной медицинской помощи населению, второе призвано создать благоприятные условия для развития конкурентного рынка медицинских услуг [1, с. 81].

Реализация первого направления госу-

дарственной политики в области здравоохранения возможна только при условии обновления основных фондов учреждений здравоохранения. Износ основных фондов в здравоохранении к 2010 г. составил 53,3%. В связи со сложностью самостоятельного решения данной проблемы медицинскими учреждениями и неэффективностью принимаемых Правительством РФ отдельных мер по улучшению ситуации в системе здравоохранения возникла необходимость в разработке целевых программ, направленных на модернизацию системы здравоохранения на уровне субъекта Федерации. В результате проведенных мероприятий в рамках региональных программ модернизации здравоохранения удалось провести капитальный ремонт 3,6 тыс. медицинских учреждений из 4,5 тыс. требующих ремонта; обновлено оборудование в 5,5 тыс. лечебных учреждений из 9 тыс. нуждающихся в обновлении. Однако, несмотря на достигнутые результаты, ко времени завершения действия программ модернизации здравоохранения в 2012 г. еще примерно 17% медицинских учреждений страны нуждались в капитальном ремонте и более 40% – в комплексном переоснащении.

За два года реализации региональных программ модернизации здравоохранения было выделено более 630 млрд руб., в том числе 391,4 млрд руб. из Федерального фонда обязательного медицинского страхования, 131,5 млрд руб. – из территориальных фондов обязательного медицинского образования и 112,9 млрд руб. – из бюджетов субъектов РФ. По мнению министра здравоохранения РФ В. Скворцовой, повышение финансового обеспечения отрасли здравоохранения посредством реализации программ модернизации здравоохранения дало положительные результаты, что позволило продлить период действия программ на 2013 г. Кроме того, обсуждается вопрос о продлении действия программ модернизации здравоохранения на 2014–2015 гг. В связи с этим представляется необходимым анализ действующих программ модернизации здравоохранения, особенно в части оценки эффективности их реализации.

В настоящее время разработаны программы модернизации здравоохранения во всех субъектах РФ на период с 2011 по 2012 г. Во исполнение поручения Президента, в ноябре 2012 г. было принято решение о пролонгации действия программ модернизации здравоохранения на 2013 г., в связи с чем органами власти субъектов РФ внесены соответствующие изменения и дополнения в существующие программы.

Изначально главной целью реализации региональных программ модернизации здравоохранения было определено улучшение качества и обеспечение доступности медицинской помощи населению субъекта РФ. В зависимости от поставленной цели определены следующие задачи: укрепление материально-технической базы медицинских учреждений, внедрение в здравоохранение современных информационных систем; введение стандартов оказания медицинской помощи [2].

Основным структурным элементом программы модернизации здравоохранения является паспорт системы здравоохранения, включающий социально-экономические показатели системы, структуру расходов субъекта РФ на здра-

вохранение, схему сети учреждений здравоохранения субъекта РФ, сведения об оптимизации инфраструктуры здравоохранения для обеспечения порядка и стандартов оказания медицинской помощи. В программу входят и иные элементы организационного и финансового характера. Наиболее важным компонентом региональной программы модернизации здравоохранения выступает перечень запланированных мероприятий и расходы на них.

В субъектах РФ в целом была сформирована необходимая нормативно-правовая база, утвержден порядок разработки и реализации региональных целевых программ. При этом в утвержденных документах не содержится обязательного требования о четком порядке проведения оценки эффективности реализации целевых программ субъекта РФ. Отсутствует алгоритм, направленный на получение результата, включающего в себя в том числе и методику оценки конечных результатов. Это обусловило недостаточную разработанность раздела программы модернизации здравоохранения субъекта РФ по оценке эффективности реализации программы.

Утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 588 Порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации не предусматривает общие подходы к разработке методики оценки эффективности целевых программ, то есть для каждой программы должна быть создана собственная методика. В связи с этим возникают сложности сравнительной оценки реализации программ модернизации здравоохранения в разных субъектах РФ. При этом ни в одной программе модернизации здравоохранения не определена четкая система показателей и индикаторов, которая позволила бы объективно оценить эффективность реализации программ.

Анализ программ 83 субъектов Федерации показал, что во всех них обозначены целевые значения показателей реализации программ и индикаторы реализации мероприятий. Однако существуют разночтения в терминологическом понятии «индикаторы-показатели», в связи с чем проблематично объективно оценить эффективность реализации программ модернизации здравоохранения ввиду отсутствия единой утвержденной методики оценки.

К основным индикаторам реализации мероприятий программ модернизации здравоохранения субъектов РФ относятся младенческая смертность; смертность населения в трудоспособном возрасте; удовлетворенность населения качеством медицинской помощи; удовлетворенность потребности населения в высокотехнологичной помощи и т.д.

Для анализа и оценки методик определения эффективности реализации программ модернизации здравоохранения использовались данные с официальных порталов органов государственной власти субъектов РФ. Следует отметить, что в связи с продлением сроков реализации программ модернизации здравоохранения на 2013 г. и внесением органами власти субъектов РФ изменений в существующие программы корректировки касаются главным образом раздела по финансированию программ, не затрачивая раздел по оценке эффективности их реализации. На основе исследования нормативно-правовой базы и аналитической документации по оценке эффективности реализации программ модерниза-

ции здравоохранения субъектов РФ были выявлены основные характеристики методик оценки.

Во-первых, практически все методики построены по единому шаблону и содержат только показатели, определяющие уровень развития демографической и медицинской сфер. Во-вторых, исследуемые методики носят формальный характер и не отражают всего объема показателей и индикаторов, достигаемых в результате реализации программ. В-третьих, практическое применение упомянутых в программах модернизации здравоохранения методик затруднено по причине нечеткой разработки системы показателей и индикаторов и алгоритма их расчета. В-четвертых, в методиках оценки эффективности реализации программ модернизации здравоохранения, утвержденных в рамках программ модернизации, отсутствуют рекомендации по применению показателей и критериев оценки в зависимости от особенностей программы. В-пятых, основной упор в методике оценки делается на достижении демографической стабильности и высокого качества медицинского обслуживания населения.

Так, в программе модернизации здравоохранения Республики Адыгея одним из достигаемых показателей определена социальная эффективность реализации мероприятий, что, по мнению разработчиков, выражается в формировании здорового образа жизни населения, потребности быть здоровым и жить в здоровом обществе, улучшении качества и увеличении продолжительности жизни, сохранении трудового потенциала, снижении уровня заболеваемости социально значимыми болезнями [3]. Достижение данного эффекта за период реализации программы представляется спорным.

В программе модернизации Республики Алтай в рамках оценки эффективности реализации программы установлены лишь семь основных направлений, достижение которых предусмотрено программой: улучшение демографической ситуации, повышение эффективности использования имеющихся ресурсов, сокращение сроков восстановления утраченного здоровья путем внедрения в медицинскую практику современных технологий профилактики, повышение доступности и качества медицинской и лекарственной помощи, улучшение состояния здоровья детей и матерей, снижение смертности от управляемых причин, полное укомплектование учреждений здравоохранения медицинскими кадрами [4].

В программах модернизации здравоохранения Саратовской и Самарской областей, большинства субъектов Федерации оценку эффективности реализации программы предполагается осуществлять по следующим показателям: внедрение полного тарифа оплаты медицинской помощи и переход на одноканальное финансирование за счет средств системы обязательного медицинского страхования к 2013 г. с учетом внедряемых в 2011–2012 гг. стандартов оказания медицинской помощи; обеспечение сбалансированности территориальной программы государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи по видам и условиям оказания медицинской помощи; повышение подушевого норматива финансирования; приведение коечной сети учреждений здравоохранения в соответствие с потребностями населения в медицинской помощи, струк-

турой заболеваемости и смертности населения; совершенствование эффективных способов оплаты медицинской помощи, ориентированных на результаты деятельности; введение персонифицированного учета медицинской помощи и ресурсов на ее оказание; обеспечение принципа экстерриториальности, то есть доступности медицинских услуг для всех граждан независимо от места жительства [5; 6]. При этом зачастую в прогнозных показателях эффективности реализации данных программ указываются только показатели медицинской результативности.

Несмотря на то что целевые программы в последние десятилетия используются достаточно широко и в России и за рубежом, единой базы для оценки эффективности их реализации не существует. Большая часть целевых программ, реализуемых в Российской Федерации в настоящее время, оценивается посредством анализа достижения целевых показателей.

Главными достоинствами данной методики являются ее универсальность и относительная простота использования. Учитывая, что она дает общее представление о достижении показателей и индикаторов, по которым оценивается программа, об эффективности реализации программы в целом, можно отметить, что расчет в рамках данной методики представляет собой усредненную оценку. В каждой программе присутствуют показатели и индикаторы с разной степенью значимости. Соответственно и эффективность реализации программы должна быть оценена с учетом коэффициентов значимости отдельных параметров программы.

Исследователем Н.Н. Громовой был предложен алгоритм оценки эффективности целевых программ субъекта Российской Федерации, в соответствии с которым оценка эффективности должна дополнять оценку полученных результатов с расходами на их достижение [7, с. 12]. Ею была разработана комплексная методика, основанная на определении интегрального показателя, формируемого из полученных значений критериев с учетом их весовых коэффициентов и объема планового и фактического финансирования.

В методике оценки программ, разработанной Н.Н. Громовой, в отличие от общепринятой методики, акцентируется внимание на необходимости увязки оценки эффективности реализации программы с оценкой расходов на их достижение. Особое внимание уделено разработке критериев и весовых коэффициентов критериев для расчета эффективности программ. Однако представляется спорной возможность оценки критериев программы только при помощи двух вариантов соответствия. Лишь критерий, отражающий достигнутые в ходе реализации программы результаты, предусматривает более сложную систему оценки.

С.В. Миронов, занимающийся проблемой оценки эффективности региональных целевых программ, предлагает иной подход к оценке целевых программ, заключающийся в наборе методов-модулей оценки, в определенной степени автономных, но в то же время дополняющих друг друга и образующих единую систему [8, с. 14].

Согласно методике, разработанной В.С. Мироновым, оценку вклада программы в социально-экономическое развитие региона и повышение качества

жизни предполагается производить посредством интегрального показателя качества жизни населения, с изменением которого будет оцениваться эффективность целевой программы. Кроме того, по мнению автора методики, необходимо оценить эффективность программы / мероприятия посредством системы показателей, которые рассчитываются отдельно по каждой программе. В их систему автор включает коэффициент эффективности, призванный оценить эффективность программных мероприятий с точки зрения принципов бюджетирования, ориентированного на результат.

Достоинством данной методики является комплексный подход к оценке эффективности реализации программ. Однако ее применение для оценки программ, ориентированных на повышение эффективности в социальной сфере, в том числе и для оценки программ модернизации здравоохранения, кажется спорным. Так, сложным для расчетов представляется модуль, характеризующий оценку финансовых потоков (коммерческой эффективности) программы по показателям чистой текущей стоимости программы, внутренней нормы доходности, индексу прибыльности и периоду окупаемости. Несмотря на то что автор предусматривает оценку программы по дополнительным показателям эффективности при невозможности использования основных показателей, данные критерии-показатели не уточнены.

Кроме того, в данной методике много внимания уделено оценке экономической и экономической эффективности и лишь один показатель характеризует социальную эффективность, что для оценки программ, нацеленных на достижение в первую очередь социальных эффектов, неприемлемо. Таким образом, представленные методики объединены идеей расчета показателей и индикаторов по степени их достижения.

Анализ разработанных программ модернизации здравоохранения показал, что они не в полной мере соответствуют установленным законодательством и Порядком требованиям. Основными недостатками, не позволяющими комплексно и объективно оценить их эффективность, выступают следующие. Во-первых, в программах отсутствует общая оценка их вклада в модернизацию системы здравоохранения, анализ различных вариантов этого решения, описание основных рисков. Во-вторых, не установлен порядок проведения оценки эффективности программ модернизации здравоохранения. В-третьих, нет методики оценки эффективности реализации программы модернизации здравоохранения. В-четвертых, не предусмотрена оценка эффективности расходования средств на реализацию программы модернизации здравоохранения.

Кроме того, нормативно-правовая база по разработке, реализации и оценке целевых программ требует доработки в части мониторинга и оценки эффективности реализации программ.

Применительно к оценке эффективности реализации региональных программ модернизации здравоохранения целесообразно провести градацию показателей с учетом степени их значимости для оценки эффективности реализации программ модернизации здравоохранения (таблица)

**Параметры оценки эффективности реализации
региональной программы модернизации здравоохранения**

Параметры оценки a_j	Значимость k_j , %
Финансово-экономические	13
Организационные	12
Эффективности использования ресурсов здравоохранения	15
Обеспеченности кадрами	13
Медицинской результативности	19
Обеспеченности современными информационными системами	14
Удовлетворенности пациентов	14
<i>Уровень эффективности с учетом значимости параметров</i>	100

При определении значений параметров могут быть привлечены дополнительно характеризующие их количественные критерии.

Таким образом, для оценки программы по каждому критерию предлагается система оценки, включающая следующие варианты оценок:

- 0–1,0 – программа признается неэффективной;
- 1,1–2 – признается программой с низкой эффективностью;
- 2,1–3,0 – признается программой со средней (достаточной) эффективностью;
- 3,1 и выше – признается программой с высокой эффективностью.

Интегральный показатель формируется из полученных значений по критерию. Каждый из используемых в итоговом показателе критериев складывается из подкритериев, для оценки которых применяется балльная система с максимальными и минимальными значениями. Общий интегральный рейтинг программы модернизации здравоохранения представляет собой сумму произведений переведенных для сопоставимости в четырехбалльную шкалу значений характеристик и их весовых коэффициентов.

Библиографический список

1. Титова А.О. Оценка качества оказания медицинских услуг в системе государственного регулирования рынка медицинских услуг // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 20(53). С. 81–84.
2. Примерная программа модернизации здравоохранения субъекта Федерации. URL: // <http://www.rosminzdrav.ru/>
3. Программа модернизации здравоохранения Республики Адыгея на 2011–2012 годы. URL: // <http://www.minzdrav-ra.ru/>
4. Программа модернизации здравоохранения Республики Алтай на 2011–2012 годы. URL: // <http://www.minzdravra.ru/>
5. Программа модернизации здравоохранения Самарской области на 2011–2012 годы. URL: // <http://minzdravsoc.samregion.ru/>
6. Программа модернизации здравоохранения Саратовской области на 2011–2012 годы. URL: // <http://minzdrav.saratov.gov.ru/>

7. Громова Н.Н. Методы оценки эффективности целевых программ субъекта Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2012.

8. Миронов С.С. Совершенствование методики оценки социально-экономической эффективности региональных целевых программ: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Якутск, 2012.

E.A. Michurina
The Role of the Enforcement of Obligations in the System of Credit Relations

The legal aspect of the enforcement of obligations in the system of credit relations is considered. The author pays attention to the need to use a well-developed credit risks control system when carrying out credit policy by banks.

Key words and word-combinations: credit risk, providing credit, credit relations.

Рассматривается правовой аспект применения обеспечения исполнения обязательств в системе кредитных отношений. Автор уделяет внимание необходимости использования при проведении банками кредитной политики разработанной системы управления кредитными рисками.

Ключевые слова и словосочетания: кредитный риск, обеспечение кредита, кредитные отношения.

УДК 347.4/5
ББК 67.404.2

Е.А. Мичурина

**РОЛЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИСПОЛНЕНИЯ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
В СИСТЕМЕ
КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

В современном российском обществе прослеживается устойчивая тенденция к возрастанию роли кредитных отношений и их важнейшего компонента – кредитных обязательств в экономике и финансовой системе Российского государства, удовлетворении потребностей граждан. Кредитные отношения представляют собой сложную систему, отличающуюся определенным своеобразием и зависящую от множества факторов. В настоящее время обязательства, возникающие из кредитного договора, не урегулированы правом в достаточном объеме, что порождает возникновение правовых коллизий, ведущих, в свою очередь, к частым нарушениям при исполнении обязательств и смещению баланса интересов сторон. Одной из наиболее острых проблем кредитных отношений следует признать возврат кредита. Не случайно особое место в Гражданском кодексе РФ занимает статья 395, посвященная вопросам ответственности за неисполнение денежного обязательства. Это обусловлено актуальностью соответствующих норм в усло-

виях кризиса неплатежей, когда значительная часть оказанных услуг не оплачивается, а недобросовестные контрагенты, получив в качестве предоплаты денежные суммы покупателей и заказчиков, пользуются ими в собственных целях, не выполняя обязательств по договору. В настоящее время невозврат кредита – нередкая ситуация для российской банковской практики. Имеется в виду невыполнение заемщиком условий заключенного кредитного договора, несвоевременное внесение платежей, предусмотренных схемой выплаты основного долга, а также процентов по кредиту.

Проблема возвратности – исторически актуальный процесс, берущий начало от образования кредитных учреждений в Российской империи. Еще в XVIII в. директор Петербургского дворянского банка А.А. Вяземский называл корнем этой проблемы недостаточное обеспечение выдаваемых ссуд. С течением времени вопросы обеспеченности кредита стали требовать адекватного разрешения с помощью правовых норм, и посредством законодательства в банковской практике сложилась система обеспечительных процедур, направленных на минимизацию риска неисполнения должниками принятых на себя обязательств и гарантировавших компенсацию убытков кредитору в случае нарушения обязательства контрагентом [1, с. 67].

Переход к рыночным отношениям, произошедший в России в конце прошлого века, наиболее остро поставил проблему надлежащего исполнения хозяйствующими субъектами своих обязательств. Ставшая массовой практика неисполнения договоров в условиях низкой правовой грамотности и отсутствия надлежащей судебной защиты привела на грань банкротства многие предприятия и нанесла значительный ущерб отечественной экономике. В связи с этим существенно возрос интерес к различным способам обеспечения исполнения обязательств.

Сегодня обеспечение возврата кредита представляет собой сложную целенаправленную деятельность банка, которая включает систему мер экономического и правового характера, определяющую способы выдачи займов, источники, сроки и способы их погашения, документацию, обеспечивающую возврат средств. Обеспечение кредита может быть расценено как совокупность условий, обязательств, дающих кредитору основание рассчитывать на возврат долга либо на компенсацию понесенных убытков при нарушении обязательства.

В мировой практике обеспеченными кредитами считается те, которые наряду с прямыми платежными обязательствами заемщика имеют альтернативное кредитное обеспечение, например финансовое, юридическое или товарно-финансовое. В России же до недавнего времени принцип обеспеченности кредита трактовался достаточно узко: признавался лишь материальный компонент обеспеченности кредита, что обуславливало выдачу кредитов только под конкретные материальные ценности, наличие которых на протяжении срока пользования денежными средствами свидетельствовало об обеспеченности кредита и реальности его возврата. Однако предусмотренные гражданским законодательством меры, понуждающие должника к надлежащему исполнению обязательства, связаны не только с определенным имуществом, но и с неблагоприятными последствиями для заемщика, наступающими в случае, если он не исполнит обяза-

тельство либо исполнит его ненадлежащим образом. Механизм обеспечения исполнения обязательств является элементом гражданско-правовой ответственности, и его действие приводит к имущественным удержаниям у неисправного должника [2, с.134].

Российские коммерческие банки получили возможность выдавать кредиты под различные, в том числе отраженные только в договоре, формы обеспечения кредита только с принятием Закона «О банках и банковской деятельности». Представляется, что в современных условиях обеспеченность кредита подразумевает наличие у заемщиков юридически оформленных обязательств, гарантирующих своевременный возврат кредита, а именно: залоговых обязательств, договора банковской гарантии, договора поручительства, договора страхования ответственности непогашения кредита и т.д.

Анализируя степень нарушения кредитных обязательств, а также статистику применения мер обеспечения в Саратовской области, можно отметить, что, по данным управления Центрального банка России по Саратовской области, портфель кредитов, выданных населению к началу 2013 г., составил 95 млрд рублей. Это почти на 40 млрд превышает доходную часть регионального бюджета. Таким образом, при гипотетическом наступлении финансового кризиса и невозможности заемщиков выполнить принятые на себя обязательства по договорам областной бюджет не сможет оказать помощь кредитным организациям. Реальная покупательская способность граждан падает из-за постоянной инфляции в среднем на 4–6% в год (именно такие прогнозные показатели заложены Правительством Саратовской области в бюджете на 2013 г.). Если помимо этого гражданин вынужден рассчитываться по потребительским кредитам, то его реальная покупательская способность на весь оставшийся до полного расчета с банком период снижается куда более значительно – минимум на 12–15%, поскольку заемщик должен выплачивать и проценты по кредиту.

Однако покрытие убытков кредиторов можно осуществить за счет реализации механизма обеспечительных мер. Так, обеспечение исполнения кредитных обязательств для Саратовской области представляется необходимым элементом системы кредитных отношений, гарантирующих ее существование и нормальное функционирование.

Саратовская область все еще переживает кредитный бум; продолжается наращивание портфеля потребительских займов. Только в 2012 г. этот показатель вырос на 42,9%. Подобный рост не наблюдается ни в одном другом секторе экономики. В настоящее время, по официальным данным, жители области в целом исправно платят по своим обязательствам. По мнению экспертов, доля просроченных долгов в общей сумме розничных кредитов за год сократилась с 5,1 до 4,2% [3].

Повышению платежной дисциплины препятствует неверное планирование займов и избрание тактики разрешения финансовых проблем. Для уменьшения негативных последствий для сторон договора: заемщика, который может понести определенную ответственность при неисполнении обязательства, и кредитора, который может понести убытки, – необходимо правильно учитывать возможные кредитные риски.

В период финансового кризиса, последствия которого сохранились и в настоящее время, кредитные организации переживали так называемый кризис ликвидности, когда банки были не способны оплачивать в надлежащий срок свои обязательства и предъявляемые к ним законные денежные требования. Иными словами, банки не были в состоянии выдавать кредиты в заявленном объеме, так как в связи с протекавшими в экономике процессами была нарушена цепь взаимосвязи между кредиторами и заемщиками. Активы банковских организаций формировались в том числе за счет возвращаемых кредитов и процентов, начисленных на основные суммы долга, в условиях кризиса ликвидности заемщики допускали значительные нарушения условий договоров, что выражалось в невозврате заемных средств. В свою очередь, это привело к тому, что активы банков не имели возможности формироваться в соответствии с заявленной кредитной политикой, а следовательно, кредиторы не могли выдать необходимое количество кредитов из активов, что часто приводило к банкротству кредитных организаций. Решение проблемы виделось в привлечении дополнительных средств. Преодоление развития кризиса ликвидности в кредитных организациях стало напрямую зависеть от рискованной кредитной политики руководства банков и применения механизмов обеспечения исполнения заемщиками принятых обязательств по договорам.

Операции по предоставлению кредитов характеризуются высоким риском невозврата, что обуславливает потребность в разработке системы управления кредитными рисками. Кредитный риск означает вероятность убытков, связанных с невозвратом или несвоевременным погашением выданных кредитов и неуплатой по ним процентов. Система регулирования кредитных рисков может включать меры, применяемые непосредственно кредитором для сведения к минимуму вероятности непогашения кредита: оценка кредитоспособности заемщика, прибыльности операции, под которую выдается кредит, получение залога, который можно обратить в денежные средства и т.д.; а также ряд внешних способов уменьшения потерь при проведении кредитных операций. Введение грамотной рискованной политики кредитных организаций направлено прежде всего на оптимизацию механизма обеспечения исполнения обязательств, перспективной задачей которого стало своевременное и полное погашение заемщиками выданных им кредитных средств и соответствующих процентов за пользование такими средствами. Однако представляется, что при проведении кредитной политики важно не только обращение повышенного внимания на отбор заемщиков и контроль за их финансово-хозяйственной деятельностью, но и на формы обеспечения по кредитам.

При решении вопроса о выдаче кредита заемщику представители кредитной организации определяют кредитные риски либо на финансовое состояние заемщика, либо на определенное обеспечение исполнения обязательств, при этом всегда должен учитываться принцип, согласно которому недействительность основного обязательства влечет недействительность обеспечивающего его обязательства, если иное не предусмотрено законом. Определение и выбор способа обеспечения исполнения обязательств позволяет избежать финансовых потерь, связанных с неопределенным моментом наступления тех или иных случайных событий [4].

Условно источники возврата можно подразделить на первичные и вторичные. Первичным источником априори является доход заемщика, вторичными

же выступают средства, которые смогут поступить от реализации заложенного имущества, а также перечисленные гарантом или страховой организацией. Погашение кредита за счет средств заемщика представляет собой добровольное выполнение клиентом своих платежных обязательств перед банком, отраженных в кредитном договоре. Использование вторичных источников предполагает активизацию механизма принудительного взыскания долга с заемщика кредитором. В большинстве стран требования кредитора к заемщику по предоставлению дополнительных источников возвратности кредита означают, что кредитоспособность заемщика недостаточна и кредитный риск для кредитора повышен. Использование дополнительных источников требует от кредитора особых условий и дополнительных временных затрат.

В процессе кредитования клиента банк периодически производит переоценку вторичных активов, или средств обеспечения, в зависимости от изменения цен на рынке, корректировок в законодательстве, наращивания процентов из-за задержек погашения основного долга или процентов по кредиту. Наряду с необходимостью переоценки обеспечения кредитор должен юридически закрепить за собой право использовать вторичный источник для погашения долга и процентов.

Управление кредитным риском требует от кредиторов постоянного осуществления контроля за качественным составом средств, предназначенных для реализации кредитной политики. При долгосрочном кредитовании важно иметь четкое представление о вероятном изменении качества обеспечения во времени, поэтому кредиторам необходимо анализировать возможные изменения обеспечения во времени. Банковские организации должны проводить политику рассредоточения риска, не допуская при этом концентрации кредитов у нескольких крупных заемщиков, что может впоследствии грозить серьезными последствиями в случае непогашения кредита одним из них.

Задачи проведения политики минимализации кредитных рисков требовали создать систему способов обеспечения исполнения обязательств. Общие ее характеристики нашли отражение в Гражданском кодексе РФ, в главе 23, посвященной обеспечению исполнения обязательств.

В ст. 329 ГК РФ с учетом из общего принципа свободы договора закреплен открытый перечень способов обеспечения исполнения обязательств [5], что позволяет сторонам применять любые не противоречащие существующему законодательству юридические конструкции, помимо описанных в Законе, которые будут служить цели обеспечения исполнения обязательств. Выбор конкретного способа обеспечения во многом зависит от существа самого обязательства. Для обязательств, возникающих из кредитного договора, более значимыми выглядят такие способы, которые заключаются в передаче имущества, прав должника или в определенных случаях третьего лица в собственность кредитора вплоть до момента возврата кредита и выплаты процентов.

Понятия «обеспечение исполнения обязательств» и «обеспечение кредита» не полностью совпадают. Это обусловлено разной правовой природой средств, которые могут быть выбраны в качестве обеспечительных в интересах кредиторов, а также различного набора прав и обязанностей участников правоотношения. По этому принципу можно разделить средства обеспечения исполнения

кредитных обязательств условно на три группы: традиционные способы; комбинированные, предполагающие объединение отдельных приемов, позволяющее сохранить благоприятный режим обращения взыскания на имущество; иные способы, которые могут предусмотреть стороны в договоре.

При обеспечении исполнения кредитного обязательства между кредитором и заемщиком возникает обязательственное правоотношение, но поскольку устойчивая правовая связь уже существует, вытекающая из заключенного кредитного договора, то обязательство по обеспечению выступает как обязательство особого рода. Оно является аксессуарным, или дополнительным, по отношению к обеспечиваемому или основному обязательству и производным от него, целиком зависит от него и, основываясь на гражданско-правовых принципах, следует его судьбе. Недействительность соглашения об обеспечении не влечет, однако, недействительности основного обязательства: основное обязательство сохраняет юридическую силу, но лишается обеспечения.

В современной банковской практике в качестве наиболее традиционных способов обеспечения кредитных обязательств используются залог, поручительство и банковская гарантия. Банковская гарантия – новация современного гражданского законодательства. Законодательно закрепленные удержание и задаток не применяются для обеспечения исполнения кредитных обязательств, поскольку несовместимы с природой указанных обязательств. Наряду с традиционными способами обеспечения исполнения кредитных обязательств существуют механизмы, в силу правовой природы способные стимулировать должника к возврату заемных средств, но менее востребованные правоприменителями. Например, неустойка не способна в полной мере в современных условиях полностью удовлетворить интересы кредиторов, потому что условие о неустойке в договоре не гарантирует реальной возможности возврата заемных средств. К иным способам также можно отнести ряд других инструментов гражданского права для защиты интересов сторон договора.

Все способы обеспечения обязательств различны по степени воздействия на должника и методам достижения цели – побудить должника исполнить обязательство надлежащим образом. Представляется, что поведение должника в процессе исполнения обязательства во многом зависит от выбранного кредитором способа обеспечения, поэтому немаловажно учитывать особенности того или иного способа обеспечения обязательства и его возможности применительно к каждой конкретной ситуации. Так, неустойка одновременно представляет собой меры гражданско-правовой ответственности и ориентирует должника на исполнение обязательства в натуре под угрозой применения ответственности, которая носит реальный характер, поскольку взыскание неустойки или пени в фиксированном размере не требует от кредитора дополнительных действий по доказыванию размера убытков.

Таким образом, способы обеспечения исполнения кредитных обязательств, несмотря на общеправовой подход к ним, обладают рядом отличительных черт, присущих им в связи с природой кредитных обязательств. В настоящее время обеспечение исполнения кредитных обязательств – деятельность кредитора в рамках системы мер экономического и правового характера, а также совокуп-

ность условий, дающих кредитору основание рассчитывать на возврат заемных средств либо на компенсацию понесенных убытков при нарушении обязательства. Обеспечение исполнения кредитных обязательств – элемент системы управления кредитными рисками, задачей которой является оптимизация механизма обеспечения обязательств. Сами же способы обеспечения представляют собой структурно юридически оформленные обязательства и являются единицей гражданско-правовой ответственности.

Способы обеспечения исполнения обязательств, возникающих из кредитного договора, различны по вариантам воздействия на должника и методам достижения цели. Так, они могут быть подразделены на воздействующие непосредственно на заемщика, на его имущественные интересы, а также связанные с воздействием на права и законные интересы третьих лиц, участвующих в правоотношении. Методами достижения конечной цели – исполнение обязательства в полном объеме – можно признать принудительные механизмы, такие, как реализация имущества, если таковое являлось средством обеспечения; переоценка вторичных активов и качественного состава средств обеспечения; передача прав исполнения обязательства третьему лицу, а также исполнение обязательства за счет активов третьего лица.

Обеспечение исполнения обязательств, принятых заемщиком на себя во исполнение кредитного договора, может быть рассмотрено только в тесной и непосредственной связи с кредитными отношениями, поэтому недостаточное правовое регулирование последних в настоящее время отражается и на правовом регулировании способов обеспечения. Представляется, что статьи Гражданского кодекса РФ не способны стать единственным источником для нормального функционирования механизма обеспечения кредитных обязательств. Попытки законодателя путем принятия отдельных нормативно-правовых актов регламентировать способы, на наш взгляд, не являются решением возникающих практических проблем. Это обусловлено тем, что отдельные законы посвящены лишь некоторым способам обеспечения исполнения обязательств, и положения, нашедшие свое отражение в статьях данных законов, имеют обобщенный характер.

Таким образом, поскольку способы обеспечения исполнения кредитных обязательств обладают определенным своеобразием, их корректное применение на практике возможно только при отражении отличительных черт в отдельном законодательном акте, сочетающем в себе положения, регулирующие кредитные отношения в целом. Таким нормативно-правовым актом может стать принятый в форме федерального закона нормативно-правовой акт «О кредитовании».

Библиографический список

1. Банковская ссуда и способы обеспечения ее возврата / М.В. Трофимов; под ред. М.Ю. Барщевского. М., 1996.
2. Гонгало Б.М. Обеспечение исполнения обязательств. М., 1999.
3. Соколов А. Жизнь взаимности // Информационное агентство «Взгляд-Инфо». URL: <http://www.vzsar.ru/special/2013/05/17/jizn-vzaimy.html>
4. Алексеева Д.Г. Риски кредитования // Банковское обозрение. 2010. № 5. С. 66–67.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): введ. Федер. законом от 21 окт. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 1 окт. 2013 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

V.V. Kanafieva
**Cinema as a Visual Aid to Study
Cross-Cultural Aspects**

Cinema as a visual aid to study cross-cultural aspects in the creation of advertising content is studied. Cross-cultural peculiarities of the Western, American and Oriental cinema are considered. Attention is drawn to the Russian stereotypes of contemporary cinema.

Key words and word-combinations: cinema, intercultural aspects, advertising content.

Исследуется кино как наглядное пособие по исследованию межкультурных аспектов при создании рекламного контента. Рассматриваются межкультурные особенности западного, американского и восточного кинематографа. Обращается внимание на российские стереотипы современного кинематографа.

Ключевые слова и словосочетания: кино, межкультурные аспекты, рекламный контент.

УДК 791.43
ББК 85.37

В.В. Канафьева

КИНО КАК НАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ

Основной характеристикой современного общества является глобализация в экономической, политической, культурной сферах, предполагающая расширение контактов между народами, носителями разных языков и культур. Каждый этнос имеет специфические особенности; его характер проявляется в национальной культуре, быте, традициях носителей этноса, в их взаимоотношениях с другими людьми, поэтому конститутивной характеристикой демократического общества выступает культурное различие как разнообразие жизненных стилей, культурных тенденций и ориентаций.

Каждый человек, независимо от его местонахождения, посредством СМИ (телевидение, Интернет, печать и т.д.) имеет возможность получить доступ к социальному и культурному опыту других народов, ознакомиться с традициями и обычаями иных культур. Таким образом, формы видения мира становятся значительно более многообразны-

ми, нежели в совсем недавнем прошлом [1]. Культурное многообразие постепенно стало центральной характеристикой современного общества, и значимость этой категории в ближайшем будущем будет только расти. И это не случайно, поскольку в конце XX – начале XXI в. возникли глубокие идеологические разломы на основе множественных различий стилей культурного потребления – таких, как социальные интересы, конфессиональные установки, другие нюансы этнической идентичности [2].

Сегодня кино является одной из форм выражения национального самосознания, частью национальной культуры, поэтому художественный фильм обладает не меньшей ценностью, чем народные сказания, песни, эпос, выступая выразителем и продолжателем национальных традиций. Каждый из создателей фильма принадлежит к определенной национальной культуре, ее субкультуре, вырос в определенных социальных условиях и, наконец, в географической местности, для которой характерны свои сочетания ландшафтов, своя колористика, яркость, ритмика природных явлений [3].

Так, в скандинавских фильмах, как правило, независимо от сюжетной линии (комедия это или драма, с трагическим или жизнеутверждающим концом), тона тусклы, как будто подернуты дымкой, несколько смазаны. Преобладающие цвета – оттенки коричневого и серого, вследствие чего возникают в воображении стереотипные картинки северных пейзажей: низкое, серое небо, темно-серое неспокойное море, скудная растительность. Еще одна особенность «северного» кинематографа – выраженная неспешность действия в картине любого жанра. Суровая природа североευропейских стран приучает к неспешной осторожности: принял скоропалительное неверное решение, засуетился – и можешь поплатиться жизнью.

Своими особенностями обладает итальянский и испанский кинематограф. Краски испанского кино яркие и насыщенные, от экрана исходит мощный импульс жажды жизни, наслаждения жизнью, ощущения жизни: какой бы она ни была, со всеми ее парадоксами и непредсказуемостью.

У немцев, в отличие, например, от итальянцев, отсутствует то, что принято называть чувством прекрасного – эстетизм, а красота чаще всего подменяется чистотой. В Италии мастерство интерьеров домов доведено до совершенства, в Англии дома уютные, а в Германии – чистые.

Много общего с испанским имеет кинематограф латиноамериканских стран, характеризующийся яркими красками, «буйством цветов» окружающей природы и динамичностью сюжета. Остается то же ощущение полноты бытия, однако больше синего цвета (океан и небо), и всегда сохраняется дух волшебным образом физически осязаемой, захватывающей пространственной перспективы, необъятного простора этих южных стран.

Американская, японская и индийская кинематографические школы существуют в разных частях земного шара и наглядно представляют отличия национальных кинематографов, сформировавшихся в различных культурно-исторических и географических условиях.

Особенности американского кино (имеется в виду голливудский вариант; канадский кинематограф – это совершенно отдельная вещь; также нельзя за-

бывать о существовании в США авторского, альтернативного кино, не причастного к массовой культуре) знают все. Бросается в глаза масштабность, размах подавляющего большинства голливудских блокбастеров. Часто фильм начинается с тщательно просчитанного панорамного кадра: взгляд сверху на зеркальные небоскребы Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Чикаго или величественный пейзаж пустынь и скал на закате где-нибудь на Диком Западе, или необъятные кукурузные поля Огайо. И даже если вы не увидели впечатляющей панорамы в начале фильма – досмотрите его, и подобный кадр обязательно будет в конце. Этот художественный прием, пусть и в гипертрофированном виде (панорамы слишком уж панорамны, краски неестественно яркие и сочны, герои неправдоподобно ловки и т.д.), отражает простор и мощь огромной страны, во всяком случае так, как ее воспринимает массовое сознание. «Прекрасная Америка!» – называют свою страну американцы. В подтверждение этого показывают ее бескрайние просторы от жарких пустынь до вечных снегов, достойных восхищения людей, создавших новое мощное государство из ничего – место, где чувствуешь себя легко [4]. Удобная и комфортная жизнь, терпимое отношение к языковым ошибкам и сильному акценту, искреннее стремление помочь ближнему – все это по-прежнему притягивает к себе в поисках счастья многочисленных иммигрантов, мечтающих стать «настоящими» американцами. Так Америка создает свой имидж и посредством кино.

Японское кино поразило западный мир во второй половине XX в. Медитативность, внимание к мельчайшим деталям, сосредоточенность на внутренней стороне явления и стремление ее постичь при минимуме визуальных эффектов – это, пожалуй, основные характерные черты кинематографа Японии. Его истоки берут свое начало в национальной культурной традиции, формирующейся в условиях ограниченного по отношению к числу обитателей жизненного пространства, в условиях, когда каждый природный ресурс следует использовать максимально полно, не повредив его при этом: ведь здоровье окружающей среды – залог благополучного существования человека. Гармония во всем – еще одна из основных характеристик японской кинематографии. Географическая изоляция Японии естественно отразилось и на ее культуре в целом, и на кинематографе в частности. Японское национальное кино до настоящего времени, без затрат колоссальных усилий на сопротивление киновласти США, сохраняет самобытность, перенимая при этом лучшие достижения иностранных коллег.

И наконец, уникальное явление – «индийский Голливуд», Болливуд. Индия – одна из немногих стран, где американское кино не пользуется большой популярностью, так как его с успехом заменяет отечественный продукт – индийские фильмы, сделанные «под Голливуд», но сохраняющие ярко выраженный национальный колорит. Он отличается веками копившейся мощью и самобытностью культуры одной из древнейших мировых цивилизаций, сложившейся на огороженной физическими барьерами (Индийский океан, Гималаи) территории, имевшей благодаря этому возможность на протяжении долгого времени развиваться относительно независимо, самостоятельно выбирая, какие чужеземные веяния впитывать, а какие – нет.

При определенном зрительском опыте можно «извлечь» из кинофильмов

нестандартную, не отражаемую в учебниках, но чрезвычайно важную страноведческую информацию, способствующую формированию достоверных образов территорий мира. Кино является лучшим посредником для создания имиджа государства. Недавно во Франции при опросе зарубежных туристов на вопрос, почему они приехали именно сюда, а не в Грецию, Испанию, Италию, люди ответили: мы смотрели французское кино, а теперь решили увидеть все собственными глазами. Таким образом, доходы, которые приносят фильмы при показе за рубежом, – это малая толика коммерческого потенциала, заложенного в них. Если, посмотрев французский фильм, человек отправляется во Францию недели на три с семьей, тратит деньги, – это уже большое подспорье французской экономике.

PR, реклама являются важными инструментами создания образа страны на международном уровне, но следует и грамотно пользоваться предложенными инструментами: не эффективнее ли снимать качественное кино, основанное на нашей культуре, истории, создавая тем самым имидж России как страны великого культурного наследия. Когда Ларс фон Триер отмечает, что Тарковский для него – недостижимая вершина, это неизмеримо важнее для имиджа России, чем многомиллионные блокбастеры внутреннего стержня.

Международные мультикультурные коммуникации становятся все более значимой сферой для создания имиджа страны, особенно в государственном управлении, что представляет интерес для исследования в смежных областях в современном глобальном пространстве. Внешний имидж государства – один из основных факторов формирования международных отношений, инструмент решения конкурентных задач. В основе имиджа государства должен быть положен единый идейно-смысловой проект его развития с четким следованием национальной идее и стратегическим целям. Образ государства должен предстать конкретным, политически стабильным (для развития международного бизнеса и привлечения прямых иностранных инвестиций) и одновременно при необходимости гибким и адаптивным. Он должен подвергаться своевременной коррекции на основании изменений социально-политической ситуации, несоответствия имиджа реальности, а также возникающих угроз снижения авторитета государства на международной арене. В связи с этим для развития и поддержания имиджа страны применяются реклама, маркетинг и PR-технологии, назначение которых различно и ни одно из этих направлений не может заменить другое: реклама предлагает информацию об объекте, маркетинг обеспечивает поддержку, но именно PR позволяют обеспечить доверие.

Ряд исследователей считают, что конец массовой культуры как базовой парадигмы не за горами и тот же самый Интернет будет способствовать развитию совершенно новой культуры – культуры «индивидуальных миров»... С этим трудно согласиться. Культура – явление в принципе надиндивидуальное. Это система связи между людьми, и возникает она только там, где есть механизм коммуникации, формирующий сообщества. Конечно, если понимать культуру в соответствии с религиозной традицией – как способ общения человека с Богом, тогда, разумеется, она абсолютно индивидуальна. Но если руководствоваться антропологическим пониманием культуры, то она возникает только там, где есть сообщества, то есть связанные с ними, формируемые ими идеи, ценности, представления, коммуникации.

Таким образом, трудно переоценить роль кино, а также теле- и радиовещания, Интернета в глобализации культуры, когда мелодии, тексты, сюжеты становятся всеобщим достоянием, охватывают все население земного шара и составляют тот общий язык, с помощью которого люди могут общаться друг с другом независимо от того, где они находятся на каком языке говорят.

Следует отметить, что в последние годы интерес к России и ее гражданам возрос не только со стороны иностранцев с их представлением о «загадочной русской душе», но и у самих русских. И сегодня на Западе славяне воспринимаются как люди непредсказуемые, непонятные, отсюда и термин – «славянская душа». С открытием границ достаточно большому числу россиян удалось побывать за пределами родины, однако более близкое знакомство с ними только утвердило иностранцев в их мнении по поводу характера русского человека. Много несправедливой и неверной информации о наших соотечественниках, их образе жизни и ментальности появляется в различных источниках.

Механическое сравнение произвольно выбранных особенностей русского характера, образа жизни россиян с западными «стандартами» вызывает множество вопросов. Почему при территориальных и природных богатствах уровень жизни россиян ниже населения «цивилизованных» стран? Почему экономика России развивается «скачками»: сначала рывок вперед, а затем обвал. В чем причина этого: глупое руководство, закономерный итог развития, чья-то злая воля или наша «обломовщина»?

Опять же извечные вопросы: что такое Россия – Восток или Запад т.е. каков характер ментальности россиян: преобладание в ней «западного» или «восточного»? На каком этническом типе основана психика русского человека? В чем причина страстного стремления россиян попробовать «вкус жизни» в иных странах, их восхищения перед западной цивилизацией, что выражается в установлении контактов с западной фирмой, массовом заключении браков с иностранцами, с дальнейшей эмиграцией из России от превратностей жизни на ее просторах? При этом русские мало способны укорениться на новых местах и не испытывать ностальгии по родине.

Это лишь часть вопросов, волнующих каждого думающего россиянина при сравнении с иными народами. Данный подход достаточно субъективен: не всегда уместно плоское сравнение. Нередко иностранцам бывает свойствен культуроцентризм, когда «правильной» считается только собственная культура, остальные же культуры кажутся, недоразвитыми или «нецивилизованными». Такой подход мешает понять «непоследовательность» и «странности» в поведении россиян. Именно культуроцентристы и создали мифы о «двойственности русских», «загадке» и даже об их лживости и лицемерии. Остальные же по доверчивости, незнанию или недоброму умыслу это повторяют. Тем не менее менталитет людей, живущих в разных условиях, не может оцениваться по шкале одной страны, поскольку он зависит не только от условий конкретной страны, ее климата, географии, но и уровня ее культуры и множества других факторов. Любой народ является исключительным, поскольку каждая страна прошла свой путь и именно поэтому не похожа на другие. Особенности русского характера можно сравнить с образом крутых «русских гор» – их

взлетами, падениями и неожиданными поворотами. Однако некоторые черты русского характера свойственны и другим народам мира, что является следствием особой концентрации и сочетания этих качеств, а также в способов их проявления; объясняется климатическими, историческими и культурными причинами их формирования.

Кино – главный потребитель и распространитель стереотипов. В отличие от режиссеров, пользующихся уже существующими стереотипами, способствуя дальнейшему их распространению, журналисты своей деятельностью могут формировать новые стереотипы.

Следует отметить, что образ России в голливудских фильмах – продукт стереотипного мышления, присущего американскому народу, в комплексе с пропагандой собственных национальных ценностей, политических и идеологических установок: это грубые, вечно пьяные мужики, живущие на авось. Стереотипы атрибутов русских – матрешки, валенки, шапки-ушанки, икра ложками, собольи шубы и медведи, бродящие по улицам городов, – крепко укоренились в общественном мировом сознании. На европейском пространстве кинематограф действует наиболее эффективно, ибо способен охватить огромную аудиторию в силу технической развитости западных стран. Поскольку кинематограф обеспечивает коммуникационное единство множества социальных общностей, информация о России и восприятие россиян доходит до адресатов разных социальных и возрастных групп. Таким образом, в сознании школьника, бизнесмена, чиновника и домохозяйки укореняется представление о том, что каждый второй россиянин – мафиози, а всякий российский продавец обязательно должен обвесить и обсчитать. При этом подобные стереотипы в сознании многих иностранцев переносятся и на государственный уровень. В связи с этим нам оценка любых решений российского правительства как желание нажиться или обмануть кажется предвзятой, а иностранцам, чье сознание пропитано стереотипными представлениями о России, закономерной.

В кино как специфической сфере оживают структуры древнейшего языка человечества, с помощью чего получают выражение явления политической и социальной истории. Но еще в большей степени на этом языке представляются процессы истории ментальности. Кино – это, безусловно, уникальное средство проникновения в глубинные структуры истории, и в этом смысле оно осуществляет исключительные межкультурные социальные функции. Тем не менее кино – это не только реальность специфического языка, но и содержание, адекватно переданное лишь с помощью данного языка. С этих позиций кино представляет собой огромный пласт культуры, практически не использующийся в работе специалистов по рекламе, как возможность войти во «вкус и запах» культуры данной страны, а также понять особенности невербальной коммуникации, передающейся через эмоции, жесты, одежду, обычаи, традиции. В современных условиях глобализации каждая страна стремится сохранить свои специфические черты в сфере культуры, быта, традициях и т.д. На наш взгляд, сегодня одним из эффективных путей познания другой культуры является кино как некий хранитель кодов индивидуального и коллективного бессознательного.

Библиографический список

1. Арапова Н. Культурный плюрализм в условиях глобализации культурных и информационных процессов. URL: http://www.tolerance.ru/biblio/dzvalosh-1/multi/1_arapova.html
2. Кочетков В.В. Социологический анализ межкультурных различий: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2000.
3. Ельцова К.К. Менталитет народов в кино / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. URL: <http://geo.1september.ru/2003/22/7.htm>
4. Особенности национального характера, или как стать настоящим американцем. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/480/>

S.M. Frolova
Spiritual Aspects of Social Daily Life

The spirituality of social daily life is considered from the viewpoint of the religious (ideal), value and cultural aspects changes. The reasons for the transformation of spirituality and the influence of daily life on its development are analyzed.

Key words and word-combinations: daily life, spirituality, spiritual values, the culture of communication, the contemporary society.

Духовность повседневной жизни общества рассматривается с позиции изменения религиозного (идеального), ценностного и культурного аспектов. Анализируются причины трансформации духовности и влияние повседневного бытия на ее развитие.

Ключевые слова и словосочетания: повседневность, духовность, духовные ценности, культура общения, современное общество.

УДК 1:316
ББК 60.028

С.М. Фролова

**ДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ
ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
ОБЩЕСТВА**

Организацией повседневного бытия должны управлять не только здравый смысл, стремление к выживанию, обеспечение первичных потребностей, но и чувственно-эмоциональная сфера. Осознавая это, человек всегда стремился к формированию не вещественных ценностей и определенных жизненных ориентиров, поэтому повседневные бытовые реалии являются исходным показателем внутреннего состояния общества: ведь только в повседневности проявляются духовные приоритеты индивида, и через повседневную практику обнаруживаются его устоявшиеся предпочтения. Когда духовность лишается внутреннего единства, ясных перспектив и общепризнанных целей, то будущее любого общества ставится под вопрос, так как духовность определяет концепцию жизненного пути индивида, неотделимую от системы общественных отношений и предполагающую соотнесение индивида с религиозным субъективным идеа-

лом, определяющим впоследствии смысло-жизненные ориентиры каждодневной деятельности.

Необходимо отметить, что понятию «духовность» до сих пор дано четкого определения. В. Федотова насчитала десятки дефиниции духовности [1, с. 11–28]. На наш взгляд, сложность определения духовности обусловлена ее многогранностью, а также затруднением сформулировать то, что составляет подлинный смысл бытия, упорядочивает мысль и поведение, «одобряя то, что правильно, и не одобряя того, что найдет худым в поступках и нравах...» [2, с. 11–28], с учетом исторической эпохи и изменения мировоззрения человека на протяжении всего периода его существования. В связи с этим полагаем, что духовную составляющую повседневной жизни человека необходимо рассматривать как имманентный энергетический потенциал, связывающий религиозный (идеальный), ценностный, культурный и чувственно-эмоциональный аспекты, изменение которых способствует модификации сознания и внутренних установок субъекта в соответствии с требованиями эпохи. Это определяет диалектический характер духовности.

Понятие духовности связано с представлением об идеале, определяющем смысло-жизненные ориентиры, к которым субъект должен стремиться в процессе бытия. Почти на всех этапах развития общества понятие идеала, как и понятие духовности, было неотделимо от *религиозного аспекта*. Еще в Ведах понимание духовности тесно связывалось с «высшим бытием человеческой индивидуальности» (Атман), обуславливающим поведение человека, и безличным духовным началом, пребывающим вне времени и пространства (Брахман) [3, с. 364]. Атман и Брахман определяли гармонию внутреннего мира человека и предопределяли поведение и поступки субъекта. В античности (у Платона) идеальное начало четко иерархизировали и понимали как перво-сущность, а весь материальный мир относили к «образным подобиям, выраженных в низших вещах» [4, с. 319], что также обосновывает влечение человека к идеальному.

Наличие идеала и стремление к нему наделяет смыслом индивидуальную жизнь человека в рутине повседневных будней. Вероятно поэтому сегодня понятие духовности по-прежнему неотделимо от идеальной перво-сущности и необходимости следовать религиозным установкам, что, согласно приверженцам такой позиции, позволит изменить, «одобрить» повседневную реальность, отразить трансцендентное в реальности, однако, на наш взгляд, в современном осмыслении феномена духовности доминирует далеко не религиозный аспект его понимания. Одной из причин такой трансформации часто называют политику большевиков, направленную на насильственное вытеснение сложившихся веками духовных ценностей. Несомненно, идеология большевиков внесла свою лепту в изменение религиозного аспекта духовности, но кардинально поменять сложившееся за тысячелетия отношение общества к религии они не могли, поскольку любое нововведение в повседневной жизни должно быть обусловлено онтологической и практической необходимостью, а не внедряемо насильно. В связи с этим полагаем,

что смена идеологии не является единственной причиной десакрализации духовности; скорее, этот процесс связан с изменением аксиологических приоритетов и условий каждодневного существования субъектов, а также пониманием того, что религиозные догмы не всегда отвечают требованиям насущной проблематики бытия. К тому же «светскость» более привлекательна для человека: ведь она создается им самим в результате рационального постижения мира и не требует слепого следования догмам, а обусловлена верой в себя и другого человека, в силу науки, то есть в то, что является учреждающей активностью, направляющей субъекта, обуславливающей его интеллектуально-смысловое поле и определяющей стремление к обладанию другими ценностями.

Необходимо отметить, что под обладанием понимается не стремление иметь что-либо, а отношение человека к ценности и его самоидентификация с данной ценностью, то есть желание проявить себя в процессе каждодневной деятельности. Такое стремление ставит человека в его обыденной жизни в зависимость от ценностных установок, которым он обязан соответствовать, выполняя определенные правила, поскольку с изменением ценностей меняются нормы общества, его моральные предписания. Вот почему важным аспектом, определяющим духовную составляющую человека, является преобладающая система ценностей, обуславливающая *аксиологический аспект* духовной жизни общества. Формирование глубинной установки, «конституирующей особенности» (В. Франкл) ценностных приоритетов общества определяется через осмысление бытия в процессе повседневной жизни, поэтому трансформация системы ценностей зависит от онтологической значимости для повседневности и не может быть сформирована без учета накопленного опыта, в обход субъективным потребностям.

Духовность нельзя сводить только к метафизичности: она включает аксиологические, моральные и эстетические элементы и является «необходимым условием формирования повседневной жизни, проявляясь посредством целей и ценностей, воплощая их непосредственно в сферу житейской практики» [5]; способствует проявлению индивидуального в человеке благодаря различному восприятию одинаковых предметов и событий повседневной реальности. Таким образом, духовность является основой, на которой формируются нравственные принципы, выстраиваются взаимоотношения людей.

Вне повседневной деятельности субъекта духовность существовать не может, она социальна и во многом зависима от мировоззрения субъекта, но если мировоззрение отражает взгляд на мир, то «духовность открывает человеку смысл его жизни, уточняя образ жизни, редактируя поведение с учетом уже своего внутреннего мира» [6, с. 84] и своих предпочтений. Так, если в эпоху техноцентризма и информационных технологий прагматические и сциентистские установки становятся доминирующими, то естественно, что сознание большинства членов общества ориентировано на обладание, а духовность обретает иной бытийственный статус. Если человечество идет по «реестру общества потребления», то для него далеко не всегда приемлемы традиционные духовные

ценности, поскольку главной целью в таком обществе становится получение прибыли. Часто такое общество называют больным, но для того чтобы определить болезнь как отклонение от нормы, следует установить, что значит быть здоровым.

По мнению В.В. Афанасьева, «здоровье – это способность субъекта или объекта к оптимальным изменениям» [7, с. 27]. Это позволяет утверждать, что здоровье общества нельзя отнести к неизменяемой категории, – опирающейся только на единожды установленные критерии – оно динамично и трансформируется под воздействием происходящих в обществе процессов. Как отличается здоровая активность человека молодого и пожилого, так же различны духовные установки обществ в различные исторические эпохи. В связи с этим в случае, когда субъект *осознанно* приспосабливается к окружающим изменениям, говорить о болезни нецелесообразно; скорее, к болезни можно отнести неприспособленность индивида к действительности либо адаптацию к действиям, влекущим за собой заведомо негативные последствия. Например, призыв к отказу от компьютерных технологий большинству сегодня покажется странным, но компьютерная зависимость в современном обществе однозначно ассоциируется с болезненным состоянием. Таким образом, для здоровья любой системы, в том числе и общественной, важны не столько материальные достижения и предпочтения, сколько отношение к ним, и если одно действие (предпочтение, начинание, идея) доминирует в ущерб другим, то происходит разбалансирование системы, что, несомненно, является болезнью. Вот почему общество, ориентированное *только* на потребление и получение прибыли, – духовно нездорово, как болен человек, прячущийся от реальности в ее видимость – виртуальность.

На наш взгляд, справедливо мнение, что виртуальность – это «диктатура симулякров (иллюзорных смыслов и реальностей), деспотическая власть над душой человеческой...» [8, с. 155], допускающая существование двух миров в мире, никогда не теряющем единства, ради реализации ненужных ценностей, мнимых целей. Полагаем, что во многом причиной такого явления выступает обдуманное стремление субъекта уйти от окружающей его действительности и осознание им невозможности соответствовать образу героя, активно пропагандирующегося средствами массовой информации. Взяв ориентир на Запад, наш кинематограф активно копирует блестящую оболочку их фильмов, не замечая, что за красивой мишурой голливудского кинематографа скрыта мораль о победе добра и справедливости, тогда как отечественное киноискусство, не имеющее ничего общего с реальностью, сосредоточено на типе криминального героя, который посредством демонстрации безнаказанного девиантного поведения добивается необходимой цели. Это несомненно изменяет духовные ориентиры молодого поколения, формирует иную поведенческую мораль, проявляющуюся в чрезмерной агрессии, эгоизме, безнравственности, усиливает девальвацию культурных и поведенческих норм, меняет культурные предпочтения индивидов. Совершенно справедливо, что «совершенствование работы с информацией и аудиториями, помноженное на знание конкретных проблем и умение их раз-

решать, могут дать нужный эффект» в работе с современными информационными и коммуникативными технологиями, способствуя выводу общества из духовного и культурного кризисов [9, с. 22].

В сущности феномена духовности заложено «коллективное участие людей в производстве и потреблении духовных ценностей, определяющих единство и культурную самобытность данной человеческой общности» [10, с. 57], поэтому культура – это прежде всего показатель развития общества и осмысленного отношения к тому, что ему необходимо и чего следует избегать. Изменение обыденных установок неизбежно проецируется на культуру, анализ формирования которой раскрывает причины закрепления ее в повседневной жизни. Если исходить из того, что повседневность, является «одной из самых мощных практик конструирования социальной реальности» [11], то трансформацию поведенческих и моральных принципов, ведущую к искажению духовных ценностей, важно оценивать как эмпирическую необходимость, обусловленную культурными предпочтениями общества. В связи с этим немаловажным аспектом, влияющим на формирование духовности, выступает *культурный аспект*, который предлагается рассмотреть с позиции таких составляющих повседневного бытия, как модификация форм общения и чтения, активное внедрение в повседневную жизнь компьютерных технологий, изменение чувственно-эмоциональной культуры или способности к пониманию и восприятию эмоций и чувств других людей.

Сегодня исследователи редко обращают внимание на соотношение слова и духовности, чаще представляя речь как производную мышления; они не раскрывают значения языка в проявлении духовности, а ведь слово в философии, богословии, поэзии, литературе выступает как мощнейший духовный фактор воздействия на человека и его сознание. В. Даль подчеркивал, что речь человека есть проявление визуальной связи «между телом и духом» [12]. Если исходить из современного, гламурного, ценового видения красоты, то становится очевидным, почему так оскудел наш словарный запас. Как элементы одежды следуют рекомендациям рекламы и выглядят гламурно однотипно, так и повседневно применяемые слова составляют набор словесных штампов, расхожих фраз, включающих и элементы жаргона из популярных сериалов-боевиков. Посредством слова выражаются эмоции и чувства, поэтому с обеднением словарного запаса оскудевает и внутренний мир человека. Существует прямая связь «между жалким состоянием нашей экономики, повсеместным воровством, всеобщей расхлябанностью, хамством и – повсеместной матерщиной» [13, с. 58], то есть изменение основных устоев повседневного бытия неизбежно отражается на формировании культурных предпочтений социума и его духовных установках. С нашей точки зрения, трансформации речевой культуры во многом способствует постоянная загруженность современного человека и отказ от чтения книг.

Постоянная погоня за прибылью практически не оставляет времени для интеллектуальных бесед, «ставшая обычной сверхзанятость современного человека во всех слоях общества ведет к умиранию в нем духовного начала...

Для работы в оставшееся время над собой, для серьезных бесед и чтения книг необходима сосредоточенность, которая нелегко ему дается. Абсолютная праздность, развлечение и желание забыться становятся для него физической потребностью...» [14, с. 42], что уводит от осмысления жизни, заполняет духовное пространство несбыточными идеями, пропагандируемыми низкопробной культурой массового потребления. В результате подобных тенденций молодое поколение перестало воспринимать высокую культуру как ценность, книги заменил Интернет с огромным набором «ширпотребовской» информации. По нашему мнению, компьютерные технологии не могут обладать достаточным духовным потенциалом, так как, во-первых, для общения в Сети используется ограниченное количество слов; во-вторых, применяется особая терминология, так называемый «лексический монотон», впоследствии формирующий речевую дезориентацию, обедняющий внутренний мир индивида, способствующий его деинтеллектуализации, а современные информационные технологии все чаще называют инструментами духовной экспансии. Парадоксальность такой ситуации в том, что человек чувствует негативное влияние на нравственные и духовные принципы стремительно распространяющихся нововведений, но продолжает неустанно совершенствовать технические средства. Разумеется, технический прогресс не остановить, поэтому в сложившейся ситуации важно придерживаться одного принципа – «не навреди».

Духовная истощенность и отсутствие смысла жизни могут порождать протест, желание спрятаться от действительности. Распространенными формами ухода от реальности стали бродяжничество, алкоголизм, наркомания, поэтому одной из причин наркомании является утрата духовности, поскольку бездуховность – важнейшая причина оторванности человека от общества, показатель его ненужности. Следовательно, только пропаганда здорового образа жизни без привлечения к духовным ценностям и четкого осознания внутренней предопределенности не даст ощутимого результата как в воспитании подрастающего поколения, так и в оздоровлении взрослого населения – ведь болезнь духа трансформирует чувственно-эмоциональную культуру человека, атрофирует способность к пониманию и сопереживанию.

Несомненно, любые преобразования предполагает форматирование существующих ценностей и моделей поведения, но это не ведет к неприятию уже существующих нравственных оснований, поскольку уход от них может лишить человека умения сопереживать чувствам других. В эпоху глобализации, когда происходит отказ от традиционной культуры и общество в повседневной жизни стремится механически копировать чужие духовные ценности, происходит массовый сбой в способности индивида эмоционально реагировать на проблемы другого. В результате человек все чаще чувствует себя одиноким, понимая, что до его интересов и переживаний никому нет дела. По этой причине при установке на трансформирование традиционных ценностей доминировать должны не экономические и технические стратегии, а этически-нравственные. Только в этом случае возможен безболезненный переход к новому состоянию общества.

Резюмируя, необходимо отметить, что повседневное бытие, несмотря на его несовершенство, прекрасно. Так и современное общество наряду с негативными факторами несет в себе и позитивные начала – стремление к поиску, что свидетельствует об интересе к меняющейся жизни и обретением цели движения в ней.

Таким образом, повседневно-бытовые реалии выступают исходным показателем внутреннего состояния общества, поскольку только в повседневности проявляются духовные приоритеты индивида и через повседневную практику обнаруживаются его устоявшиеся предпочтения. Духовность носит диалектический характер, неотделима от системы общественных отношений и всегда предполагает соотнесение с идеалом – константой в определении духовности. Духовность выступает как определяющий фактор каждодневного бытия, на основе которого выстраиваются взаимоотношения человека и общества. Трансформация поведенческих и моральных принципов связана с эмпирической необходимостью и культурными предпочтениями общества, а также утратой смысловой определенности повседневного бытия и традиционной системы ценностей.

Библиографический список

1. Федотова В.Г. Духовность как фактор перестройки / Вопросы философии. 1987. № 3. С. 11–28.
2. Августин Аврелий. Исповедь / пер. с лат. М.Е. Сергеевко. СПб., 2008.
3. Религиозные системы Индии // Всеобщая история религий мира. М., 2007.
4. Платон. Государство: кн. шестая // Платон. Диалоги. М., 2008.
5. Полякова И.П. Повседневность в социально-философском контексте: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2010; URL: <http://vak.ed.gov.ru>
6. Безукладова Л.В. Взаимосвязь мировоззрения и духовности // Поколения в истории: ритмы духовности. Симферополь, 2012.
7. Афанасьева В.В. Феноменология здоровья // Философия здоровья. Саратов, 2012.
8. Иртенина Н. Традиция и ускользающие смыслы бытия // Традиции и русская цивилизация. М., 2006.
9. Рязанов А.В. Элиты в управлении регионом: трансформация в постсоветское время и актуальные особенности этнополитики // Вестник ПАГС. 2012. № 1 (30). С. 17–23.
10. Котельников В., Ерохин В. Интуиция в деятельности врача. Рязань, 2004.
11. Копцева Н.П., Резникова К.В. Выбор методологических оснований для современных культурных исследований // Журнал Сибирского федерального ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Т. 2, № 4. С. 491–506.
12. Даль В.И. Напутное слово: Толковый словарь живаго великорусского языка. URL: <http://fizravvite.ru/2012/04/naputnoe-slovo-dal.html>
13. Востриков И.В., Дорохина Р.В. Влияние ненормированной лексики на духовный мир человека // Духовная жизнь общества и человека: история и современность: междунар. сб. науч. трудов. Воронеж, 2010. Вып. 1.
14. Швейцер А. Культура и этика. М., 1973.

E.Yu. Shakirova
Morphological Attributes
of the Rhizome Social
and Cultural Field

The morphological attributes of the modern social and cultural field are analyzed in the article. It is postulated that the modern social and cultural field is a multiplanar formation which has a lot of potentials for development and which doesn't have lop-sided development.

Key words and word-combinations: social and cultural field, rhizoma, modern society, axiological paradigms, mosaic structure, social and cultural monade.

В статье анализируются морфологические свойства современного социокультурного пространства. Постулируется, что современное социокультурное пространство – многоплоскостное образование, имеющее множество потенциалов развития, неравномерно распространяющееся в различных направлениях.

Ключевые слова и словосочетания: социокультурное пространство, ризоморфность, современное общество, ценностные парадигмы, мозаичность, социокультурная монада.

УДК 1:316
ББК 60.021

Е.Ю. Шакирова

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ
СВОЙСТВА РИЗОМОРФНОГО
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
ПРОСТРАНСТВА

Свойства социокультурного пространства, отражающиеся в определенном наборе его устойчивых признаков, позволяют ему функционировать в заданном режиме. Это означает, что в пределах какого-либо временного интервала существования социокультурного пространства и установившихся в нем правил взаимодействия элементов существенных изменений не наблюдается. Однако такие интервалы незначительны, и поскольку трансформации и деформации перманентно видоизменяют поверхность социокультурного пространства, рассматриваемые свойства в определенной степени являются идеальными.

Социокультурное пространство – образование сверхсложное, такой объект обладает спонтанностью. «Сложность как феномен вездесуща» [1, с. 66]. Е.Н. Князева также полагает, что хотя мир устроен сложно, сложность чрезвычайно хрупка, непрочна, уязвима. Во-первых, чем сложнее структура, тем она более неустойчива, более уязвима к малым событиям, отклонениям, флуктуациям. Во-вторых, сложные структуры возникают в режиме с обострением, а именно при достижении характерными величинами бесконечности за конечное время (время обострения) [2]. Следовательно, сложная организация существует только потому, что она существует конечное время, такая организация подвергается постоянно деформациям и метаморфозам, и в каждый последующий промежуток времени можно говорить уже о другой организации, о другом формировании.

Сложная организация (образование) предстает как совокупность различных стадий развития. Социокультурное пространство в этом отношении типичный пример, демонстрирующий различие в уровнях развития составляющих его элементах. Сложное социокультурное пространство представляет становящуюся реальность. Ни одно сверхсложное образование не является законченным формированием, это постоянно становящееся, возникающее и уходящее, поднимющееся и падающее явление. П. Штомпка полагает, что в настоящее время нормой является становление социума, которое происходит сквозь призму перманентных травм [3]. Травмы, по его мнению, являются атрибутами становления. Травма – не состояние, а «динамично развивающийся процесс», предполагающий «травматическую последовательность» из шести стадий [3, с. 7]. «Травма – «социальный факт» в классическом, дюркгеймовском смысле термина... И, по определению, культурный феномен» [3, с. 10]. На наш взгляд, источником социокультурных травм является аксиологическая ризоморфность; разрывы ризомы, образование новых аксионаправлений есть проявление социокультурных травм. Результатом социокультурных травм является неравномерность развития отдельных областей социокультурного пространства и фрактальность самого пространства.

Неравномерное развитие социокультурного пространства связано с тем, что сфера культуры более инерционна, отличается самым медленным ходом и длительным сохранением прежних условий, когда изменение уже произошло. Нестыковка изменений в социальном и культурном пространстве провоцирует разрыв в социокультурном пространстве. «Готовность к травме возникает, когда появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность» [3, с. 8]. В этом отношении социокультурное пространство можно рассматривать с двух сторон: во-первых, как средство изменения, во-вторых, как продукт изменения, но в обоих случаях изменения подразумевают травму.

Сложная и даже сверхсложная организация развивается нелинейно. «По существу, нелинейность означает огромное разнообразие поведения и богатство возможностей, – пороговые эффекты, неединственность решений, существование хаотических траекторий, парадоксальный “антиинтуитивный отклик при изменении внешних воздействий”» [4, с. 45]. Кроме данных проявлений нелинейности В.А. Вагурин выделяет также следующие: «пульсирующий характер эволюционных процессов – ритмичное чередование перехода от упорядоченности к хаосу и от хаоса к упорядоченности»; «взаимодействия и взаимопереходы линейности и нелинейности»; «неожиданность, непредсказуемость резкой смены текущих процессов» [5, с. 7]. Нелинейные образования внутренне активны. Их активность проявляется в способности к спонтанному порождению новых структур за счет внутренних взаимодействий и ресурсов, за счет внутренних потенциалов, а также за счет нетривиальных взаимодействий с внешней средой. Понятие нелинейности, как правило, анализируется в синергетике с понятием бифуркации. Зона бифуркации пронизана широким спектром случайностей, социокультурное формирование само реализует ту или иную

возможность, при этом примерно в одних и тех же условиях могут быть реализованы совсем разные возможности. Небольшие нюансы, незначительное изменение условий приводят к тому, что образование выбирает иную возможность.

Нелинейность развития следует трактовать неоднозначно. В случае ризоморфности аксиологической сферы нелинейность следует понимать как многолинейность или многовекторность развития при отсутствии приоритетности того или иного направления. Развитие в данном случае приобретает черты распространения социокультурного пространства по всем направлениям (своего рода растекание). Многовекторность развития – не единственный показатель нелинейности данного процесса. Как полагает С.А. Кравченко, нелинейность социальной и культурной динамики выражается в разрывах, случайностях, парадоксах общественного развития, при этом некоторые современные реалии, включая общественные институты, не имеют не только аналогов, но и корней в прошлом [6]. «Благодаря нелинейной динамике, спонтанной активности социума некоторые современные социальные реалии принимают парадоксальные формы – в них соединяются воедино, казалось бы, несочетаемые явления и процессы» [6]. Так, нелинейность определяет парадоксальность современного социокультурного пространства, что подразумевает его метаморфозы, изменения и внезапные переходы от одной формы активности к другой. По мнению С.А. Кравченко, парадоксальные явления появляются лишь тогда, когда возникает сочетание как внешних, так и внутренних, имманентных причин общественных изменений. Он выделяет несколько причин парадоксов. Во-первых, это имманентно присущее движение ко все большей открытости, за счет чего на всех уровнях возникают разрывы в исторических границах социокультурного пространства (которые, заметим, также являются условными). Мы трактуем социокультурное пространство как векторно организованное. Данное свойство социокультурного пространства имеет также парадоксальный характер. Парадоксальность заключается в том, что ризоморфность ценностного основания социокультурного пространства определяет разнонаправленность самого пространства благодаря «сосуществованию ранее антогонистических ценностей» [6]. «Зачастую они могут относиться не только к разным культурам, но и разным пространственно-временным координатам», – отмечает С.А. Кравченко [6].

Во-вторых, сказывается эффект точки бифуркации, когда разрывы происходят даже под влиянием малых воздействий. В-третьих, парадоксы выступают как следствие размывания феномена исторической преемственности. И, кроме того, разрывы функционально амбивалентны, это подразумевает, что, с одной стороны, они могут проявлять свою дисфункциональность, а с другой – вывести на более функциональный уровень социальных акторов и социокультурные элементы [6]. Так, нелинейность содержит в себе не единственный путь, а целый спектр потенциалов для перехода социокультурности к качественно новому состоянию: «...путь в будущее для сложных нелинейно развивающихся систем, каковыми являются системы... социального мира, всегда неединственен...» [7, с. 42].

В случае нелинейного развития вести речь о закономерном изменении, направленном и необратимом, не имеет смысла. Нелинейность подразумевает отсутствие единого направления изменений, множественность изменений, мно-

жественность оснований изменений и их разнонаправленность, при этом все направления одинаково значимы. Кроме того, если социокультурное образование развивается нелинейно, понятия регресса или прогресса не применимы для описания изменений, происходящих с данным образованием. Изменения, имеющиеся в сложных образованиях, также сложны по своей сути и представляют комбинацию простых и сложных переходов от старого к новому и наоборот. Трансформации такого образования – это череда движений «вперед» и откатов «назад», хотя подобная характеристика весьма условна.

Нелинейное развитие подразумевает также наличие некоторых хаотических состояний, рассматривать которые необходимо как неотъемлемое свойство любого сверхсложного образования. Хаотические состояния, видимо, противоположны устойчивым состояниям образования. Устойчивость образования подразумевает способность к самосохранению во взаимоотношениях с внешней средой. В случае отклонения от состояния устойчивости, которое во многом является условным, социокультурное образование оказывается в предкризисном хаотическом состоянии, то есть режиме, который можно назвать дрейфующим состоянием, состоянием с обострением. Можно предположить, что у любого социокультурного образования существуют определенные пороги стабильности, за пределами которых оно вступает в состояние хаоса. Хаотические состояния не являются патологией социокультурности, а свидетельствуют о естественном развитии любого сверхсложного образования. Однако следует учитывать, что хаос разрушителен, если социокультурное формирование достигает максимального развития и становится очень чувствительным к любым малым возмущениям и воздействиям.

Существенной особенностью современного социокультурного пространства является наличие множества возможных переходов из одного состояния в другое – бифуркаций. Бифуркация показывает, когда формирование выходит за порог стабильности и входит в другую фазу. При этом следующая фаза может быть и выше по уровню стабильности и ниже. Если же социокультурность как некое образование подвергается метаморфозам, вступая в фазу устойчивой нестабильности, то включается механизм саморегулирования, выводящий данное образование из неустойчивости. В момент бифуркации взаимодействие старого и нового состояния представляет основное содержание нелинейных процессов. Исход бифуркации во многом зависит от внутренних процессов, которые могут инициировать как распад, так и возобновление социокультурности в новом качестве.

В.В. Афанасьева полагает, что если принимать во внимание универсальность нелинейного развития, то имеет смысл вести речь о нелинейной диалектике, поскольку любое развитие, в том числе нелинейное, должно быть описано сообразно каким-либо законам. Новые представления о развитии требуют становления новой диалектики. «В новой нелинейной диалектике должны найти место представления о множественности состояний нелинейных, о множественности возможных путей развития, о хаосе» [8, с. 70]. Известные законы диалектики должны быть пересмотрены, изменены в соответствии с изменяющимися реалиями современной социокультурности. Анализируя законы диалектики, В.В. Афанасьева полагает, что «закон перехода количественных изме-

нений в качественные сформулирован в очень общем виде и поэтому не дает классификации возможных типов перехода, не отражает множественности возможных переходов и результирующих состояний, не подразумевает непредсказуемости и хаотичности развития» [8, с. 71].

В частности, в нелинейных образованиях изменение параметров (количественных характеристик) часто приводит к непредсказуемому изменению качества. Непредсказуемость результирующего качества определяется именно множественностью возможных состояний. Кроме того, переходы от состояния к состоянию могут происходить плавно, так как границы между состояниями имеют очень сложную форму, то есть фрактальны. Следовательно, переход от состояния к состоянию зависит не от характеристик предыдущего состояния, а от заданных начальных условий и от характера связей нелинейного образования с иными социокультурными пространствами, с внешними мирами. Так, одни и те же количественные изменения могут приводить к появлению разных качеств, при этом качество определяется не только и не столько параметрами самого социокультурного пространства, сколько внешними условиями и связями с окружающим миром. Качественные изменения в нелинейном образовании могут являться результатом целой последовательности более мелких и практически неразличимых качественных трансформаций [8, с. 71–73]. Этот процесс является своеобразным накоплением качественных трансформаций. Примером такого накопления изменений является аксиофера любого социокультурного пространства.

Традиционно считалось, что ценности консервативны и для их смены и просто для внедрения новых ценностных матриц в уже устоявшееся ценностное пространство требуется немало времени. По нашему мнению, этот процесс занимает столь долгое время именно благодаря постепенному накоплению новых качеств, что связано с нелинейностью самой социокультурности. Не все качества являются результирующими, некоторые из них «теряются», смысловое содержание других рассеивается, что в целом ведет к отсеиванию несущественных для образования качеств. Следствием отсеивания качеств является и их слияние, соединение нескольких в одно.

В.В. Афанасьева полагает, что закон перехода количественных изменений в качественные можно переформулировать следующим образом: «Количественные изменения, подчиняясь определенным закономерностям, приводят к качественным изменениям состояния системы, причем эти последние могут быть разнообразными: предсказуемыми или непредсказуемыми, скачкообразными или плавными, одинаковые количественные изменения могут приводить к возникновению разных качеств; качества могут изменяться в результате того, что в ряде случаев состояния «обмениваются» своими качественными характеристиками или объединяют их, а также в результате «накопления» качества» [8, с. 74–75].

Развитие любой системы, любого формирования подразумевает взаимодействие противоположных начал, однако в случае нелинейной динамики речь практически не идет о противоположностях, поскольку «сложность нелинейной динамики приводит к тому, что в процессе развития участвуют не классические пары противоположностей, а их комплексы. Так, в развитии одновременно могут участвовать симметричные упорядоченные, асимметричные упоря-

доченные, симметричные хаотические и асимметричные хаотические движения, каждое из которых, в свою очередь, может быть как устойчивым, так и неустойчивым» [8, с. 75]. Например, классический закон единства и борьбы противоположностей в случае нелинейного развития меняет свою суть, становится более глубоким и развернутым.

Еще один закон диалектики – закон отрицания отрицания – в определенном смысле показывает свою несостоятельность для анализа нелинейных сценариев развития. Во-первых, при нелинейном развитии происходит нарушение преемственности развития, связь нового со старым практически полностью отсутствует. Во-вторых, возможны возвраты к прежним состояниям. С учетом изложенного закон отрицания отрицания может быть сформулирован иначе, а именно: «Развитие нелинейных систем может характеризоваться отсутствием преемственности, повторяемости на новом этапе черт предыдущего; развитие предусматривает возможность возврата к прежним состояниям; спиральный характер развития при этом нарушается» [8, с. 77].

Так, нелинейные образования дают импульс нелинейной диалектике – диалектике, рожденной на стыке классической диалектики и синергетики. Переформулированные законы позволяют по-новому взглянуть на динамику нелинейных образований, в том числе социокультурных.

Еще одной существенной характеристикой социокультурного пространства является неравновесность образования, что обусловлено его неравномерным разрастанием аксиоризомы во многих направлениях и результатом чего является его неустойчивость. «В случае равновесия последствия какого-либо события... каждое мгновение аннулируются другим событием. В случае неравновесия последствия реакции не аннулируются тотчас, напротив, они способны распространиться и, если имеются нелинейные механизмы, благоприятствовать или мешать иным реакциям...» [9, с. 11].

В классической науке неустойчивость было принято рассматривать как некое отклонение от нормы, как нечто разрушительное. В настоящее время в науке господствует точка зрения, согласно которой неустойчивость созидательна и выступает как необходимый элемент любого развития. Однако преувеличивать роль неустойчивости и говорить о господстве неустойчивости над устойчивостью не имеет смысла. Об этом писали Е. Князева и С.П. Курдюмов в своей работе, где они убедительно обосновали взаимопереход устойчивости и неустойчивости друг в друга: «...все в мире устойчиво, но все устойчиво лишь относительно...» [10, с. 16]. Неустойчивое состояние неизменно сопровождается флуктуациями, увеличение амплитуды флуктуаций и их скорости и направлений воздействия приводит к тому, что внутри образования нарастает острота противоречий и постепенно состояние мнимой устойчивости перерастает в состояние хаоса. При этом следует учитывать, что чем сложнее образование, тем многочисленнее флуктуации. Полагаем, что в случае ризоморфности основания социокультурного пространства флуктуации связаны с формированием новых векторов-направлений ризомы и образованием новых клубней на данных векторах. Переход к критической неустойчивости происходит тогда, когда интенсивность флуктуаций и их амплитуда достигают такой силы, что образова-

ние выходит за параметры своего распространения при данных условиях. В этом случае различие между образованием и внешней средой сводится к минимуму.

Социокультурное пространство выступает как пространство определения различий. Социокультурная дифференциация, то есть различение имманентно при-сущего и другого, или внутреннего и внешнего, – основа развития данного пространства, влекущее за собой перенос признаков данного пространства на другие элементы. Это процесс, в котором невозможно выделить начало или конец, дифференциация всегда «в середине». Дифференциация является существенным морфологическим свойством социокультурного пространства. В качестве дифференциаторов могут выступать внешние воздействия и внутренние взаимодействия элементов. Дифференциация выступает как основополагающий процесс динамики социокультурного пространства, а дифференциатором или инициатором данного процесса можно считать излом аксиоризома в определенной точке.

Еще одним из основных свойств социокультурного пространства современности является его связанность и сцепленность, что непосредственно вытекает из типа взаимосвязи социокультурных монад – мозаичности. Данное свойство подразумевает, что любой элемент исследуемого пространства неразрывно связан с другим, причем в любой момент может соединиться с любым другим элементом и дать начало новой направленности развития (распространения) социокультурного пространства. Связанность, как морфологическое свойство, основано на взаимодействии элементов: «Наблюдаемый мир соткан из взаимодействия, все ими пронизано, все ими движется» [11, с. 152].

Еще одним важным свойством социокультурного пространства является непредсказуемость реакции на внешнее воздействие. Это обусловлено в первую очередь нелинейностью и неравновесностью пространства как среды, в основе которой находится ризоморфная аксиоматрица. Непредсказуемость реакции как раз и обусловлена ризоморфными свойствами аксиологического тела – множественностью, отсутствием единого центра, внутренней гетерогенностью при внешней гомогенности. В таком случае любое внешнее воздействие на социокультурное пространство (например, контакт с другим социокультурным телом или воздействие иной аксиопарадигмы) может привести к неожиданным результатам, что в большей степени зависит от текущих характеристик, которые присущи данному пространству в данный момент времени. Кроме того, непредсказуемость реакции связана с невозможностью предопределения, какой элемент или какие элементы ответят на внешний раздражитель.

Благодаря тому же свойству ризоморфности аксиологического тела социокультурное пространство постоянно возобновляется, причем из любой точки. Современное социокультурное пространство имеет множество потенциалов динамичного развития (распространения), данные потенциалы сокрыты в монадах, образующих мозаичное тело пространства. В таком пространстве постоянно происходит соединение-разъединение элементов мозаики, что является внутренним потенциалом распространения социокультурных элементов данного пространства в разных направлениях.

Целостность (как слияние элементов в единое целое, как неделимость, нерасчлененность, неразрывность) пространства не может рассматриваться как некое обязательное морфологическое свойство, поскольку целостность может изменять-

ся. Социокультурные монады, образующие мозаичное полотно пространства, могут перегруппировываться и образовывать новые мозаичные связи, при этом единство пространства не изменяется, но изменяется содержание взаимоотношений между элементами. Сохранение стабильной конфигурации элементов зависит от следующих факторов: 1) от поставленных объединившимися элементами целей; 2) от внешних воздействий со стороны других социокультурных пространств. Следует учитывать, что любое социокультурное пространство спонтанно по определению и имеет свои собственные закономерности и особенности существования и распространения; помимо того, любое социокультурное пространство в определенной степени обособлено от других подобных объектов, что проявляется в достаточной самостоятельности, независимости и способности автономно выбирать собственную траекторию развития (распространения).

Обособленность от других подобных образований достигается благодаря тому, что социокультурное пространство имеет пограничные точки. Пограничные точки выступают не как некие материальные объекты, а как определенные виртуальные объекты, сохраняющие основополагающие признаки данного пространства. Их основополагающая функция заключается в разграничении внешней среды и социальной ткани социокультурного пространства. Кроме того, одной из функций пограничных точек является осуществление контакта с другими средами – как социального характера, так и не социального.

Пограничные точки должны находиться в рамках допустимости, поскольку у любой пограничной точки может быть разброс в семантической трактовке значений, который зависит от временного периода, уровня развития общества, внешних факторов. Например, ценность коллективизма, традиционно трактуемая как исконно русская, в разные исторические периоды имеет разное наполнение, поэтому пограничной эта ценность будет рассматриваться лишь в рамках допустимого отклонения от традиционной трактовки. Если же происходит семантическое перенасыщение содержимого той или иной пограничной точки, то в нашем случае это будет означать рождение нового направления развития, новой линии аксиологической ризомы. Следовательно, под пограничной точкой необходимо понимать любой крайний аксиоэлемент социальной ткани и любое крайнее отношение между аксиоэлементами социального пространства.

Интерпретация термина «пограничные точки» является довольно широкой и включает не только и не столько физические границы социальной системы, но и «нематериальные» ограничения. За пределами этих точек существуют уже другие отношения, другие закономерности, определяющие поведение социальных элементов. Пограничные точки имеют различную «силу», которая характеризует интенсивность выполнения ими своих функций. В «нормальном», то есть некризисном состоянии присутствует спонтанное сглаживание положительных или отрицательных эффектов ограничений. Иными словами, социальность как выраженное проявление социокультурного пространства сама методом проб и ошибок находит наиболее приемлемые для нее пограничные режимы. В других состояниях (например, в состоянии кризиса) спонтанный поиск затрудняется или вообще становится невозможным ввиду нарушения работы социальной структуры и изменения социальных отношений.

Итак, пограничные точки показывают, во-первых, степень развитости социокультурного пространства и, во-вторых, степень его защищенности, что в первую очередь свидетельствует о его устойчивости и восприимчивости к инородным воздействиям. Сбой в работе пограничных точек и невыполнение ими своих основных функций приводит к сбою в работе социума.

Особенностью современного социокультурного пространства является то, что в его рамках могут существовать общества, находящиеся на разных уровнях развития. Конечно, данные уровни не различаются существенным образом, но отставание в развитии в несколько десятков лет в условиях современности уже можно считать значительным. Такое различие в уровне развития обусловлено многими факторами, среди которых можно назвать и экономические, и духовные, и политические и некоторые другие факторы, но суть в том, что данные факторы определяют векторное распространение социокультурности в разных направлениях. Этим определяется фрактальность социокультурного пространства как существенного свойства современного социокультурного пространства.

Таким образом, современное социокультурное пространство – комплексное нелинейно развивающееся образование, отличающееся сверхсложностью. Связи между элементами в таком образовании являются не однонаправленными, а многонаправленными, разносторонними, но и в то же время не являются жесткими, что подразумевает возможность разрыва соединения в любой момент и перегруппировку элементов. Быстрые переходы из одного состояния социокультурного образования в другое детерминированы нежесткими связями между элементами, однако контакты с другими подобными образованиями ограничены благодаря наличию пограничных точек, выполняющих функцию разграничения по принципу «свое – чужое». Современное социокультурное пространство – многоплоскостное, имеющее множество потенциалов развития, неравномерно распространяющееся в различных направлениях.

Библиографический список

1. *Князева Е.Н.* Темпоральная архитектура сложности // Синергетическая парадигма: синергетика инновационной сложности. М., 2011. С. 66–87.
2. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики: режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб., 2002.
3. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–16.
4. *Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. М., 2003.
5. *Вагурин В.А.* Синергетика эволюции современного общества. М., 2007.
6. *Кравченко С.А.* Риски в нелинейно развивающемся социуме. URL: www.rfbr.ru/rffi/ru/popular_science_article/o_34426#1
7. *Князева Е.Н.* Синергетически конструируемый мир: синергетика. Будущее мира и России. М., 2008.
8. *Афанасьева В.В.* Детерминированный хаос: от физики к философии. Саратов, 2001.
9. *Пригожин И.* Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 3-19.
10. *Князева Е., Курдюмов С.* Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 13–17.
11. *Хайтун С.Д.* Фундаментальные сущности эволюции // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 151–166.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

P.V. Repieva
Balance of Interests
as a Condition of Public Life
Efficient Management

The most important aspects of the social control are studied. Special attention is paid to the consideration of the balance of interests of participants in the public relations.

Key words and words-combinations: social management, interest, political balance, authority.

Исследуются наиболее значимые аспекты социального управления. Особое внимание уделено рассмотрению баланса интересов участников общественных отношений.

Ключевые слова и словосочетания: социальное управление, интерес, политический баланс, власть.

УДК 33
ББК 60.8

П.В. Репьева

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНЬЮ

Общество представляет собою сложную социальную систему, в рамках которой между ее субъектами возникают самые разнообразные отношения: духовные, экономические, моральные и другие. Назначение указанных отношений, связей между людьми состоит прежде всего в укреплении самого общества, структурных его элементов, в установлении социального порядка, способного обеспечить целесообразность и эффективность развития как всей социальной системы в целом, так и конкретной личности в частности.

Социальный порядок представляет собой социальную упорядоченность, составными компонентами которой являются последовательность реализации основных задач и сохранение ценностей социальной системы, согласованность действий элементов системы управления, наличие эффективных гарантий и средств поддержания всех аспектов

безопасности, высокая степень независимости общества от случайных обстоятельств. Реализация указанных компонентов в составе социального порядка немислима без вмешательства власти, целенаправленного принудительного воздействия для поддержки одних форм поведения и подавления других. В целях поддержания социальной упорядоченности разрабатывается определенная совокупность действий и механизмов, характеризующаяся как социальное управление.

На наш взгляд, понимание социального управления является актуальным на любом этапе функционирования общества. Особую значимость управление приобретает на современном этапе развития российского общества, которое в свою очередь характеризуется некоторыми негативными социальными явлениями. Среди упомянутых явлений можно выделить конфликт интересов участников общественных отношений, их несогласованность, отсутствие эффективных механизмов его мирного урегулирования, резкое социальное расслоение общества, рост экономических, политических, социальных проблем и разногласий.

Изложенные обстоятельства подчеркивают актуальность проблемы, связанной с поиском согласия в обществе, в котором функционирует множество противоречивых, зачастую противоположных интересов. На данную проблематику указывал и Президент РФ В.В. Путин в своей статье о демократии и качестве государства: «Надо построить механизмы политической системы таким образом, чтобы она своевременно улавливала и отражала интересы больших социальных групп и обеспечивала бы публичное согласование этих интересов. Устойчивое развитие общества невозможно без дееспособного государства. А подлинная демократия – это неременное условие построения государства, нацеленного на служение интересам общества» [1].

Понимание общества как сложной целостной системы с необходимостью организованного, направленного на нее воздействия способно привести в конечном итоге к однобокому и поверхностному рассмотрению управления, вследствие чего может сложиться мнение, что управление обществом обусловлено лишь необходимой потребностью в организации сложного социального организма.

Между тем, наряду с указанным аспектом управления обществом, существует еще один, не менее важный и более значимый для нашего исследования аспект. Речь идет об аспекте социально-политическом. Он подразумевает то обстоятельство, что управление процессами, происходящими в обществе, всегда непосредственно связано с осуществлением политической, государственной власти. Однако зачастую о его сущностной природе забывают, и оно оказывается вне сферы внимания ученых и общественности, что в итоге на практике приводит к его неэффективности.

Ю.А. Тихомиров полагает, что «управление общественными процессами всегда связано с выражением воли и интересов правящих классов государственной властью» [2, с. 10–21].

В.В. Цветков также указывал на социально-политическую обусловленность и ориентацию аспекта научности управления, характеризуя его как систему общественных отношений, связанных между собою не только непосредственно через реальные управленческие процессы, но и опосредованно через идеологию, через определенные формы знаний и т.п. [3, с. 10–24].

Следовательно, управление необходимо рассматривать как двуединое явление. С одной стороны, это обусловленность его производного характера от природы, а с другой – его политическая природа, связь с политической властью.

В юридической литературе можно встретить характеристику управления как определенного вида деятельности, совокупности действий, осуществляемых для достижения целей, которые имеют общественную значимость [4, с. 5]. Подобный подход на наш взгляд, лишь отчасти отражает сущность управления. Именно политическая власть лежит в основе управления, поскольку она определяет его содержание и различные виды деятельности.

Социальное управление воздействует на общество таким образом, что позволяет способствовать упрочнению и развитию политических, экономических, духовных принципов его устройства, используя при этом главные закономерности его развития. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: чем обусловлена необходимость управления как явления социального? Ответ на данный вопрос кроется прежде всего в потребностях, в интересах отдельных социальных групп, участников общественных отношений. Безусловно, объективные закономерности самого общества должны в первую очередь учитываться при качественном эффективном управлении, но вопрос об интересах, на наш взгляд, не может оказаться вторичным. Управление обществом плодотворным и эффективно лишь в том случае, когда оно отвечает интересам конкретных социальных групп.

Понимание управления обществом прежде всего как целенаправленного политического воздействия в наибольшей степени обуславливает его основное назначение в качестве именно политического воздействия в интересах народа. Прогресс, эффективное развитие общества зависят именно от управленческой деятельности, влияния государства на происходящие в обществе процессы.

«...Интерес – вот что сцепляет друг с другом членов гражданского общества. Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей» [5, с. 134]. Интересы всегда выступают мощным фактором жизнедеятельности людей, создания и функционирования государственных и общественных институтов, служат важным побудительным стимулом и выражают общественные притязания на участие в правотворчестве и создании правовых актов, в правоприменении.

Основное управление обществом осуществляется прежде всего в политической сфере, в рамках которой в результате удовлетворения интересов субъекты политической деятельности принимают политические решения. Указанные решения с точки зрения их основного постулата, коим является обоюдно значимый положительный результат для обеих сторон участников политических отношений, должны отражать сбалансированную их волю. Политика же является наиболее подвижной, противоречивой областью человеческих взаимоотношений и видов деятельности, поэтому во все времена актуальным остается вопрос о балансе политическом, который может быстро изменяться, детерминируясь как внутренними, так и внешнеполитическими обстоятельствами и факторами.

Значительную роль играет политическая система общества, которая образует относительно самостоятельное, устойчивое и функционально автономное явление.

ние общественной жизни. Политическую систему можно определить как совокупность взаимодействующих между собой норм, идей и основанных на них политических институтов и действий, организующих политическую власть, взаимосвязь граждан и государства [6, с. 112]. В рамках политической системы происходит регулирование политических процессов, формирование и функционирование политической власти. Именно с помощью данной категории можно глубоко проникнуть в политические интересы определенных классов, социальных групп, наций.

Категория баланса призвана обеспечить согласование интересов субъектов общества, установить особое состояние социальной системы, направленное на разумное и эффективное развитие последней. В широком понимании политический баланс – такое состояние политической организации власти, которое отражает учет и объективно необходимое соотношение значимых интересов субъектов политических отношений.

Нельзя выпускать из вида общий интерес к установлению баланса, а также реальные действия сторон, которые совершаются для его достижения. На наш взгляд, вполне допустимо выделение следующих особо значимых условий, способствующих достижению баланса.

Во-первых, для установления баланса необходимо наличие двух или нескольких явлений и (или) процессов. Во-вторых, особое значение имеют противоречия, противоположности данных явлений или процессов, сложившиеся на пути к установлению баланса. Именно на их согласование и разрешение направлено само состояние баланса. В-третьих, на наш взгляд, одним из условий достижения баланса является существование общего интереса к сближению, разрешению ситуации в целом. Иными словами, необходимо взаимодействие интересов, которое может выражаться в активной деятельности сторон и предполагает, что действию одной стороны противопоставляется действие другой стороны. Наконец, в-четвертых, важнейшее условие на пути к достижению баланса вытекает из указанного условия, в соответствии с которым интерес является непосредственным стимулом деятельности, реальных действий сторон к сближению, что выражается в различных формах проявления баланса.

С категорией политической системы общества тесно связана категория власти, ведь для определения и поддержания политического баланса требуется успешная реализация отношений между властвующим и подвластными, в которых властвующий навязывает свою волю подвластному, направляя его поведение. Власть всегда непосредственно связана с подчинением, которое, в свою очередь, обусловлено различными мотивами, отражающими уровень совпадения интересов. Наиболее эффективна именно та власть, которая основана на общности интересов властвующего и подвластного, когда возможно достижение баланса интересов. В таком случае подвластные будут заинтересованы и убеждены в необходимости подчинения.

Спорным в литературе остается вопрос о том, возможно ли определить власть как один из способов, видов управления. Так, французские ученые Р. Пэнто и М. Гравитц характеризовали власть как своего рода способ интеграции всех средств принуждения, имеющихся в данной социальной группе. Власть, по их

мнению, представляет собой всякую социальную деятельность, в которой есть властные отношения [7, с. 112–122].

М.И. Байтин склоняется к отождествлению политической и государственной власти [8, с. 134–139]. Сущность власти, по его мнению, состоит в том, что она является средством функционирования всякой социальной общности, обеспечивающим отношения подчинения руководящей в данном сообществе воле. Иногда можно встретить выделение общего понятия власти, в соответствии с которым власть выступает в качестве объективно обусловленного общественно-отношения, назначение которого заключается в руководстве всем обществом через государство.

Н.М. Кейзеров, напротив, отмечает, что понятие власти применимо к дифференциации ее в различных сферах общественной жизни, выделяя при этом экономическую, социальную, политическую, духовно-идеологическую власть [9, с. 108–110].

На наш взгляд, характеризуя понятие власти, необходимо говорить о том, что власть едина, при этом, безусловно, она в различных формах воздействует на отдельные сферы общественной жизни. Власть прежде всего призвана организовывать и направлять деятельность субъектов общественных отношений. Особое значение для нашего исследования имеет именно то обстоятельство, что власть в рамках целенаправленного регулирования общественных отношений призвана выражать волю и интересы народа посредством политической системы.

Резюмируя изложенное, отметим, что на протяжении всей истории развития общества, особенно на современном этапе внимание ученых привлекают интересы общества, учет их в процессе реализации социального управления. Однако процесс согласования интересов участников общественных отношений, интересов властвующего и подвластного и т.д. остался вне сферы внимания ученых и общественности.

Осталась без внимания и особая категория баланса, которая является залогом гармонизации общественных отношений. Более того, на наш взгляд, в настоящее время отсутствуют действенные механизмы согласования интересов, что значительным образом сказывается на эффективности процесса управления. Предприняв попытку устранить настоящий недостаток и не желая ограничиваться простой констатацией факта их присутствия в процессе социального управления, мы рассмотрели их роль, условия достижения, определив, что политический баланс выступает основой эффективного управления общества, которое всегда непосредственно связано с политической властью, выражением воли и интересов участников общественных отношений, согласованностью их действий. В условиях стремительно развивающегося общества успех управления может быть достигнут лишь с помощью целеустремленной и согласованной деятельности всех субъектов управления, благодаря установлению политического баланса.

Библиографический список

1. Путин В.В. Демократия и качество государства. URL: <http://www.putin-itogi.ru/2012/02/06/statya-v-v-putina-demokratiya-i-kachestvo-gosudarstva/>

2. Тихомиров Ю.А. Механизм управления в развитом социалистическом обществе. М., 1978.
3. Эффективность и качество управленческой деятельности (государственно-правовой аспект) / под общ. ред. В.В. Цветкова. Киев, 1980.
4. Абдуллаев Е.И., Нагиев Ф.Т. Административное право: учебник. Баку, 2008.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2.
6. Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1994.
7. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972.
8. Байтин М.И. Государство и политическая власть. Саратов, 1972.
9. Кейзеров Н.М. Власть и авторитет: критика буржуазных теорий. М., 1973.

N.N. Korkotashvili
EurAsEC as a Political Institute
of Reintegration of Post-Soviet
Countries

The integration potential of the Eurasian Economic Community in the discourses of the heads of the Customs Union member states is examined. The internal and external threats and risks of the post-soviet countries' integration into the Eurasian Economic Community are analyzed.

Key words and word-combinations: EurAsEC, integration, discourse.

Исследуется интеграционный потенциал Евразийского экономического сообщества в дискурсах глав государств – участников Таможенного союза ЕврАзЭС. Анализируются внутренние и внешние угрозы и риски интеграции на постсоветском пространстве.

Ключевые слова и словосочетания: ЕврАзЭС, интеграция, дискурс, политический институт.

УДК 327
ББК 66.4(0),4

Н.Н. Коркоташвили

**ЕВРАЗЭС
КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ РЕИНТЕГРАЦИИ
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА***

Одной из важнейших тенденций глобализации современного мира является стремление к интеграции, которое присуще и странам бывшего Советского Союза. Уже в 1990-е годы появились первые интеграционные организации в рамках постсоветского пространства: СНГ, Союз Белоруссии и России, Единое экономическое пространство, ГУАМ. С 2000-х годов стало динамично развиваться Евразийское экономическое сообщество. На данный момент организация вступила в активную фазу функционирования. Спустя два десятилетия после распада СССР вновь появи-

¹ Статья выполнена на материалах исследования, осуществляемого в рамках внутреннего гранта Поволжского института управления им. П.А. Столыпина «ЕврАзЭС как политический институт реинтеграции постсоветского пространства». Руководитель проекта – Н.Н. Коркоташвили.

лась не только возможность интеграции между странами, но и потребность. ЕврАзЭС помимо своих экономических функций начал выполнять и политические, тем самым становясь частью современного внутривнутриполитического и внешнеполитического процесса.

Цель исследования: выявление интеграционного потенциала Евразийского экономического сообщества на постсоветском пространстве. В основу исследования положен метод дискурс-анализа [1]. С его помощью проанализированы официальный и оппозиционный дискурсы. Эмпирическую базу анализа официального дискурса составили статьи и публичные выступления глав государств – членов ЕврАзЭС за период с 2011 по 2012 г. Анализ оппозиционного дискурса проводился на основе статей в казахстанских, российских и белорусских СМИ, выступлений и заявлений лидеров партий, а также зарубежных проектов по интеграции Средней и Южной Азии за период с 2011 г. по декабрь 2012 г. Анализ осуществлялся в соответствии с авторскими критериями, на основе которых выявлены особенности позиционирования ЕврАзЭС в официальном дискурсе. Широкое применение нашли метод анализа и синтеза, исторический метод при исследовании угроз и рисков интеграции постсоветского пространства в рамках ЕврАзЭС.

Исследование официального дискурса должно было дать ответы на вопросы: какова роль СНГ в процессе интеграции постсоветских стран на современном этапе; каковы основные цели новых интеграционных структур; какое место отводят президенты своему государству в рамках деятельности ЕврАзЭС; какое место должно занять Евразийское экономическое сообщество на международной арене?

Главы государств по-своему оценивают значение такой организации, как СНГ, на постсоветском пространстве. В. Путин считает СНГ первым этапом интеграции бывших советских стран. Такой же точки зрения придерживается Президент Казахстана Н. Назарбаев. Однако критика СНГ с его стороны намного острее: «Я откровенно сказал, что СНГ не отвечает объективным требованиям времени и не обеспечивает интеграцию стран-участников, в которой так остро нуждаются наши народы» [2]. Практически не затрагивает вопрос СНГ Президент Белоруссии А. Лукашенко.

В любой международной организации есть государства-лидеры, страны с более развитой экономикой, то есть существует неформальная структура. Уже сейчас в Евразийском экономическом сообществе главы государств пытаются позиционировать себя и свою страну определенным образом. В. Путин акцентирует внимание на хороших отношениях России и Европейского Союза. В связи с этим Россия будет содействовать налаживанию отношений, как политических, так и экономических между ЕС и странами Таможенного союза, а в будущем Евразийского союза. Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана уже начал переговоры о создании зоны свободной торговли с Европейской ассоциацией свободной торговли. Таким образом, в статье В. Путина прослеживается тенденция к неформальному лидерству на фоне формального равенства.

Что касается Н. Назарбаева, то он позиционирует Казахстан в качестве од-

ного из главных акторов Таможенного союза, Евразийского экономического сообщества и будущего Евразийского союза. По его мнению, центр Евразийского союза должен находиться в Астане как в географическом центре Евразии.

В результате выявления особенностей целеполагания главами государств в официальных дискурсах можно прийти к выводу, что В. Путин фокусирует внимание на формировании Единого экономического пространства. Он видит широкие возможности не только для бизнеса, но и для граждан, так как «...снятие миграционных, пограничных и прочих барьеров, так называемых «трудовых квот» будет означать возможность без всяких ограничений выбирать, где жить, получать образование, трудиться» [4].

Президент Казахстана Н. Назарбаев считает, что Таможенный союз вырос из Евразийского экономического сообщества, далее он должен пройти эволюционно к Евразийскому союзу. Основная цель ЕврАзЭС, по его мнению, это «согласование экономической политики трех стран и обеспечение трансграничного свободного движения услуг, капиталов и трудовых ресурсов, унифицированное законодательство» [2].

В дискурсе А. Лукашенко представлены первые результаты работы Таможенного союза: «Увеличились объемы торговли между его участниками. Упразднены тарифные и нетарифные барьеры во взаимной торговле. Отменены все виды контроля на внутренних границах» [3]. Дальнейшая цель – создание Евразийского союза.

Несомненно, ЕврАзЭС в качестве международной организации должно занять определенное место в системе международных отношений. Например, В. Путин делает акцент на сотрудничестве с Евросоюзом, что принесет пользу как организации, так и отдельным странам, России в том числе, так как переговоры о безвизовом режиме России и ЕС ведутся уже давно: «...экономически логичная и сбалансированная система партнерства Евразийского союза и ЕС способна создать реальные условия для изменения геополитической и геоэкономической конфигурации всего континента и имела бы несомненный позитивный глобальный эффект» [4].

В дискурсе Президента Казахстана Н. Назарбаева прослеживается стремление к активному сотрудничеству с КНР, так как КНР на протяжении двух последних десятилетий является стратегическим партнером и России, и Казахстана, и Беларуси. Президент Белоруссии А. Лукашенко единственный, кто усматривает негатив со стороны Запада к созданию новой структуры, которая может стать конкурентом как в экономическом плане, так и в политическом, ведь она, по мнению белорусского Президента, обладает колоссальным потенциалом в производственной, ресурсной и интеллектуальной областях.

Исследовательская работа по выявлению угроз и рисков интеграции на постсоветском пространстве в рамках Евразийского экономического сообщества строилась на анализе политической ситуации в каждой из стран. Так, исторически сложилось, что одной из особенностей политической системы Республики Казахстан является наличие клановых групп, связи между которыми определяются в основном межличностными отношениями их главных действующих

лиц и пересечением сфер интересов. Однако прямо оппозиционных власти клановых групп в данный момент нет. Очевидно, что одной из главных причин поддержки углубления интеграции в ЕврАзЭС является экономическая выгода, ведь большинство кланов сосредоточили в своих руках большие объемы финансов и экономической инфраструктуры.

Отношение к созданию Евразийского экономического союза имеет в Республике ярко выраженную политическую составляющую. Курс на евразийскую интеграцию прочно ассоциируется с именем Президента Н. Назарбаева, за которым давно закрепился имидж главного интегратора постсоветского пространства. Среди оппозиции идея вхождения Казахстана в это интеграционное объединение вызывает опасения, связанные с возможной потерей суверенитета и перспективой возрождения новой версии Советского Союза. В ноябре 2011 г. общенациональная социал-демократическая партия «Азат» распространила заявление «Об участии Казахстана в интеграционных процессах на постсоветском пространстве», отметив, что население Республики еще не забыло прошлый опыт отношения России к Казахстану с позиции «старшего брата», поэтому экономическую интеграцию следует осуществлять с учетом национальных интересов и без ущерба суверенитету страны [5].

Позиция народно-демократической партии «Нур Отан», напротив, интеграционистская: «Для Казахстана этот проект является приоритетным. Был исторический опыт – Российская империя, Советский Союз. Из обоих проектов Казахстан как суверенное государство извлекал только пользу. Казахстан обречен на интеграцию. Соседи не могут жить вне самых разных системных отношений» [6].

Оппозиция в Казахстане инициировала проведение референдума о приостановке участия государства в ряде интеграционных проектов. Среди причин недовольства оппозиции – экономическое ущемление казахстанских товаропроизводителей и угроза политическому суверенитету страны. В связи с проводимой политикой уравнивания цен с Российской Федерацией произошел их значительный рост не только на топливо, но и на товары первой необходимости и услуги. К тому же продукция российских и белорусских компаний стала доминировать на внутреннем рынке Казахстана благодаря низким ценам.

Как известно, Россия и Казахстан являются главными локомотивами интеграции на постсоветском пространстве. Однако именно из Казахстана после создания Таможенного союза стало исходить наибольшее сопротивление как со стороны бизнеса, так и со стороны общественно-политических групп. Фактом, заставляющим задуматься о дальнейших планах по интеграции со стороны Казахстана, является агрессивная реакция на предложение о создании Евразийского парламента, озвученное спикером Государственной Думы С. Нарышкиным. По мнению властей Казахстана, создание наднациональных структур даже не должно обсуждаться, поскольку это напрямую затрагивает суверенитет независимой Республики Казахстан. «Евразийская интеграция – это наше экономическое преимущество перед вызовом третьей глобальной индустриальной революции, – подтвердил Н. Назарбаев. – Мы намерены совершить совмест-

ный рывок к новым технологиям и укладам. При этом и Казахстан, и Россия, и Белоруссия остаются независимыми государствами с собственными национальными интересами» [7].

В Республике Беларусь также имеются оппозиционные партии. Можно вести речь об оппозиции Белоруссии, однако не следует забывать о том, что она не является парламентской. Власть в лице А. Лукашенко поддерживает интеграцию на постсоветском пространстве, так как у Белоруссии в настоящий момент очень мало шансов вступить в другие интеграционные объединения. Экономический кризис 2011 г. стал тяжелым ударом для экономики страны, и именно стабилизационные кредиты от Антикризисного фонда ЕврАзЭС помогают выйти из кризиса. По неофициальным данным, более четверти ВВП Белоруссии в 2012 г. обеспечила Россия льготными поставками нефти, газа, иного сырья, преференциями в торговле и т.д. [8].

Однако оппозиционные объединения страны выступают против интеграции. Например, партия Белорусского народного фронта (БНФ) начала в 2011 г. бессрочную кампанию против вхождения Белоруссии в ЕврАзЭС: «Партия выступает против участия Беларуси в таких объединениях, как Союзное государство Беларуси и России, ОДКБ, ЕврАзЭС, Таможенный союз, так как они угрожают национальным интересам Беларуси». В принятом партией специальном заявлении отмечается, что авантюрная и экономически безграмотная политика Лукашенко привела к унижительной сдаче части национального, политического и экономического суверенитета в пользу так называемых наднациональных интеграционных органов, полностью контролируемых Россией [9].

Можно прийти к выводу, что основными противниками евразийской интеграции в Белоруссии являются политические объединения и партии, националистические силы. Но партии не входят в Национальное собрание Белоруссии, националисты действуют ограниченно из-за жесткой цензуры в стране, а значит, реальных сил противодействовать режиму А. Лукашенко и интеграции государства в ЕврАзЭС у противников организации не имеется [10].

В 2007 г. в своей мюнхенской речи Владимир Путин говорил о невозможности наличия однополярной системы в мире: «Односторонние, нелегитимные часто действия не решили ни одной проблемы. Более того, они стали генератором новых человеческих трагедий и очагов напряженности...» [11]. Одним из первых шагов к формированию полюса новой мировой политической системы можно считать создание Евразийского союза.

Вычлняя угрожающие интеграции проблемы, имеет смысл обратить внимание на внешние факторы, так или иначе противодействующие этому процессу уже сейчас. Одним из таких внешних субъектов, которым невыгодно появление Евразийского союза и который уже давно и довольно успешно распространяет свое влияние в регионе, являются Соединенные Штаты Америки. Уровень взаимодействия, имеющийся у Азербайджана, Туркмении и Узбекистана с США в последнее время, дает основание полагать, что США успешно распространяют свое влияние на экономику этих стран.

Угрозой геополитической стабильности в Евразийском регионе со стороны

США является проект «Нового шелкового пути». В одном из главных государств-партнеров США – Туркменистане твердо настаивают на своем решении строить газопровод по дну Каспийского моря в сторону Европы через Азербайджан, Грузию и Турцию. Это будет новое соединение Европы с Азией в обход России, что обеспечит Европу газом, а тем самым уменьшит ее газовую зависимость от России. Таким образом, проект не учитывает законных интересов и прав России в Каспийском море.

Уже сейчас очевидно преимущество нового энергетического пути для стран Средней Азии. Например, Президент Узбекистана Ислам Каримов, приехав в Грузию с официальным визитом, сказал: «По сравнению с другими магистралями дорога через Грузию в два с половиной раза короче и транспортировка грузов обходится дешевле» [12]. Одновременно США планируют увеличить масштабы своего военного присутствия в странах Средней Азии в связи с планомерным выводом войск из Афганистана.

Помимо США в Евразийском регионе имеют свои интересы и другие субъекты: Япония и Китай. Японским правительством также была разработана концепция отношений со странами «Нового шелкового пути», которая называется «Новая евразийская дипломатия». В свою очередь, Китай имеет экономические интересы в Евразийском регионе. Создание Евразийского союза ему невыгодно, так как появляется сильная конкуренция в торговле, а также теряется рынок стран – участников будущего Евразийского союза, в первую очередь ближайшего соседа Китая – Казахстана.

Таким образом, изучив официальный и оппозиционный дискурсы, выявив внешние угрозы интеграции, можно прийти к следующим выводам. Анализ официальных текстов глав государств показал: больше всего амбиций в отношении позиционирования своего государства в ЕврАзЭС проявляет авторитарный лидер Казахстана Н. Назарбаев. В. Путин делает упор на механизмы функционирования ЕЭП, Таможенного союза и ЕврАзЭС, а Россию представляет как локомотив налаживания международных отношений в ЕврАзЭС. А. Лукашенко настроен на активное участие в союзе в первую очередь с Россией и брать на себя большие полномочия в сфере сотрудничества в рамках Евразийского союза считает «риском». Но все лидеры проявляют большие надежды и амбиции на создание Евразийского союза, который мог бы стать альтернативным лидером на мировой политической арене.

Исследование оппозиционного дискурса в Белоруссии, России и Казахстане позволило выявить, кто выступает против интеграции и по каким причинам.

Основными противниками деятельности ЕврАзЭС в Казахстане являются оппозиционные партии, в том числе незарегистрированные. Главная их цель: сплотить казахстанский народ вокруг идеи о потере суверенитета Казахстана, а также усилить влияние набирающего силы явления – казахстанского национализма.

В Белоруссии происходит объединение действующих в стране оппозиционных сил с теми, кто находится в эмиграции. Объединившись, они выступают против режима А. Лукашенко и интеграции с Россией. Евросоюз и США считают основным условием перемен в Белоруссии ликвидацию власти А. Лукашенко.

Анализ выступлений лидеров оппозиционных политических партий Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что оппозиция в России по вопросу ЕврАзЭС действует в консенсусе с Президентом РФ. Наблюдается явная стратегия противопоставления ЕврАзЭС крупнейшим западным международным организациям, таким, как НАТО и Европейский Союз.

Немаловажными являются выявленные внешние факторы, выражающие угрозу деятельности ЕврАзЭС. В обобщенном виде можно заключить, что основными внешними субъектами, которым невыгодно появление в Евразийском регионе мощного наднационального объединения, являются: США (проект «Новый шелковый путь»), Китай (завоевание национальных рынков государств Средней Азии), Япония, страны Средней Азии, попавшие под прямое влияние США.

Таким образом, можно утверждать, что официальные тексты глав государств – членов Евразийского экономического сообщества и Таможенного союза не отражают в полной мере основных рисков и угроз интеграции на постсоветском пространстве. Лишь в дискурсе Президента Белоруссии А. Лукашенко отражается идея возможности для ЕврАзЭС стать важным экономическим и политическим лидером в регионе и соответственно в мире, а также вызвать вытекающую отсюда конфронтацию с западными международными организациями. В дискурсе Президента Казахстана много популистских заявлений и тезисов, что в реальности не совсем отражает действия властей Республики по вопросу ЕврАзЭС. Политическая ситуация в Казахстане и нечеткая позиция его Президента ставят под большое сомнение возможность политической интеграции в рамках ЕврАзЭС. В дискурсе Президента Российской Федерации В. Путина прослеживается четкая ориентация на создание крупного экономического союза в Евразийском регионе, что позволит обеспечить экономическое и политическое лидерство России в регионе.

Таким образом, налицо множество внутренних и внешних факторов, которые тормозят создание Евразийского союза, о котором говорят все лидеры стран Таможенного союза. Противостоят данным антиинтеграционным факторам возможно лишь при стабильности внутри объединения, выяснении позиций каждой из сторон по всем сферам интеграции. Самое важное, что должно быть в официальных дискурсах глав государств, – тезис о сохранении национальных суверенитетов и равноправии при решении вопросов, связанных с деятельностью ЕврАзЭС. Вопрос сохранения суверенитета важен не только для властей, но и для населения Казахстана и Белоруссии. Экономическая привлекательность ЕврАзЭС очевидна, и экономическое сотрудничество уже доказывает свою эффективность. Однако углубление интеграции окажется действенным лишь при согласованных действиях и в других областях общественной жизни: медицине, образовании, культуре. Особое внимание требуется уделять информационной политике, это касается не только публичных выступлений глав государств, но и СМИ каждой из стран-участниц. Цель данных мероприятий – развенчать стереотип о ЕврАзЭС как о новом Советском Союзе. Плодотворный экономический союз, подкрепленный союзом среди населения, по-настоящему способен стать объединением, которое принесет пользу и государствам и народам, в них проживающим.

Библиографический список

1. *Митрохина Т.Н.* Политический анализ. Саратов, 2007.
2. *Назарбаев Н.А.* Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 25 окт.
3. *Лукашенко А.Г.* О судьбах нашей интеграции // Евразийское экономическое сообщество. URL: <http://www.evrazes-bc.ru>
4. *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт.
5. Запад и Евразийский Союз: глобализм против евразийства. URL: <http://topwar.ru/12751-zapad-i-evraziyskiy-soyuz-globalizm-protiv-evraziystva.html>
6. Оппозиция Казахстана выступает против интеграции с Россией. URL: <http://inotv.rt.com/2013-03-18/Opoziciya-Kazahstana-vistupaet-protiv-integracii>
7. *Гладилин И.* Вопрос о членстве Казахстана в Евразийском союзе еще открыт. URL: <http://www.km.ru/>
8. Постсоветское пространство: прогноз 2013: Белоруссия. URL: <http://dmirix.ru/belarus/postsovetskoe-prostranstvo-prognoz-2013-belorussiya>
9. Оппозиция против Евразийского экономического союза. URL: <http://belaruspartisan.org>
10. *Гулевич В.* Запад атакует ЕврАзЭС силами белорусских националистов. URL: <http://fondsk.ru>
11. Откровенная речь Путина в Мюнхене. URL: <http://stringer-news.com/publication>
12. *Акопян В.* Хватит ли Путину сил? США против Евразийского союза, России, Ирана и Китая. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1459252.html>

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

A.G. Sokolov
Cadets of the Saratov Provincial
Soviet Party School: Historical
and Sociological Analysis

УДК 94(47)''1917/1991''(470.44):316.34/.35
ББК 63.3(2)6(235.54)+60.54

А.Г. Соколов

КУРСАНТЫ САРАТОВСКОЙ ГУБПАРТШКОЛЫ: ИСТОРИКО- СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина ведет отсчет своей истории от созданного в 1922 г. в Саратове Комвуза [1, с. 4]. Однако еще до этого в Саратове началась централизованная подготовка политико-управленческих кадров – в рамках Губернской советской партийной школы (Губсовпартшколы, далее – ГСПШ) [2].

В настоящее время на основании материалов Государственного архива новейшей истории Саратовской области можно составить обобщенный портрет наших земляков, девяносто лет назад «от сохи» пошедших учиться политической науке и практике в той версии, которая существовала в молодом Советском государстве. Источниковой базой исследования послужили 285 опросных листов курсантов, зачисленных летом 1921 г. в Саратовскую ГСПШ [3]. Всего предполагалось поступление в ГСПШ 327 курсантов, однако 38 из них не были допущены до занятий по состоянию здоровья, а четверо – по не указанным в опросных листах причинам.

2013 ● ВЕСТНИК ПАГС 121

Опросный лист представлял собой своеобразную комбинацию собственно опросного листа абитуриента и личного дела курсанта – на нем делались пометки о выдаче курсантских удостоверений, зачислении в тот или иной учебный взвод, убытии из ГСПШ и т.п. Опросный лист содержит 48 вопросов, на которые курсанты должны были давать достаточно краткие (1–3 строки) ответы. Вопросы можно условно поделить на следующие блоки: социально-демографические данные, трудовой опыт и мотивация к учебе, культурно-политическая база знаний курсанта, опыт партийной работы, опыт военной службы, опыт профсоюзной и советской работы.

Общие заметки по заполнению и сохранности опросных листов. Опросные листы курсантов школы, несмотря на то что должны были стать официальными документами, заполнены весьма эклектично. Подразумевалось, что курсанты достаточно грамотны для самостоятельного заполнения листов, но, как минимум, четыре анкеты заполнены делопроизводителем ГСПШ. На многих анкетах имеются сделанные делопроизводителем правки (ввиду малограмотности курсантов).

Чаще всего анкеты заполнены простым карандашом, коричневыми или фиолетовыми чернилами, реже – синими, зелеными, черными или красными чернилами, химическим или синими карандашом. Заполненные простым карандашом опросные листы сильно выцвели, то же касается и отдельных заполненных чернилами анкет. Клякс нет, но почерк заполнявших опросные листы курсантов нередко совершенно неразборчив вследствие малограмотности и слабостью привычки к письму, а также плохих перьев и карандашей. Часть записей в отдельных опросных листах нечитабельна. Степень заполненности опросных листов варьируется от указания имени и фамилии до развернутого ответа на все 48 вопросов даже тогда, когда отвечать на них нечего.

Социально-демографические характеристики курсантов ГСПШ. Среди курсантов, начавших в 1921 г. свое обучение в ГСПШ, большинство – мужчины. Только 27,7% будущих советских и партийных работников были женщинами. Курсанты были преимущественно молодыми: средний возраст – 20 лет, учащиеся старше 30 лет составляли меньше 4%. Самой старшей курсантке ГСПШ, Анне Антиповой, было 36 лет [3, д. 558, л. 1], самому младшему, Александру Лапкину, только 14 лет [3, д. 560, л. 103].

Большинство курсантов не обременены собственной семьей: холостяки и девицы составляли в сумме 76,1%, остальные были семейными, и только один 29-летний курсант указал, что он вдовец. В опросном листе требовалось указать свое сословие до революции. Часть курсантов (14,7%) этого не сделали; 58,6% причисляли себя к крестьянам; 17,9% – к рабочим и мастеровым; 5,3% – к мещанам; 2,5% – к служащим; 1,1% – к высшим сословиям (двое потомственных почетных граждан и одна дворянка).

В ГСПШ были зачислены курсанты 11 национальностей. Больше всего оказалось русских – 78,9% всех зачисленных (многие в графе «национальность» указывали «православный» или «христианин»); 5,6% курсантов были украинцами (малороссами, как тогда было принято говорить); 5,3% – татарами (иногда писали просто «мусульманин»); 4,6% – мордвинами. Представители остальных национальностей – немцы, армяне, чуваша, белорусы, поляки, евреи, эс-

тонцы – составили в сумме 3,4% курсантов этого набора. В 2,5% опросных листов не была указана национальность заполнившего.

Занятость и карьерные ожидания первого набора курсантов. Только в 246 из 285 опросных листов указан род занятий курсантов: больше всего было крестьян – 23,9%; низкоранговых служащих (канцеляристы, письмоводители, делопроизводители) – 19,3%; квалифицированных рабочих (механики, токари, электротехники) – 7,7%. Остальную массу составляли занятые в легкой промышленности кустари (портные, сапожники), работники связи и печатного дела (телеграфисты, телефонисты, наборщики), чернорабочие, учителя и т.д.

Курсанты направлялись на учебу различными организациями. Четверть курсантов прибыли от волостных, уездных и районных комитетов РКП(б); 10,1% – с военной службы (из самых разнообразных частей – от проверенной подавлением Кронштадтского восстания 27-й Омской стрелковой дивизии [3, д. 560, л. 85] до 3-й отдельной штрафной роты [3, д. 560, л. 154]); 8,1% – из других учебных заведений (преимущественно Покровской уездной совпартшколы); 5,6% – от различных ячеек КСМ; 5,2% – по направлению губернского комитета РКП(б); по 4,2% – с производства и из органов безопасности (милиция и территориальные органы ВЧК). Несколько курсантов добились зачисления в школу по собственному желанию, без направлений.

Карьерные ожидания курсантов не отличались особым разнообразием: 14% курсантов хотели продолжать получать общее, специальное или политическое образование; по 9,5% предполагали подождать до конца обучения, чтобы посмотреть, к чему они окажутся пригодны, или же работать в сфере политики; 7,4% желали бы вернуться на прежнее место работы; 3,5% зачисленных хотели быть направленными на административные должности; 3,2% – работать в сельском хозяйстве; 2,8% – в культурно-просветительской сфере; 2,5% – в кооперации; 1,8% – на советской работе; 3,1% курсантов желали перевестись в другие регионы. Попадались и более оригинальные карьерные планы: так, 29-летний беспартийный крестьянин Алексей Кабанов, участник Первой мировой и Гражданской войн, зачисленный в ГСПШ по собственному заявлению, хотел быть направленным «в жалкое темное село или деревню, где не знают истории жизни» [3, д. 560, л. 79], а 18-летний коммунист Николай Макаров, работавший в отделе связи Саратовского губисполкома надсмотрщиком телеграфа, просил направить его «куда угодно, только не в отдел связи» [3, д. 560, л. 142].

Культурный уровень и политическая грамотность курсантов ГСПШ. Образовательный уровень курсантов был в целом невысок. Большинство из них (41,1%) указали, что имеют законченное начальное образование (церковно-приходскую или сельскую школу, высшее начальное училище, хотя эти заведения давали образование между начальным и средним); 22,5% курсантов не имели даже полного начального образования, отучившись 1–2 года (а чаще – только зимы) в сельской школе; 1,8% курсантов читать и писать учились самостоятельно; 1,1% вообще были при поступлении неграмотными; 2,1% курсантов – татар и поляков – получили начальное образование на родном языке, в результате чего по-русски были малограмотны.

Законченным средним образованием (в рамках реального училища, гимна-

зии или новой единой трудовой школы) могли похвастать только 3,2% первого набора ГСПШ, еще 14% курсантов оставались с незаконченным средним образованием (некоторые еще учились к моменту зачисления в ГСПШ). Только 1,4% всех курсантов имели профессиональное образование – технические вечерние курсы [3, д. 559, л. 48], курсы механиков [3, д. 561, л. 55] и т.п. Высшего образования ни у кого не было.

Большой начитанностью курсанты похвастаться не могли. Около трети указали в опросных листах, что вообще никаких книг не читали. Самыми читаемыми из отмеченных оказались классики русской литературы: А.С. Пушкин (указали 23,2% курсантов), Л.Н. Толстой (19,6%), Н.В. Гоголь (12,6%), М.Ю. Лермонтов (10,9%). Достаточно много читали Н.А. Некрасова, А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева и М.А. Горького. Встречались даже читавшие Г. Гегеля и Ч. Дарвина. Всего в списке знакомых курсантам писателей – 61 фамилия.

Примерно то же положение было и с театром. Большинство (71,9%) курсантов признавали, что видели хотя бы одну пьесу, при этом среди них были как профессиональные актеры, так и несколько актеров-любителей. Самым популярным спектаклем, видимо, можно считать «Савву» Л. Андреева (упомянут в 9,5% анкет). На втором месте – «Безработные» украинского драматурга М. Ирчана (пьесу видели 4,3% курсантов). На третьем месте – «Бедность не порок» А.Н. Островского (упомянули 3,9%).

Газеты курсанты читали чаще, чем книги: 82,1% курсантов хоть изредка, но читали те или иные печатные издания. Среди наиболее упоминаемых в опросных листах – «Известия» центрального, губернского и уездных изданий (46,7% курсантов), «Беднота» (21,8%), «Правда» (13,7%); кроме того – камышинский «Набат», петровский «Коммунист», армейские издания и татарский «Ялкон».

Почти треть курсантов начали читать газеты в революционный 1917 год. До революции прессой интересовались лишь 2,5% курсантов, хотя, например, 32-летняя Ольга Рождественская газеты читала еще с времен революции 1905 г. [3, д. 561, л. 97]. Начали интересоваться печатным словом только в 1921 г. 8,6% курсантов, а 17-летняя Агрипина Ариничева указала, что стала читать газеты, только «как поступила в Губпартшколу» [3, д. 558, л. 23].

Лишь чуть больше трети (36,1%) курсантов отметили, что читали какую-либо литературу по общественным вопросам. Назывались работы Ленина, Троцкого, Бухарина, но в единичных случаях. При этом курсантам предлагалось перечислить прочитанное из «обязательного минимума» коммунистической литературы. В него входили брошюра Ш. Дикштейна «Кто чем живет», «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Эрфуртская программа» СДПГ К. Каутского, книга К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса», книга Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского «Азбука коммунизма», брошюра Н.И. Бухарина «Программа коммунистов (большевиков)», Программа РКП, принятая на VIII съезде партии в 1919 г. 50,2% курсантов отметили, что хоть что-то из этого списка они прочитали или хотя бы начали читать. Судя по всему, около 15% курсантов не понимали, что такое «литература по общественным вопросам», не выбрав ничего из предложенного минимума. Степень зна-

комства с трудами марксистов у курсантов разнообразная – от «читал всякие, но не усвоил и другим не могу объяснить» [3, д. 561, л. 79] до «всё и многое другое» [3, д. 560, л. 95]. Знакомы с программой хотя бы одной политической партии 36,5% курсантов; 18,2% – знакомы с Программой РКП (б); 4,9% – с программой меньшевиков; 4,2% – с программой социалистов-революционеров; 3,9% – с анархистским учением. Примечательно, что 3,5% курсантов считали Российский коммунистический союз молодежи отдельной партией.

Общественно-политическая активность курсантов ГСПШ. Более-менее регулярно участвовали в различных митингах, профсоюзных и партийных собраниях 80% курсантов; 25,6% курсантов имели опыт выступлений на подобных мероприятиях хотя бы на уровне местной партийной ячейки. Двадцатилетний курсант Валентина Долганова, например, «выступала [на собраниях] до 200 человек перед рабочей молодежью и крестьянством» [3, д. 559, л. 15 об]; 29,8% курсантов хотя бы раз в жизни председательствовали на собраниях.

До поступления в ГСПШ в культурной и политической просветительской работе в рамках различных кружков и уездных партшкол участвовали 41,4% курсантов. Вели эти кружки и занимались прочей активной просветительской работой 20,7% курсантов; 3,9% курсантов занимались творчеством: писали рассказы, стихи (в том числе политические), статьи в газеты, и по большей части их творчество было опубликовано (преимущественно в районных и уездных изданиях, но иногда и в губернских «Известиях»).

Состояли в РКП(б) 36,8% курсантов, еще 15,1% были кандидатами в члены партии, а 6,7% состояли в РКСМ. Только трое курсантов оказались ранее как-то связаны с другими партиями: 23-летний железнодорожный телеграфист Дмитрий Ефремов весной – летом 1917-го был членом социал-демократической партии (эсдеков) [3, д. 559, л. 74 об]; 35-летний приказчик Петр Попович до революции «посещал кружок социалистической партии» (неясно какой – эсеров или эсдеков) [3, д. 561, л. 38 об]; и 23-летний железнодорожный рабочий Генрих Панек, до того как покинул польскую армию, состоял в «Польской организации войсковой» и «Скаутах» [3, д. 561, л. 55 об].

Средний партийный стаж курсантов насчитывал около года с четвертью. Единственным указавшим дореволюционный партийный стаж (с 5 июля 1917 г.) был упомянутый Дмитрий Ефремов, еще двое курсантов вступили в партию во время Октябрьской революции 1917 г. Несколько курсантов, как, например, 18-летняя Евдокия Коробнова, получили партбилеты непосредственно перед зачислением в ГСПШ [3, д. 559, л. 76 об].

Незначительная часть курсантов (2,5%) указали, что подвергались репрессиям за свои политические убеждения. Так, Дмитрий Ефремов «в 1919 при Деникине был осужден к вечной каторге» [3, д. 559, л. 74 об], 20-летняя Мария Кустова «со стороны банды Носаева – ранена» [3, д. 560, л. 49 об], а также Генрих Панек «в Польше [пробыл] 1,5 месяца под военным судом за агитацию – бежал» [3, д. 561, л. 55 об].

Примечательно, что 30,2% курсантов вели ту или иную партийную работу. Они занимали должности секретарей партийных ячеек на производстве, в армии и по месту жительства, работали инструкторами уездных и районных комитетов

партии, возглавляли местные, волостные и уездные комитеты партии, были армейскими политруками и комиссарами, заведовали женотделами, вели агитацию.

Участие курсантов ГСПШ в Первой мировой и Гражданской войнах. Определенная часть курсантов имели опыт участия в Первой мировой («империалистической», как ее тогда называли) войне. Таких в рассматриваемом наборе ГСПШ насчитывалось 13,7%, при этом один курсант имел опыт командования ротой, а трое – взводом.

Гораздо больше курсантов имело опыт Гражданской войны. В ней принимало участие 38,2% зачисленных в ГСПШ, при этом 2,1% курсантов участвовали в боях Гражданской вне рядов Красной армии. 17,5% участников Гражданской застало лишь борьбу с бандами в 1921 году – часть курсантов, например, участвовала в борьбе с «бандой Попова» в Баландинском районе Саратовской губернии. Пятеро курсантов занимали те или иные командные должности, восемь по должности занимались в армии политработой.

8,1% курсантов занимали в армии выборные должности – в том числе в период существования полковых комитетов в 1917 году. 13,3% занимались агитацией и пропагандой – организовывали первичные партийные ячейки, вели с однополчанами беседы на политическую тематику, коллективно читали агитационную литературу и т.д.

Профсоюзная и советская работа курсантов. Чуть меньше половины курсантов (44,2%) на момент зачисления в ГСПШ или до того состояли в каком-либо из многочисленных профсоюзов первых послереволюционных лет. Некоторые – например 17-летний электротехник из саратовской губмилиции Николай Журлов – указали, что состояли в нескольких профсоюзах [3, д. 559, л. 87]. При этом почти все курсанты в профсоюзах находились на положении рядовых членов. Только 25-летний крестьянин из Александрова Гая Иван Бирюков указал, что он является председателем волостной профсоюзной организации [3, д. 558, л. 52].

Больше трети (37,2%) курсантов указало, что имеют тот или иной опыт советской работы. 16,5% работали в советах по назначению, 13,7% занимали различные выборные должности в советах, 10,5% работали в органах советской власти по найму. Среди занимавших выборные должности большинство были рядовыми членами сельских и городских советов, встречались секретари и председатели сельсоветов.

Судьба курсантов ГСПШ. На некоторых опросных листах имеются пометки, рассказывающие о судьбе курсантов ГСПШ. Часть из них касается учебы в школе (распределение по взводам, выдача курсантского удостоверения и т.д.), а часть – путей выхода из школ.

Наиболее благоприятной для курсантов была запись: «Окончил(а) IV сессию, откомандирован(а) в Москву на методические курсы». Таких в этом наборе набралось 14 человек, или 4,9% всех курсантов. Вдобавок один из курсантов, 19-летний крестьянин из Тепловки Дмитрий Бекетов, изъявивший желание «закончить свое образование», был направлен в 3-ю железнодорожную школу специалистов [3, д. 558, л. 43].

Значительная часть курсантов была откомандирована по месту предыдущей

работы (службы) или в распоряжение Саратовского губкома РКП(б) – чаще всего без уточнения причин и времени откомандирования. Таких в первом наборе набралось 37,9%. Некоторые из этих курсантов были по тем или иным причинам отчислены, другие – не могли продолжать учебу из-за необходимости пребывания на иной работе.

Пятеро курсантов во время учебы отчислены по состоянию здоровья; восемь – из-за того, что уже после зачисления изъявили нежелание учиться в партшколе, при этом двое отчисленных начальником ГСПШ Щербяевым охарактеризованы как недостойные членства в РКСМ и РКП(б). Примечательно заявление на имя начальника школы, которое написал с просьбой об исключении один из разочарованных курсантов, 25-летний политрук из 27-й Омской стрелковой дивизии Первой конармии Станислав Пахмутов (орфография и пунктуация оригинала сохранены): «Прошу вашего распоряжения об откомандировании нас в свою часть т-е в Первую Конармию ввиду того что мы кавалеристы и у нас нет никакого желания к парткурсам а желательно на командирские кавкурсы. К тому же у нас отсутствует обмундирование каковое мы в части получили. Просим принять во внимание» [3, д. 561, л. 51].

Исключены из ГСПШ 16,8% курсантов, при этом не всегда указывалась причина исключения; 13 человек отчислены за дезертирство из школы, один – за мелкую кражу.

Подводя итоги исследования, можно составить обобщенный портрет курсанта Саратовской ГСПШ 1921 г.

Это мужчина примерно 20 лет, холостяк, русский, из крестьян. Образование – начальное. Читал Пушкина и Льва Толстого, регулярно читал «Известия», ходил в театр. Какую-то литературу по общественно-политическим вопросам читал, с Программой РКП(б) хотя бы поверхностно был знаком.

На учебу направлен местным или волостным комитетом партии. Ходил на митинги и собрания, но не выступал на них. Участвовал в работе культурно-просветительских кружков. В РКП(б) состоял около года, партийной работой занимался в лучшем случае на низовом уровне. Состоял в профсоюзе, имел некоторый опыт советской работы. Заявил об участии рядовым в Гражданской войне, но скорее всего имел в виду борьбу с «бандами» в родном уезде. По окончании школы откомандирован в распоряжение губкома партии в своеобразный «кадровый резерв».

Конечно, из этого портрета существовало много исключений. Судьбы курсантов Саратовской ГСПШ разнообразны, и их нельзя свести к единому образцу. Даже спустя 92 года, на основании проанализированных опросных листов, можно воссоздать лишь отдельные индивидуальные их черты и то, что их объединяло, – желание получать новые знания в области политики и управления. Аналогичное стремление почти век спустя присуще и студентам Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.

Библиографический список

1. Аяцков Д.Ф. Подготовка управленческих и партийных кадров в Саратове: от Комвуза до Президентской академии // Вестник ПАГС. 2012. № 3.

2. Абакумов О.Ю. Создание и деятельность Саратовской губернской совпартшколы // Вестник ПАГС. 2013. № 4.
3. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 558–562.

О.М. Alekhina
All-Russian Scientific
and Practical Conference
“Mechanism of Free Legal
Assistance in the Russian
Federation: State and
Perspectives of Development”
(Tambov, Administration
of the Tambov Region, Tambov
Second Branch of the Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public
Administration; June 20, 2013)

УДК 34
ББК 67

О.М. Алехина

Всероссийская научно-практическая конференция «Механизм оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: состояние и перспективы развития» (г. Тамбов, Второй Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 20 июня 2013 г.)

В работе конференции приняли участие более ста тридцати человек из разных регионов Российской Федерации, в том числе Москвы, Саратова, Тамбова, Липецка, Белгорода, Махачкалы, Таганрога и других. Плениарное заседание конференции проходило в формате дискуссионной панели и транслировалось в режиме видеоконференции в районы Тамбовской области.

Модератор заседания – **О.М. Алехина**, заведующий кафедрой частного права Второго Тамбовского филиала РАНХиГС, руководитель направления деятельности филиала по оказанию бесплатной правовой помо-

щи, кандидат юридических наук, доцент, член Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». В своем вступительном слове она обосновала необходимость проведения данной конференции. О.М. Алехина, в частности, отметила, что наличие эффективной системы оказания бесплатной юридической помощи населению является одним из условий формирования правового государства. Данная система входит в правозащитный механизм Российской Федерации, деятельность которого базируется на конституционном принципе ценности прав и свобод человека и гражданина. Таким образом государство создает дополнительные гарантии правовой защищенности граждан, способствует повышению правовой грамотности и культуры населения. По этой причине конференция организована в год 20-летия принятия Конституции РФ.

К присутствующим с приветственным словом от имени главы администрации Тамбовской области О.И. Бетина обратился его заместитель – **Н.Д. Горденков**, подчеркнув важность и актуальность данного мероприятия. Конференция, по его мнению, призвана стать площадкой, объединяющей юридическое сообщество России, правоприменительные и правозащитные органы, социально ориентированные некоммерческие организации в целях обмена опытом деятельности по оказанию бесплатной юридической помощи и разработки рекомендаций по ее совершенствованию. Н.Д. Горденков поблагодарил вуз за инициативу проведения Всероссийской научно-практической конференции и высокий уровень ее организации.

В своем выступлении директор Второго Тамбовского филиала РАНХиГС кандидат экономических наук, доцент **Н.В. Логвин** подчеркнула, что в соответствии с Конституцией РФ основные направления государственно-правовой и социальной политики в России определяет Президент РФ В.В. Путин. В связи с этим Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и ее филиалы призваны выступать в качестве научной арены для анализа, внедрения и реализации инновационных проектов и стратегических целей, поставленных главой государства. Оказание бесплатной юридической помощи предусмотрено Основами государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденными Президентом РФ 4 мая 2011 г.

Н.В. Логвин отметила, что филиал в Тамбове с 2009 г. осуществляет деятельность по оказанию бесплатной юридической помощи социально незащищенным гражданам и лицам, имеющим ограниченные возможности здоровья. При организации данной работы Тамбовский филиал использовал позитивный опыт Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, где существует юридическая клиника, которую курируют преподаватели кафедры теории права. Она поблагодарила участников конференции, выразивших заинтересованность в обсуждении актуальных вопросов оказания бесплатной юридической помощи в России и регионе.

Указом Президента РФ от 25 мая 2012 г. № 742 в качестве уполномоченного федерального органа исполнительной власти в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью названо Министерство юстиции РФ. Исхо-

дя из этого, начальник Управления Министерства юстиции РФ по Тамбовской области **А.В. Турецких** представил детальный анализ основных полномочий территориальных органов юстиции в рассматриваемой сфере, определил их роль и значение с точки зрения функционирования механизма взаимодействия между участниками государственной и негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи.

А.В. Турецких в своем докладе охарактеризовал основные тенденции формирования федерального и регионального законодательства в области оказания бесплатной юридической помощи и проанализировал возможные модели ее организации в субъектах РФ. Он представил правовую позицию Управления Министерства юстиции РФ по Тамбовской области по вопросу создания в регионе Государственного юридического бюро, указав на преимущества данной формы осуществления бесплатной юридической помощи. Выступающий определил перспективные направления дальнейшей работы органов юстиции в указанной области, в том числе совершенствование законодательства, подготовку проектов программ и планов развития системы оказания бесплатной юридической помощи, разработку единых требований качества оказываемой помощи, определение форм контроля за соблюдением профессиональной этики и иные.

Проблема отсутствия эффективного взаимодействия участников системы бесплатной юридической помощи поставлена в выступлении **Р.В. Зелепукина**, руководителя аппарата Тамбовского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». Докладчик рассматривает проблематику консолидации юридического сообщества как вектор развития бесплатной юридической помощи в деятельности Ассоциации юристов России. В ходе своего доклада Р.В. Зелепукин поделился опытом деятельности Тамбовского регионального отделения Ассоциации по оказанию бесплатной юридической помощи населению Тамбовской области, привел статистические сведения, отражающие динамику обращений граждан, а также представил их предметно-родовую характеристику. Он позитивно оценил систематическое проведение Единых дней оказания бесплатной юридической помощи, в организации которых совместно с другими субъектами принимает участие и Второй Тамбовский филиал РАНХиГС, а также сотрудничество с муниципальными библиотечными учреждениями Тамбовской области. В помещениях поселковых библиотек установлены веб-камеры и другие средства коммуникации, с помощью которых юристами Ассоциации эффективно осуществляется устное юридическое консультирование граждан, проживающих в отдаленных районах области. В день приема общее количество обращений граждан в среднем достигает семидесяти и более, что объективно отражает потребность населения в получении юридических консультаций.

Уполномоченный по правам ребенка в Тамбовской области кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **Е.Л. Таможник** в своем выступлении указал, что Российское государство сегодня создает новые структуры по защите прав и законных интересов субъектов гражданско-

го общества. Правозащитный механизм современного государства включает институт уполномоченных. Он аргументировал вывод о том, что одной из самых уязвимых с правовой точки зрения категорий граждан продолжают выступать в России несовершеннолетние дети. Е.Л. Таможник осветил проблемные вопросы соблюдения прав и законных интересов детей в Тамбовской области, проанализировал итоги работы аппарата Уполномоченного, привел примеры и статистические данные, а также охарактеризовал взаимодействие Уполномоченного по правам ребенка в Тамбовской области с органами государственной власти и местного самоуправления при решении конкретных проблемных ситуаций. Докладчик сформулировал предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего порядок реализации отдельных полномочий, предоставленных Уполномоченному по правам ребенка в субъектах РФ.

Практическая направленность обсуждения была продолжена в докладе первого заместителя начальника правового управления администрации Тамбовской области **А.В. Чекмарева**. Он указал, что вступивший в силу с 15 января 2012 г. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» заложил основы правового регулирования отношений, связанных с ее оказанием, а также организационно-правового обеспечения реализации права граждан на ее получение. Докладчик акцентировал внимание участников конференции на проблемных вопросах реализации Федерального закона и аргументировал необходимость совершенствования ряда его правовых норм, а также нормативных правовых актов субъектов РФ, принятых на его основе. В их числе была названа острая проблема финансирования и компенсации расходов лицам, оказывающим бесплатную юридическую помощь, так как в силу позиции законодателя это является расходным обязательством субъектов РФ. Учитывая различные финансовые возможности регионов, в некоторых из них реализация на практике конституционного права гражданина на получение юридической помощи является непоследовательной, что в свою очередь может повлечь нарушение конституционного принципа юридического равенства российских граждан.

Положения законодательства о бесплатной юридической помощи исполняются в Российской Федерации на трех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном. В это контексте муниципальный аспект взаимодействия органов местного самоуправления с третьим сектором городского сообщества Тамбова по оказанию юридической помощи населению на безвозмездной основе осветил глава города Тамбова **А.В. Кондратьев**. Он отметил значительный опыт работы общественных приемных и студенческих правовых бюро, действующих максимально приближено к населению при советах территорий микрорайонов Тамбова. Они организованы при тесном взаимодействии и сотрудничестве управления по связям с общественностью администрации города с тамбовскими вузами, в том числе Вторым Тамбовским филиалом РАНХиГС. Кроме того, студентка данного вуза О. Щербинина, обучающаяся по специальности «Юриспруденция», представляет юридическую клинику филиала и входит в молодежный совет при главе города Тамбо-

ва. А.В. Кондратьев обратился к студенческой молодежи, принимающей участие в работе конференции и непосредственно оказывающей правовую помощь населению, со словами благодарности и пожеланиями профессионального роста, реализации всех творческих инициатив, ответственного отношения к данной деятельности и успехов.

Вопросы реализации положений федерального и регионального законодательства в сфере оказания бесплатной юридической помощи актуальны не только для областного центра, но и для всех без исключения муниципальных образований Тамбовской области. Диалог продолжил председатель Ассоциации «Совет муниципальных образований Тамбовской области», глава города Уварова **А.Ю. Кузнецов**. Он обозначил проблемы и перспективы участия органов местного самоуправления в процессе оказания бесплатной юридической помощи. В качестве наиболее острых вопросов названы недостаточность квалифицированных кадров, готовых в периферийных отдаленных территориях оказывать бесплатную юридическую помощь, отсутствие широких финансовых возможностей для ее организации и другие. Тем не менее в муниципальных образованиях Тамбовской области наработан определенный опыт деятельности по оказанию бесплатной юридической помощи. При этом, отдельные муниципалитеты стали первопроходцами в данной сфере и заняли активную позицию, проявив инициативу еще до принятия Федерального закона № 324-ФЗ.

Председатель областного координационного совета по правовой культуре населения кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **В.В. Назаров** акцентировал внимание на проблеме правовой культуры населения России. По его мнению, острая потребность в оказании бесплатной правовой помощи тесно связана с уровнем правовой грамотности наших граждан, наличием дефектов их правового сознания, а также важностью мер правового просветительского характера. Повышение правовой культуры требует комплексного подхода, причем это касается не только граждан, обращающихся за юридической помощью, но и лиц, ее оказывающих. В качестве проблемы он назвал отсутствие специального законодательного режима уровня культуры, а также требований профессиональной этики оказания услуг к участникам системы бесплатной юридической помощи. Так, Кодекс профессиональной этики адвоката, принятый Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г., распространяет свое действие на адвокатское сообщество, однако аналогичные правила для других участников государственной и негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи отсутствуют, хотя объективно необходимы.

Председатель коллегии адвокатов Тамбовской области **Д.В. Кислинский** поддержал коллегу. Он отметил, что законами субъектов РФ в соответствии с ч. 2 ст. 15 Федерального закона № 324-ФЗ адвокаты могут наделяться правом участвовать в государственной системе бесплатной юридической помощи. Однако в России нет единого подхода к решению данного вопроса, и каждый субъект РФ самостоятельно выбирает приемлемую для него модель. В Тамбовской области деятельность адвокатов, многие из которых осуществляют данную деятель-

ность фактически на безвозмездных началах, не входит в государственную систему оказания бесплатной юридической помощи. Законом Тамбовской области от 1 марта 2013 г. № 248-З внесены изменения в региональный Закон Тамбовской области № 188 «Об организации оказания бесплатной юридической помощи отдельным категориям граждан в Тамбовской области» и принято решение о создании государственного юридического бюро. Однако, по мнению Д.В. Кислинского, только для адвокатуры оказание юридической помощи составляет основную цель деятельности, осуществляемой на профессиональной основе, имеющей признак квалифицированности, в связи с чем адвокатуру следует признать в федеральном законе в качестве обязательного участника государственной системы оказания бесплатной юридической помощи.

Данное предложение стало предметом дискуссии, в которой приняли участие **А.В. Турецких**, начальник Управления Министерства юстиции РФ по Тамбовской области, и **А.В. Игнатов**, начальник управления по организации деятельности мировых судей Тамбовской области, представивший раздаточный материал, отражающий результаты мониторинга осуществления бесплатной юридической помощи в Тамбовской области. Выступившие обосновали целесообразность создания в Тамбовской области Государственного юридического бюро. В процессе обсуждения участники конференции пришли к выводу о том, что, выстраивая модель законодательного регулирования бесплатной юридической помощи и формируя практику ее осуществления, необходимо принимать во внимание научные разработки и комплексные теоретико-правовые исследования, осуществляемые современными учеными.

Выступление почетного гостя конференции, представителя саратовской научной школы права – заведующего кафедрой теории права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ **О.И. Цыбулевской** было посвящено теоретико-правовым аспектам категории «юридическая помощь». Отмечалось, что юридическая помощь как правовая категория не получила должной общетеоретической разработки; недостаточно исследованы понятие, природа данного социально-правового феномена, его связи с другими правовыми явлениями. По мнению О.И. Цыбулевской, понимание правовой помощи как вида властной юридической деятельности нуждается в корректировке. Она указала на проблемы существующего правового режима квалифицированной юридической помощи и бесплатной юридической помощи, а также отсутствие единых квалификационных требований к качеству ее оказания. О.И. Цыбулевская считает, что юридические услуги, требующие специальных знаний и навыков в не меньшей мере, чем иные профессиональные услуги (медицинские, банковские, страховые и др.), зачастую остаются вне правового контроля. Она привела примеры международных актов, содержащих общепризнанные принципы и стандарты, предполагающие квалифицированный характер юридической помощи. В своем докладе О.И. Цыбулевская указала основные компоненты, входящие в понятие «клиническое юридическое образование», и определила его роль с точки зрения профессиональной подготовки и нравственно-правового воспитания студентов.

Опытom осуществления клинического юридического обучения поделился с участниками конференции **П.А. Зеленский**, руководитель центра правовой помощи населению Поволжского института управления им. П.А. Столыпина кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой теории права. Сопровождая свое выступление презентацией, он представил историческую справку о создании в вузе юридической клиники; указал статистические данные, отражающие результаты ее многолетней работы, а также используемые формы, методы и технологии оказания правовой помощи населению Саратовской области. Было отмечено, что новый характер деятельности с социально незащищенными гражданами, принципиально отличающейся от традиционного учебного процесса, работа требуют разработки и внедрения новых методик подготовки как преподавателей, работающих в клинике, так и студентов.

Предложение коллеги поддержала модератор заседания, заведующий кафедрой частного права Второго Тамбовского филиала РАНХиГС кандидат юридических наук, доцент **О.М. Алехина**. Она подвела итоги работы студентов и преподавателей Второго Тамбовского филиала РАНХиГС по оказанию бесплатной юридической помощи населению, представив раздаточный материал и тематический буклет, а также поблагодарила органы государственной власти и местного самоуправления, с которыми сотрудничает филиал по данному направлению, в том числе администрацию Тамбовской области, Управление Министерства юстиции РФ по Тамбовской области, управление по организации деятельности мировых судей Тамбовской области, администрацию города Тамбова и Тамбовское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

Было признано целесообразным распространение технологии клинического (практического) обучения юристов и осуществление специальной подготовки преподавателей для работы в юридических клиниках, в связи с чем предложено создать методические центры для групп регионов России в рамках федеральных округов. Участники конференции убеждены в необходимости развития клиник как относительно самостоятельной формы высшего юридического образования и правового воспитания студенческой молодежи с поэтапным внедрением клинического обучения в модернизируемую систему образования и формированием единого подхода к его организации в России.

В заключение состоялся обмен мнениями участников конференции по наиболее острым вопросам. В ходе дискуссии выступили: заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ТГУ им. Г.Р. Державина доктор юридических наук В.Г. Баев; директор ТОГКУ «Государственное юридическое бюро Тамбовской области» А.И. Баранов; заместитель директора Второго филиала РАНХиГС кандидат психологических наук, доцент А.А. Головина; директор «Студенческой правовой приемной ТГТУ» А.А. Долгов; начальник отдела общественных связей и информации Тамбовской городской Думы Г.Н. Иванова; заместитель начальника управления культуры Тамбовской области В.И. Ивлиева; заведующий кафедрой теории и истории государ-

ства и права, руководитель юридической клиники Саратовского государственного социально-экономического университета кандидат юридических наук, доцент Т.В. Касаева; декан юридического факультета ТФ НОУ ВПО «РосНОУ», руководитель юридической клиники «Правовед-РосНОУ» кандидат юридических наук И.М. Максимова; заместитель декана юридического факультета ТГТУ, куратор юридической клиники «Студенческая правовая приемная ТГТУ» кандидат исторических наук, доцент Р.Л. Никулин; генеральный директор некоммерческого партнерства «Центр правовой помощи» О.В. Плотникова; начальник отдела по взаимодействию с общественностью и организацией социокультурной деятельности управления по связям с общественностью администрации города Тамбова А.В. Слюняев и другие.

Активное участие в работе конференции (формулирование вопросов к докладчикам, обсуждение резолюции) приняли члены профессорско-преподавательского состава Второго Тамбовского филиала РАНХиГС, в том числе доцент кафедры государственного и муниципального управления кандидат педагогических наук А.Г. Гриднев; декан факультета государственного управления и права кандидат юридических наук, доцент М.Ю. Дворецкий; заместитель директора кандидат юридических наук, доцент Н.К. Краснослободцева; преподаватель кафедры частного права Е.М. Нестерова; старший преподаватель кафедры публичного права Е.В. Кондратьева; доцент кафедры публичного права кандидат юридических наук А.Н. Попов и другие.

В ходе работы конференции состоялась презентация монографии, подготовленной старшим преподавателем кафедры публичного права Второго Тамбовского филиала РАНХиГС **Е.В. Кондратьевой** – «Юридическое клиническое образование как форма нравственно-правового воспитания в условиях формирования гражданского общества в России» – под редакцией О.И. Цыбулевской.

Все принявшие участие в обсуждении получили сертификат участника конференции. По итогам работы Всероссийской научно-практической конференции «Механизм оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: состояние и перспективы развития» была принята резолюция, изложившая предложения участников конференции. Она передана в Министерство юстиции РФ для дальнейшего рассмотрения с целью совершенствования российского законодательства в соответствии с тематикой конференции.

Как итог был сформулирован общий вывод: в новых социально-экономических условиях важнейшим направлением деятельности федеральных и региональных органов государственной власти должна стать эффективная реализация государственной политики в области обеспечения конституционного права граждан на бесплатную юридическую помощь, а также создание в России целостного механизма ее осуществления.

T.V. Milusheva
We Present the Civil Law
and Proceedings Chair of
Stolypin Volga Region Institute
of Administration of the Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public
Administration

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ КАФЕДРУ
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
И ПРОЦЕССА
Поволжского института
управления имени
П.А. Столыпина – филиала
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ**

Кафедра гражданского права и процесса является преемником кафедры трудового, земельного и экологического права, основанной 27 марта 2001 г. и возглавлявшейся кандидатом юридических наук, доцентом О.А. Ляпиной. В настоящее время руководит кафедрой доктор юридических наук, доцент Т.В. Милушева.

Эффективное развитие кафедры в полной мере определяется научным и педагогическим потенциалом ее кадрового состава. На кафедре сегодня работают девять штатных преподавателей, из которых двое имеют ученую степень доктора юридических наук и пятеро – степень кандидата юридических наук. Кроме штатных преподавателей к учебному процессу привлекаются совместители, имеющие опыт правоприменительной практики (директор центра правового и медийного обеспечения, начальник юридического отдела кандидат юридических наук, доцент О.А. Ляпина, руководитель правового департамента ООО ЦПТ «Юрком» кандидат юридических наук, доцент Д.В. Храмов, помощник нотариуса кандидат юридических наук, доцент Г.В. Фадеева и др.).

Основная цель деятельности кафедры состоит в обеспечении высокого уровня профессиональной подготовки студентов и слушателей – квалифицированных специалистов в области юриспруденции, конкурентос-

пособных на рынке труда. Магистральным направлением функционирования кафедры в рамках учебно-методической работы выступает организация процесса обучения, сбалансированно сочетающего фундаментальную теоретическую подготовку с ясно выраженной практической направленностью. Преподаватели кафедры творчески подходят к формированию учебных программ, авторских курсов (кафедра является выпускающей по гражданско-правовой специализации и гражданско-правовому профилю) с учетом интересов студентов, требований работодателей, уровня юридической науки и правоприменительной практики. Инновационное развитие кафедры предполагает активное внедрение в учебный процесс технических средств и технологий электронного обучения. При проведении занятий преподаватели широко используют компьютеры, интерактивные доски и другое мультимедийное оборудование, в том числе в качестве технологий электронного обучения справочную систему «КонсультантПлюс». Активно внедряет в учебный процесс дистанционные методы проведения занятий кандидат юридических наук, доцент Н.П. Перепелкина.

В целях реализации уровневой системы образования в 2012 г. коллективом преподавателей кафедры разработана и внедрена в учебный процесс программа подготовки магистров «Гражданский и арбитражный процесс», пользующаяся спросом как выпускников Поволжского института управления, так и уже практикующих юристов.

Важнейшим приоритетом развития кафедры является сохранение и приумножение интеллектуально-творческих возможностей, совершенствование научной и педагогической компетентности профессорско-преподавательского состава. В целях реализации указанного направления преподаватели кафедры повышают свою квалификацию в Поволжском институте управления (Н.В. Перепелкина, И.В. Свечникова – 2013 г.); в органах федеральной и региональной государственной власти, местного самоуправления; в ведущих отечественных (Российская правовая академия Министерства юстиции РФ – А.И. Зинченко, 2013 г.) и зарубежных вузах (Потсдамский университет, г. Берлин, ФРГ – Т.В. Милушева, 2012 г.).

В 2012 г. заведующий кафедрой Т.В. Милушева защитила докторскую диссертацию на тему «Пределы и ограничения государственной власти: теоретико-правовое исследование». В настоящее время работают над кандидатскими и докторскими диссертациями доцент Ю.А. Подгорная, ст. преподаватель Т.В. Величко, кандидат юридических наук, доцент А.П. Яковлева.

Совмещение преподавания с научной деятельностью – традиция российской высшей школы. Направления научных исследований кафедры гражданского права и процесса обусловлены профилем вуза, специальностями аспирантуры, а также научными интересами каждого преподавателя.

Научно-исследовательская деятельность на кафедре ведется по нескольким направлениям.

Первый вектор научных исследований связан с проблемами природоресурсного, экологического, земельного права, в частности конституционного права граждан на здоровую окружающую среду, экологического налогообложения и т.д. (кандидат юридических наук, доцент О.А. Ляпина, аспиранты С.О. Лепи-

лин, В.Л. Подкопаев, М.А. Гостева). Основные результаты научных изысканий легли в основу монографий, научно-практических комментариев к законодательству¹, диссертационных исследований аспирантов (А.С. Алихаджиева, 2007 г.; С.А. Кошечев, 2009 г.).

Второе направление исследовательской работы, сосредоточенное на вопросах обеспечения судебной реформы и развития процессуального законодательства, реализуется доктором юридических наук, профессором А.Г. Коваленко, кандидатом юридических наук, доцентом А.И. Зинченко, кандидатом юридических наук, доцентом А.П. Яковлевой, аспирантами Р.И. Зейналовым, А.З. Агагабяном, М.В. Богомоловым. В русле научного поиска преподаватели-исследователи принимают активное участие в научных конференциях, круглых столах, методологических семинарах; сами выступают инициаторами и организаторами подобных мероприятий. С 2001 г. под руководством доктора юридических наук, профессора А.Г. Коваленко было защищено 14 кандидатских диссертаций по научной специальности 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс».

В рамках следующего направления разрабатываются актуальные проблемы частного права и законодательства – вопросы интеллектуальной собственности, приватизации, банкротства, наследования и другие (доктор юридических наук, доцент Т.В. Милушева, кандидат юридических наук, доцент Н.В. Перепелкина, кандидат юридических наук, доцент И.В. Свечникова, кандидат юридических наук, доцент И.А. Смагина, доцент Ю.А. Подгорная, ст. преподаватель Т.В. Величко). Развивая данную линию исследований, 28 февраля 2013 г. был подготовлен и проведен межвузовский круглый стол «Актуальные вопросы частного права», в работе которого активное участие приняли преподаватели кафедры и коллеги из Саратовского филиала Российской правовой академии, СГСЭУ, Саратовского военного института внутренних войск МВД России, представители власти, магистранты и студенты. Обзор круглого стола опубликован в «Вестнике ПАГС»².

Основные результаты научных исследований профессорско-преподавательского состава кафедры нашли отражение в диссертационных исследованиях аспирантов кафедры, научных статьях и монографиях³; учебниках и учебных пособиях (в том числе электронных) для студентов⁴. Подготовлены электронные учебные пособия («Российское предпринимательское право», 2007 г.; «Охрана права собственности», 2010 г.).

Организационная деятельность кафедры заключается в эффективном сотрудничестве с подразделениями института (отдел содействия в трудоустройстве выпускников, отдел довузовского образования, институт дополнительного про-

¹ См.: *Ляпина О.А.* Правовое регулирование платы за природные ресурсы в Российской Федерации. Саратов, 2000.

² См.: *Милушева Т.В., Яковлева А.П.* Актуальные вопросы частного права: межвузовский круглый стол, 28 февр. 2013 г. // Вестник ПАГС. 2013. № 3 (36). С. 130–136.

³ См., напр.: *Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение* / кол. авт.; под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов, 2013.

⁴ См.: *Гражданское право: учебник* / под ред. А.Г. Коваленко. М., 2013; *Перепелкина Н.В.* Жилищное право. М., 2006; *Свечникова И.В.* Авторское право: учеб. пособие. М., 2008; *Смагина И.А.* Российское предпринимательское право: учеб. пособие. М., 2009.

фессионального образования), другими вузами, органами государственной и муниципальной власти. Преподаватели кафедры участвуют в качестве независимых экспертов в работе конкурсных комиссий на замещение должностей государственной гражданской службы в министерстве по чрезвычайным ситуациям Саратовской области (И.В. Свечникова, А.П. Яковлева); членов аттестационной комиссии при Арбитражном суде Саратовской области (А.П. Яковлева); членов научно-консультационного совета Саратовского областного суда (Т.В. Милушева, Н.В. Перепелкина) и т.д. С целью объединения усилий правоведов в реализации задач повышения качества юридического образования в России осуществляется активное взаимодействие с Ассоциацией юридических вузов и Ассоциацией юристов России.

Воспитательная работа на кафедре, осуществляемая непосредственно в учебном, научно-исследовательском процессе, направлена в конечном итоге на создание условий для всесторонней самореализации студентов, их культурного и нравственного развития, формирования социальной и гражданской ответственности. Обобщая и распространяя собственный позитивный опыт учебной, практической и научно-исследовательской работы, ведущий доцент кафедры кандидат юридических наук Н.В. Перепелкина на протяжении многих лет успешно руководит научным студенческим кружком «Актуальные вопросы частного права», а также активно работает куратором студенческой юридической клиники. В 2012–2013 гг. с участием студентов проведено около ста консультаций населению, выиграно в судах пять гражданских дел.

Совместная деятельность преподавателей кафедры А.П. Яковлевой, Н.В. Перепелкиной, И.В. Свечниковой со студентами дает высокие научные результаты. В 2012 г. успехи студентов-исследователей получили признание на уровне Государственной Думы.

Эффективность функционирования кафедры в полной мере зависит от формирования коллектива как единой команды посредством соблюдения и развития традиций, культивирования ценности сопричастности общему делу, что способствует укреплению имиджа кафедры, осознанию удовлетворенности от своей работы. На достижение высоких творческих результатов и нацелен коллектив кафедры гражданского права и процесса.

***Т.В. Милушева**, доктор юридических наук,
доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алехина Ольга Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий кафедрой частного права Второго Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: olga-255@mail.ru

Бахлова Ольга Владимировна – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса, ведущий научные сотрудник научно-образовательного центра «Политический анализ территориальных систем» Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
e-mail: olga.bahlova@gmail.com

Гоцалюк Алла Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры украиноведения Межрегиональной академии управления персоналом (г. Киев, Украина)
e-mail: goz_pravo@ukr.net

Гришин Сергей Евгеньевич – доктор политических наук, профессор кафедры документоведения и ДОУ Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: s.e.гришин@письмо.рф

Зазаева Наталия Борисовна – доктор философских наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: zazaeva@mail.ru

Иванов Сергей Сергеевич – доктор политических наук, старший научный сотрудник Поволжского юридического института – филиала Российской правовой академии
e-mail: sergsergivanov@rambler.ru

Канафьева Виктория Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения
e-mail: vikakanafyeva1@rambler.ru

Ключников Антон Михайлович – аспирант кафедры таможенного, административного и финансового права Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: antoxa013@me.com

Коркоташвили Натия Нугзаровна – аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kor-natiya@yandex.ru

Коробов Андрей Александрович – доктор политических наук, профессор
e-mail: aakorobov@inbox.ru

Кристаллинский Леонид Борисович – кандидат политических наук, доцент, докторант Национального института бизнеса
e-mail: kris_leon@hotmail.com

Милушева Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: mtv62@mail.ru

Мичурина Елена Александровна – аспирант кафедры Гражданского и семейного права (Саратовская государственная юридическая академия)
e-mail: bichekhvost@mail.ru

Парубчак Иван Орестович – кандидат наук государственного управления, доцент, докторант Национальной академии государственного управления при Президенте Украины
e-mail: parubchak_io@ukr.net

Репьева Полина Владимировна – аспирант кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: repevapolina@mail.ru

Соколов Андрей Геннадьевич – ассистент кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: acefalcon@yandex.ru

Титова Александра Олеговна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, кредита и налогообложения Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: axelya@yandex.ru

Федоров Петр Михайлович – кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: 263816@mail.ru

Фролова Светлана Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail frolovasvetla777@yandex.ru

Шакирова Елена Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра Военно-Воздушных Сил Военно-воздушной академии имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (филиал в г. Сызрани)
e-mail: 5526reu@mail.ru

Ягудин Ильдар Рушанович – аспирант кафедры гуманитарных наук Энгельсского технологического института (ЭТИ) – филиала Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.
e-mail: business-assistant@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga Mikhailovna Alekhina – Candidate of Science (Law), Head of the Private Law Chair, Tambov Second Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: olga-255@mail.ru

Olga Vladimirovna Bakhlova – Doctor of Science (Politics), Professor of the World History and Political Process Chair, the leading research worker of the Scientific and Educational Center «Political Analysis of Territorial Systems», Mordovian State University named after N.P. Ogarev
e-mail: olga.bahlova@gmail.com

Alla Anatolievna Gotsalyuk – Candidate of Science (History), docent of the Ukraine Studies Chair, Interregional Academy of Personnel Management (Kiev, Ukraine)
e-mail: goz_pravo@ukr.net

Sergey Evginievich Grishin – Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Documentation Management Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: с.е.гришин@письмо.рф

Nataliya Borisovna Zazaeva – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: zazaeva@mail.ru

Sergey Sergeevich Ivanov – Doctor of Science (Politics), Senior Researcher, Volga Region Law Institute of the Russian Academy of Law
e-mail: sergsergivanov@rambler.ru

Viktoria Vladimirovna Kanafieva – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Advertising and Public Relations Chair, Sankt-Petersburg State University of Cinema and Television
e-mail: vikakanafyeva1@rambler.ru

Anton Mikhailovich Klyuchnikov – post-graduate student of the Customs, Administrative and Financial Law Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: antoxa013@me.com

Natiya Nugzarovna Korkotashvili – post-graduate student of the Political Science Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kor-natiya@yandex.ru

Andrey Aleksandrovich Korobov – Doctor of Sciences (Politics), Professor
e-mail: aakorobov@inbox.ru

Leonid Borisovich Kristalinsky – Candidate of Science (Politics), docent,
doctoral student of the National Institute of Business
e-mail: kris_leon@hotmail.com

Tatiana Vladimirovna Milusheva – Doctor of Sciences (Law), docent of the
Civil Law and Proceedings Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: mtv62@mail.ru

Michurina Elena Alexandrovna – post-graduate student of chair of the Civil
and family law (The Saratov state legal academy)
e-mail: bichekhvost@mail.ru

Ivan Orestovich Parubchak – Candidate of Science (Public Administration),
docent, doctoral student of the National Academy of Public Administration under
the President of Ukraine
e-mail: parubchak_io@ukr.net

Polina Vladimirovna Repieva – post-graduate student of the Theory of State
and Law Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: repevapolina@mail.ru

Andrey Gennadievich Sokolov – assistant of the Political Sciences Chair,
Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: acefalcon@yandex.ru

Aleksandra Olegovna Titova – Candidate of Science (Economics), docent of the
Finance, Credit and Taxation Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: axelya@yandex.ru

Petr Mikhailovich Fedorov – Candidate of Science (Sociology), docent of the Chair
of Human Resource Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: 263816@mail.ru

Svetlana Mikhaylovna Frolova – Candidate of Sciences (Philosophy), docent
of the Philosophy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Elena Yurievna Shakirova – Candidate of Sciences (Philosophy), Assistant
Professor of the Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Chair of the Military
Educational-Research Centre of Air Force “Air Force Academy named after Professor
N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin” (branch in Syzran)
e-mail: 5526reu@mail.ru

Ildar Rushanovich Yagudin – post-graduate student of the Humanities Chair,
Engels Institute of Technology (ETI) – branch of Saratov State Technical University
named after Gagarin Yu.A.
e-mail: business-assistant@bk.ru

144 2013 ● ВЕСТНИК ПАГС

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Бахлова О.В.

Политические механизмы оптимизации территориального управления
Российской Федерации 4

Коробов А.А., Гришин С.Е.

Дискретность миграционного пространства
как фактор риска устойчивости этнополитической системы 11

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

18

Кристалинский Л.Б.

Пограничное пространство России: современные особенности
и динамика изменения этнического состава 18

Парубчак И.О.

Идеологическая социализация: роль в социальных процессах государства 24

Гоцалюк А.А.

Научные традиции и инновации: природа взаимосвязи 31

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

37

Ягудин И.Р.

Институт гражданства в условиях современных мировых тенденций 37

Ключников А.М.

Проблемы применения трудового законодательства
при прохождении правоохранительной службы в органах наркоконтроля 43

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

49

Иванов С.С.

Политика христианского социализма
в контексте развития гражданского общества 49

Зазаева Н.Б.

Роль СМИ в формировании межэтнической толерантности
в современной России 56

Федоров П.М. Региональные Интернет-СМИ в формировании установок аудитории по отношению к мигрантам	63
---	----

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ
72

Титова А.О. Оценка действующих программ модернизации здравоохранения в России	72
Мичурина Е.А. Роль обеспечения исполнения обязательств в системе кредитных отношений	79

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА:
ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ**
86

Канафьева В.В. Кино как наглядное пособие по исследованию межкультурных аспектов	86
Фролова С.М. Духовные аспекты повседневной жизни общества	92
Шакирова Е.Ю. Морфологические свойства ризоморфного социокультурного пространства	99

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**
108

Рельева П.В. Баланс интересов как условие эффективности управления общественной жизнью	108
Коркоташвили Н.Н. ЕврАзЭС как политический институт реинтеграции постсоветского пространства	113

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ
121

Соколов А.Г. Курсанты Саратовской губпартшколы: историко-социологический анализ	121
Алехина О.М. Всероссийская научно-практическая конференция «Механизм оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: состояние и перспективы развития» (г. Тамбов, Второй Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 20 июня 2013 г.)	128
Представляем кафедре гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ	136

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
140

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Bakhlova O.V.

Political Optimization Mechanisms of Territorial Administration
of the Russian Federation 4

Korobov A.A., Grishin S.E.

Discrete Nature of the Migration Space as a Risk Factor
of Ethnopolitical System Stability 11

THE EURASIAN SPACE: INTEGRATION PROCESSES AND REGIONAL MANAGEMENT EXPERIENCE

18

Kristalinsky L.B.

Russian Boundary Space: Modern Peculiarities and Dynamics
of Its Ethnical Changes 18

Parubchak I.O.

The Ideological Socialization: the Role in Social Processes of the State 24

Gotsalyuk A.A.

The Scientific Tradition and Innovation: the Nature of the Relationship 31

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

37

Yagudin I.R.

The Institution of Citizenship in Conditions of the Modern World Trends 37

Klyuchnikov A.M.

Problems of Application of Labor Legislation with the Passage
of the Law Enforcement Service in the Bodies of Drug Control 43

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

49

Ivanov S.S.

The Policy of Christian Socialism in the Context of Civil Society Development 49

Zazayeva N.B.

The Role of Mass Media in the Formation
of Interethnic Tolerance in Modern Russia 56

Fedorov P.M.	
Regional Internet Media in the Formation of Audience Attitudes towards Migrants	63

SOCIAL-ECONOMIC MODERNIZATION OF RUSSIA

72

Titova A.O.	
Assessment of the Existing Programs of Healthcare Modernization in Russia	72
Michurina E.A.	
The Role of the Enforcement of Obligations in the System of Credit Relations	79

PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY: APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS

86

Kanafieva V.V.	
Cinema as a Visual Aid to Study Cross-Cultural Aspects	86
Frolova S.M.	
Spiritual Aspects of Social Daily Life	92
Shakirova E.Yu.	
Morphological Attributes of the Rhizome Social and Cultural Field	99

PUBLIC POLICY AND ADMINISTRATION IN RUSSIA: YOUNG SCIENTISTS' VIEW

108

Repieva P.V.	
Balance of Interests as a Condition of Public Life Efficient Management	108
Korkotashvili N.N.	
EurAsEC as a Political Institute of Reintegration of Post-Soviet Countries	113

REVIEWS. SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE

121

Sokolov A.G.	
Cadets of the Saratov Provincial Soviet Party School: Historical and Sociological Analysis	121
Alekhina O.M.	
All-Russian Scientific and Practical Conference "Mechanism of Free Legal Assistance in the Russian Federation: State and Perspectives of Development" (Tambov, Administration of the Tambov Region, Tambov Second Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; June 20, 2013)	128
We Present the Civil Law and Proceedings Chair of Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration	136

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

143

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 5 (38)

Редакторы *Т.П. Иванова, Л.Н. Головченко, Е.В. Феклистова*
Компьютерная верстка *М.В. Лысцевой*

Тем. план 2013 г., п. № 852

Подписано к печати 25.11.2013 г. Формат 70x100 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 500. Заказ 489.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) пристатейный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжской академии государственной службы»

Акаев Дмитрий Валерьевич

(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>